

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 10 (31)

Part 2

Academic Journal

Series

History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 10 (31)

Часть 2

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Москва
2017

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)
ББК 63.3я5+80я5+71я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Де Барделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клоканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н., чл.-кор. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновец, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск: Г.И. Зверева, д. ист. н., проф. (РГГУ)

ISSN 2073-6355

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Культурно-исторические исследования

Н.В. Сафонова

Формирование зооморфных представлений
и специфика их развития в древнеегипетской культуре 169

Б.С. Ляпустин

Эволюция хозяйственной жизни римской фамилии
в эпоху Поздней республики 175

И.М. Чирскова

Образование и печать в культурной политике России
второй четверти XVIII в.: законодательная регламентация 184

А.Б. Ипполитова

«Молитвы к собиранию трав и наставление, как рвать травы»
в рукописном сборнике М. Вельякова 1890-х гг. 202

Л.В. Беловинский

История повседневности в деталях: проблемы комментирования
текстов русской литературы 217

И.В. Семенов-Басин

«Национальный агиографический проект»
в российском культурном процессе XIX века 229

М.А. Полякова

Культурное наследие и туризм: проблемы
взаимодействия и противостояния 240

Визуальные исследования

Д.И. Антонов

«Хвалите Господа с Небес», или Несколько наблюдений
о визуальном bestiarii русской иконографии 248

А.В. Пожидаева

В поисках утраченного образца: к вопросу о происхождении персонификаций Дней творения в западноевропейских циклах Сотворения мира XII в.	258
---	-----

С.А. Яценко

Искусство у порога иного мира	269
-------------------------------------	-----

Медиаисследования

Г.А. Суковатых

Функциональные особенности современного кинотеатрального трейлера	280
--	-----

З.К. Саламова

Сторителлинг о «реальных преступлениях» в аудио-подкастах: способы взаимодействия авторов и аудитории	289
--	-----

Abstracts	306
-----------------	-----

Сведения об авторах	312
---------------------------	-----

CONTENTS

Studies in Cultural History

N. Safonova

- Genesis of Zoomorphic Images and Specifics of its Developments
in Ancient Egyptian Culture 169

B. Lyapustin

- The Evolution of Economic Life of Roman familia during
the Epoch of Late Republic 175

I. Chirskova

- Education and the Press in the Russian Cultural Policy
of the Second Quarter of the XVIII Century: Legislative Regulation 184

A. Ippolitova

- “Prayers regarding the Collection of Herbs and Instructions
on how to pick them” in Russian Manuscript
from the 1890s ascribed to M. Velyakov 202

L. Belovinsky

- The History of Everyday Life in Details: the Problems
of Commenting on Texts of Russian Literature 217

I. Semenenko-Basin

- “The National Hagiographic Project” in the Russian
Cultural Process in the 19th century 229

M. Polyakova

- Cultural Heritage and Tourism: Interaction and Confrontation 240

Visual Studies

D. Antonov

- “Praise the Lord from the Heavens” or Some Observations
on the Visual Bestiary of Russian Iconography 248

A. Pozhidaeva
Searching for the Lost Sample: Revisiting the Origin
of the Personifications of the Creation Days
in West-European Cycles of XII Century 258

S. Yatsenko
Art at the Threshold of the Other World 269

Media Studies

G. Sukovatykh
Functional Features of the Contemporary Theatrical Movie Trailer 280

Z. Salamova
Storytelling about “True Crimes” in Audio Podcasts:
Ways of Interaction between the Authors and the Audience 289

Abstracts 306

General data about the authors 312

Формирование зооморфных представлений и специфика их развития в древнеегипетской культуре

Зооморфные образы играли огромную роль в культуре древних, архаичных обществ. По мере изменения сознания человека менялись и представления о животных, их значение и место в культуре. На сегодняшний день существует множество разнообразных теорий об истоках формирования и последующем развитии образов животных, а также их восприятия в сознании людей в разные периоды истории. Нас главным образом интересуют периоды древней и античной истории в Египте, где, как известно, зооморфные образы были прочно вплетены в культурный контекст и сохраняли свое значение до конца существования древнеегипетской цивилизации. В данной статье автор ставит целью показать, до какой степени первобытные представления о животном мире отразились на их последующем развитии и продолжали сохраняться в поздней истории Древнего Египта.

Ключевые слова: зооморфные образы, первобытная культура, Древний Египет, Римский Египет, раннее христианство.

Зооморфные образы использовались людьми в разных культурах в различных целях: как объекты культа, поклонения, магических ритуалов, метафорического выражения божественных и демонических сил, как персонажи сказок, басен и т. д. Прочное укоренение в коллективных представлениях категорий животного мира вызвано, во-первых, постоянным физическим присутствием животных в жизни человека с самой глубокой древности, а во-вторых – их определенным поведенческим сходством с людьми, благодаря чему животные очень рано стали использоваться человеком

в метафорическом и описательном, а позже и в иносказательном языках.

На основании анализа древних изображений и мифологических конструкций ученые реконструируют процесс наделения животных символическим значением. Полученные данные демонстрируют, что с самых ранних этапов истории животные являлись частью различных культовых практик: ритуальных охотничьих действий, погребальных обрядов, защиты и покровительства племени в качестве его тотемных прародителей¹. Изображение человека с животными чертами или в масках животных было также распространено и подчеркивало тесную связь человека с природным миром. Культ животных играл значительную роль и в представлениях о богине-матери в разных культурах. Так, например, существовали представления о ней в образе коровы, а главного божества – в образе быка или льва. Процесс перехода от изображения зооморфных божеств к антропоморфным некоторыми исследователями объясняется процессом одомашнивания и, таким образом, победой человека над природой². Причем в результате этой победы человек становился Пастырем как для животных, которые входили в состав домашнего скота, так и для своих домочадцев, т. е. своего рода. Этим же явлением объясняется и обратный процесс изображения царя звероподобным, как «главного» животного в стаде. Таким образом, царь-пастух ассоциировал себя с тотемным животным – покровителем рода.

Распространенные с первобытной эпохи, сцены охоты и убийства животных также могут интерпретироваться как манифестация победы человека в его противостоянии с сильнейшим физически зверем. Этим можно объяснить причину наличия у правителя Египта собственного ритуального стада, предназначенного исключительно для жертвоприношений. Как, например, у одного из додинастических царей в Иераконполе, в погребальном комплексе которого, в могильных ямах вокруг открытого двора для жертвоприношений, было найдено около 37 тыс. останков разного вида животных, большинство из которых отнеслось к речным обитателям или диким млекопитающим пустыни³. По мнению археолога Рене Фридмана данная находка говорит о том, что египтяне путем подобных захоронений хотели продемонстрировать силу и власть над неразумным хаотичным миром и, следовательно, победу человека над природой и стихией⁴.

Формирование и развитие зооморфных представлений, как правило, является схожим для первобытных культур различных

народов. Однако на определенном этапе возникают существенные отличия в восприятии животного мира. В ходе исторического развития изображение сцен охоты и убийства животных приобретает новую смысловую коннотацию. У египтян это становится символом власти и победы царя или крупного чиновника над врагами, а у соседних греческих народов означает победу над кровожадной природой и усмирение дикого зверя в себе⁵.

При этом древнегреческие философы могли признавать тождество человеческой и звериной сущности, но последним отказывали в разумности⁶. Животные выступали уже символами неумеренной и неразумной природы, которая подлежит усмирению путем воспитания и обучения. Древние греки населяли мир и гибридными существами: сатирами, кентаврами, при этом добавление животных черт человеческим фигурам символизировало их низшую природу, необузданный нрав и нехватку самоконтроля. Внутреннее противостояние низкого, дикого и высокого, умеренного начал являлось отражением космической борьбы хаоса, мрака и разумного космоса. Именно поэтому знаменитое изображение Орфея с окружающими его животными, которых он очаровывал звуками музыки, быстро стало аллегорией мира и спокойствия, когда дикая природа усмиралась и приходила в равновесие под влиянием музыкальной гармонии.

Древние люди очень рано начали воспринимать животных в контексте присущих им определенных качеств, чем объясняется такое распространение анималистических метафор в последующей традиции⁷. Изображения животных часто использовались при описании эмоционального состояния человека, черт его характера, физических характеристик. И если у греков прослеживалась устойчивая связь животного и неразумного, то у египтян, напротив, изображения анималистических черт свидетельствует о присутствии позитивных и, более того, божественных качеств.

Изначально божественность определенных животных в Египте была связана с традицией локальных, еще «додинастических» номовых божеств, часто имеющих тотемное происхождение. На протяжении египетской истории дифференциация номов сохранялась, что обеспечило и сохранение их культа. По справедливому замечанию Д. Меекса, с этим связано и присутствие в пантоне богов только «местных» животных, т. е. тех, которые жили в Египте еще с додинастического времени. В эпоху Нового царства, несмотря на появление и распространение в изобразительных мотивах и пластике таких животных, как лошадь и петух, эти животные не становятся частью зооморфного пантеона. На протяжении

всей египетской истории боги могли принимать формы только тех животных, которые были связаны с изначальной тотемической традицией⁸.

Устойчивость религиозных воззрений, постоянство культовых практик отражали мировосприятие египтян, сформированное многообразными факторами, в первую очередь – благоприятными климатическими условиями и относительно безопасным территориальным расположением Египта. В отличие от других цивилизаций, которым повезло значительно меньше в этом отношении, египтяне стали воспринимать безопасные и стабильные условия своего существования как данность самой Природы, того миропорядка, который обеспечивал обожествленный царь, выполняющий необходимые ритуалы для его поддержания. Так, и зооморфные представления о богах также являлись частью архаичного концепта о мироздании, где вера в тотемических предков олицетворяла собой связь родовой общины с территорией⁹.

В централизованном Египте благодаря сильно развитому почитанию верховного божества при сохранении значения местных культов создались условия для развития синкретичных представлений о том, что боги могли принимать различные формы, одной из которых являлись представители животного мира. Боги могли вселяться в животных, их душа – Ба – имела зооморфный облик, и, наконец, конкретные животные с определенными физическими характеристиками могли быть живым воплощением бога на земле. Истоки подобного отношения к животным и почитание зооморфных божеств, не утратившее своей силы на протяжении длительной истории государства, восходили к представлениям о специфической связи животных с богом и миром божественного. Из мифа об истреблении людей в начале времен, когда люди и боги жили вместе, мы узнаем, что люди совершили страшный грех, устроив бунт против верховного правителя – бога Ра¹⁰. В результате боги покинули земной мир. Причина, по которой они более охотно выбирали форму животного, чтобы явить себя миру, кроется в том, что в отличие от людей животные неповинны в совершенном грехе против бога и, следовательно, более достойны того, чтобы выступать живым его символом.

Как отмечает Д. Меекс, доказательством того, что животные имели особую связь с миром божественного, служат ритуальные тексты, где специально оговаривалось, что сверхъестественная сила могла принимать форму «змея, собаки, человека или крокодила», где человек – это лишь одна из форм, причем не самая главная. Важно отметить, что зооморфные изображения были прерогативой

богов, и только изредка царей во время ритуала. Причем аспект божественной природы в смешанных антропо-, зооморфных образах передавался именно через животные черты¹¹. Более того, в позднее время начинали причудливо сочетаться и черты различных животных в одном боге: так, Себек, имея тело крокодила, мог быть изображен, например, с головой сокола, выступая в этой ипостаси как повелитель времени. Таким образом, избранный тип животного в передаче образа богов делал видимым один из аспектов его великой божественной силы, а сакрализация самих животных имела целью приблизить богов к людям.

Высокая роль зооморфных изображений прослеживается на протяжении всей истории древнеегипетской цивилизации. Особое отношение к животным продолжало сохраняться и в христианскую эпоху. В историях святых и мучеников божья воля часто являла себя через животных, как правило диких, которые могли пощадить мученика на арене, начать ластиться к ногам святого и т. д. При этом стоит отметить неискоренимое позитивное отношение к зооморфным изображениям и представления о пригодной природе животных для передачи божественных образов, что способствовало появлению иконографии святых и ангелов с головами животных, а также развернутой символики, где анималистические персонажи превратились в знаки, связанные не с реальным миром, но с миром духовным.

Примечания

- ¹ См., например: *Antanaitis I.R.* Interpreting the Meaning of East Baltic Neolithic Symbols // Cambridge Archeological Journal. 1997. Vol. 7 (1); *Kalof L.* The Cultural history of Animals: Antiquity to the Dark Age. Bloomsbury Academic, 2007; *Токарев С.А.* Мифы народов мира. М.: Советская Энциклопедия, 1991.
- ² *Kalof L.* Op. cit. P. 33.
- ³ Before the pyramids. The origins of Egyptian civilization / Ed. by E. Teeter. Chicago: The Oriental Institute, 2011. P. 79.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа [Электронный ресурс] // Большая онлайн библиотека e-Reading. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=38411> (дата обращения: 20.12.2016).
- ⁶ Спор о разумности животных на протяжении нескольких веков проходил между платониками и стоиками. Стоики доказывали, что животные не имеют разума и их природа не тождественна человеку. Тогда как последователи Платона

считали, что животная и человеческая природа одинаковы, но человек имеет способности к воспитанию и обучению, благодаря чему может «победить» в себе животную природу.

⁷ *Муратова К.М.* Средневековый bestiарий. М.: Искусство, 1982. С. 8.

⁸ *Meeks D.* Corps des Dieux // Le temps de la Reflection. 1986. Vol. 7. P. 173.

⁹ *Токарев С.А.* Мифы народов мира [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bwbooks.net/index.php?id1=4&category=obrazovanie&author=tokarev-sa&book=1991&page=6> (дата обращения: 04.01.2017).

¹⁰ *Рак И.В.* Мифы Древнего Египта. СПб.: «Петро-РИФ», 1993. С. 76.

¹¹ *Meeks D.* Op. cit. P. 176.

Эволюция хозяйственной жизни римской фамилии в эпоху Поздней республики

В эпоху Поздней республики фамилии элиты проникли во все уголки Средиземноморья. Новые элементы хозяйства в отдаленных регионах и отъезды представителей элиты из Рима по государственным делам уже не позволяли *pater familias* эффективно контролировать хозяйственную жизнь фамилии прежним способом. Возникавшие проблемы удавалось решать при помощи института *amicitia*. Эти изменения были экономическим кризисом роста римской фамилии в эпоху политического кризиса Римской республики.

Ключевые слова: Поздняя республика, экономика, фамилия, *pater familias*, *amicitia*.

В экономической истории одним из важнейших является вопрос, как соотносятся между собой политические изменения с экономическим развитием Древнего Рима. Как отметил Ж. Андро, он пока еще не получил полного и исчерпывающего ответа¹. Особый интерес этот аспект представляет для изучения эпохи Поздней республики, когда в период острого политического кризиса наблюдается общее экономическое развитие Рима. Чтобы приблизиться к пониманию этого сложного феномена, следует учитывать, что в отличие от современности древнеримская экономика не являлась ни доминирующей, ни самостоятельной сферой; она напрямую зависела от политической и моральной сторон жизни². Если рассматривать данную проблему сквозь призму хозяйственной жизни основной социально-экономической ячейки Древнего Рима – фамилии высших слоев римского общества (сенаторов и всадников), то протекавшие процессы можно увидеть под иным углом зрения.

Экономическая жизнь фамилии была неразрывно связана с жизнью римской гражданской общины, и здесь прослеживается ряд важных моментов. После подчинения Италии и завоевания заморских территорий Римом, *civitas* перешагнула границы первоначальной территории. Вслед за ней и фамилии представителей высших слоев римского общества вышли за пределы крестьянского хозяйства в Лации и распространили свои владения по всей территории Апеннинского полуострова. Несмотря на рост земельной собственности, ее структура у представителей римской элиты, как уже было показано в исследованиях, оставалась традиционно дробной и состояла из нескольких поместий катоновского типа³. Они находились под управлением виликов, но домовладыка по возможности регулярно посещал свои владения и контролировал деятельность администрации и проверял счета поместья.

В это же время возникают крупные скотоводческие хозяйства сенаторов и всадников на территории Южной Италии, связанные с перекочевкой стад на дальние расстояния⁴. Мы располагаем сведениями не более чем о двух десятках владений сенаторов на юге Апеннин, однако присутствие элиты было значительно шире. По мнению А. Джардина, из-за удаленности владений, куда домовладыки практически никогда не добирались, собственники земельных владений остаются незафиксированными в источниках⁵.

Как отмечал Цицерон (*Rosc. Am.* 132), из удаленных от Рима поместий в Бруттии их владельцы с большим трудом получали известия трижды в год. Да и Варрон, сторонник приносившего большие доходы отгонного скотоводства, по мнению Ф. Дези, вряд ли хоть когда-нибудь участвовал в сопровождении своих стад на зимние пастбища Апулии⁶.

Во главе пастухов, которые сопровождали кочевавшие стада, стояла уже новая фигура в рабской администрации – *magister resoris*, который по своему усмотрению несколько месяцев самостоятельно управлял имуществом хозяина⁷. В сельских владениях элиты появилось своеобразное передвижное хозяйство, которое могло приносить огромный доход. И хотя оно находилось под властью главы фамилии, имело с ним весьма слабые связи. А это вело к утрате домовладыкой регулярного и действенного контроля над этой частью фамилии, что свидетельствовало о кризисе традиционных форм управления, базирующихся на возможности постоянного и эффективного контроля главы фамилии рабского персонала, имущества и доходов.

Завоевание заморских провинций открыло широкое поле деятельности для представителей римской элиты, что в итоге вело

к проявлению тех же тенденций в хозяйственной жизни фамилии. Так, знаменитый ревнитель старины Катон организовывал заморские торговые экспедиции, приносившие огромный доход, поставив во главе их доверенное лицо – отпущенника Квинктиона (Plut. Cato mai. 21). Но наиболее обширные сведения о хозяйственной деятельности в этой сфере связаны с фамилией Сестиев. Уже с конца II в. до н. э. Луций Сестий, занимавший должность народного трибуна между 100 и 90 гг. до н. э.⁸, организовал в поместье Сеттефинестре возле Козы интенсивное винодельческое хозяйство и для транспортировки вина наладил производство керамической тары и других изделий⁹. Археологи обнаружили большое количество амфор из поместья Сестиев с аббревиатурой SES, SEST¹⁰ как в Италии, так и на территории Испании, Франции, Швейцарии и Греции¹¹. Самые многочисленные находки этих амфор были произведены на территории Франции, а обнаруженные под Марселем (Grand Congloué) остатки корабля с более чем 1700 амфорами с клеймами SES указывают, что Сестии осуществляли в Галлию массовые поставки вина из своего поместья в течение всего I в. до н. э. Вилла Сеттефинестре была одним из многочисленных поместий в эпоху Поздней республики, производивших вино для продажи в провинции. Только район Козы по подсчетам исследователей мог производить до 50 тыс. гектолитров вина в год¹².

Активные торговые операции и перевозка на кораблях домовладыки товаров, произведенных в хозяйстве фамилии, привели к появлению в рабской администрации новой фигуры – *magister navis*. Как и *magister pectoris*, он появляется в эпоху Поздней республики¹³. Являясь начальником на корабле и объединяя функции капитана, управляющего и торгового агента *pater familias*, он доставлял товар в провинции и заключал торговые сделки, за которые нес ответственность перед домовладыкой¹⁴. Как и магистр пастихов, он на многие месяцы мог выходить из-под контроля главы фамилии. Точное выполнение предписанных ему обязанностей зависело только от его моральных качеств. А они порой были весьма низкого уровня. Недаром в римском праве появился специальный преторский иск – *actio exercitoria* (Gai. 4. 71; Dig. XIV 1. 1. 19–20), который рассматривал иски к главе фамилии за ущерб, нанесенный его подвластным. Когда ущерб причинялся при сделках, исполненных по прямому указанию домовладыки, то глава фамилии возмещал его в полном объеме. Но если подвластное лицо, выйдя за рамки предписания, наносило ущерб самовольными действиями, то *pater familias* отвечал только в объеме пекулия, который существовал отдельно от счетов господина. И это было логично,

поскольку контролировать и не допускать произвола своих агентов в далеких от Рима провинциях домовладыка не мог.

О своеволии своего финансового агента вольноотпущенника Гилара и клиента Аттика в провинции эмоционально повествует Цицерон в письме к другу (*Cic. Ad Att. I. 12, 2*). Он характеризует его как «подлинного негодяя» (здесь и далее пер. В.О. Горенштейна) и просит Аттика, находившегося в это время в Афинах, расследовать его делишки и устранить «этого бездельника» от всех порученных дел. Этот эпизод показывает, что у сенаторов, занятых государственными делами в Риме и выкраивавших время лишь на посещение поместий в Италии, не было ни сил, ни возможностей контролировать хозяйственные дела в заморских провинциях.

Рассмотренный материал свидетельствует, что фамилия римской элиты в последний век республики превратилась в сложный производственный организм. В нем сельскохозяйственное производство, ремесленная деятельность и оптовая торговля органично дополняли друг друга, обеспечивая домовладыке высокий доход. Это было необходимым условием принадлежности главы фамилии к высшим социальным группам древнеримского общества, для которых было характерно тесное переплетение политических и экономических сфер деятельности. Владения, которые располагались недалеко от столицы, где протекала активная политическая деятельность домовладыки, находились под непосредственным контролем *pater familias*. А хозяйственные структуры, удаленные на многие сотни километров, контролировать силами фамилии уже было невозможно. В этой ситуации на помощь главе фамилии приходят наиболее близкие к домовладыке люди: родственники и друзья, что полностью соотносилось с традиционной формой повседневного поведения римлян. Г.С. Кнабе подчеркивал, что ни один римлянин не предпринимал сколько-нибудь серьезного шага как в домашних делах, так и в политике без совещания с «друзьями»¹⁵. Обычно в первую очередь советовались с близкими и дальними родственниками, земляками, близкими по образу жизни и мысли соратниками и даже доверенными клиентами и вольноотпущенниками.

Это наглядно свидетельствует переписка Цицерона. Марк обсуждает с братом Квинтом все вопросы, связанные с приобретением и управлением имущества фамилии (*Cic. Q. fr. II. 6 (5). 3; III. 1. 23–24; III. 4. 5 и др.*). Круг их интересов широк. Так, помимо хозяйственных вопросов, Квинт советуется с Марком и насчет планов пребывания у Цезаря в Галлии (*Q. fr. III. 1. 9; 1. 17; 6. 1 и др.*). Марк

также подробно информирует брата, находившегося за пределами Италии, об экономической жизни и финансовых делах его фамилии в городе и деревне (*Cic. Q. fr. II. 2. 2; 4. 2; 3. 7; II. 6 (5). 3; III. 1. 1; III. 1. 4–6 и др.*). Во всех этих эпизодах Марк Туллий Цицерон фактически выступает «оком брата» в его владениях.

Но в отсутствие брата Марк мог принимать решения, связанные с оптимальным управлением имуществом Квинта (*Q. fr. II. 5. 4; III. 1. 1–2*). С. Питтия, специально рассмотревшая, в какой степени Марк вмешивался в дела брата, отмечала, что граница между ролью информатора, управлявшего текущими делами отсутствующего брата, и принятием за Квинта решений, которые входят в компетенцию главы фамилии, оказывается весьма зыбкой¹⁶. Однако переходил он ее только тогда, когда проблема уже была предварительно обсуждена и Квинт вынес свое решение. Поэтому все распоряжения Марка в отсутствие брата касались только вопросов всесторонней и оптимальной реализации замысла домовладыки¹⁷.

Марк вел и финансовые дела брата, пока Квинт находился за пределами Рима. Он самостоятельно совершает для Квинта, видимо на аукционе, покупку за 101 000 сестерциев имущества у Фуфидия в Арпине (*Q. fr. III. 1. 3*)¹⁸, уплачивает подрядчику деньги за произведенные работы (*Q. fr. II. 4. 2*), лоббирует в сенате выгодную для Квинта компенсацию трат за наместничество в Азии в динариях и выплачивает его долг Антонию и Цепиону согласно указаниям Квинта (*Cic. Q. fr. I. 3. 7*). Марк был в курсе финансовых затруднений брата и защищал его, когда он задерживал выплату долга Аттику (*Cic. Att. IV. 7. 2; VII. 18. 4; X. 11. 2*). Нехватка денег, их поиск и решение финансовых вопросов заставляют братьев совместно принимать решения и вести дела¹⁹. Примером общей прибыли стали рабы, выделенные Марку из добычи Квинта в Галлии (*Cic. Q. fr. III. 7 (9). 4*). Но в финансовых расчетах фамилии каждый отвечал сам за себя. Причины участия в управлении имуществом брата во время отсутствия Квинта в Риме проистекают из чувства родства братьев и основанных на этом близких отношений. Марк считает его не только братом, но и добрым товарищем, и сыном, и мудрым, подобно отцу (*Cic. Q. fr. I. 3. 3*).

Помимо описания родственных связей в эпистолярном наследии Цицерона отразилась такая важная особенность повседневной, хозяйственной и политической сфер жизни античного гражданина, как его включенность в различные контактные группы. Микроколлективы в Древнем Риме составляли плоть общественной жизни²⁰. Коллегиальность и складывавшиеся на этой

основе сообщества и содружества были в Риме «социально-психологической потребностью, универсальной стихией существования, которую постоянно и многообразно источали из себя социально-экономические и политико-идеологические условия жизни общества»²¹. Для элиты таким содружеством выступало сообщество друзей (*amicitia*), в рамках которого принимались все важнейшие решения.

Цицерон обсуждает различные вопросы с другом Аттиком. И для того, и для другого важно мнение близкого друга и поддержка принятого решения (*Cic. Att. VII. 5. 3; XII. 28. 3; I. 14. 7*). Такие же отношения были с Публием Сестием (*Cic. Fam. V. 6. 2*). В свою очередь, когда Публий Сестий находился в Македонии, Цицерон информировал друга о делах его фамилии (*Cic. Fam. V. 6. 3*). *Amicitia* активно использовалась при финансовых операциях. Из произведений Цицерона, как показал Ж. Андро, известно 25 представителей элиты, ссужавших деньги в долг²². Для Марка и Туллия таким человеком, к которому они часто обращались за финансовой помощью, выступает всадник Атик. Но оба брата обращаются и к другим представителям знати. Цицерон оценивает эту новую ситуацию – возможность использовать для своих целей денежные ресурсы друзей – в письме к Аттику в январе 61 г. до н. э., когда описывает покупку дома. «Дело в том, что и я удачно купил дом, и люди стали понимать, что допустимо пользоваться средствами друзей при покупке, которая делается для придания себе некоторого веса» (*Cic. Att. I, 13, 6*). Таким образом, *amicitia* в дополнении к индивидуальным усилиям домовладыки выступает важным механизмом достойного приобретения фамильного имущества, столь необходимого для политической карьеры и поддержания высокого социального статуса.

Но возможности *amicitia* были шире. Привлекая друзей, можно было эффективнее управлять имуществом фамилии и контролировать деловых агентов, находящихся вдали от *pater familias*. Так, Марк, как уже упоминалось выше, поручает Аттику в Афинах отстранить от участия в денежных операциях негодя вольноотпущенника Гилара (*Cic. Att. I. 12. 2*). В другом письме (*Att. I. 15. 2*) Цицерон просит сообщить, что Атик выполнил из переданных ему поручений (*de meis mandatis*). В переписке Марк постоянно дает указания по важным хозяйственным вопросам фамилии – закончи, удали, разузнай и т. п. (*Cic. Att. I. 12. 2; II. 4. 1; 6. 2; 16. 4*).

К. Вербовен, который специально исследовал институт *amicitia* в экономике, отмечал, что основой совместных экономических дей-

ствий друзей выступали высокие моральные нормы и нравственные ценности в духе *mos maiorum*, объединявшие близких людей. В их числе: благородство, щедрость, благодеяние, благодарность и ответный долг, верность, доброжелательность и любовь, достоинство²³. По существу *amicitia* выступает как система социального обмена, генерирующая различные ресурсы²⁴. Ж. Андро, рассматривавший вопрос о том, что доминировало в экономической сфере: индивидуальные усилия, родственные связи или единство и солидарность аристократии, показал, что в финансовой деятельности сила дружбы становится сильнее силы родства. Новые отношения вытесняли традиционные поведенческие модели глав фамилий, характерные прежде²⁵.

Появление в Поздней республике новых элементов семейного хозяйства в различных уголках римского мира, куда *patris potestas* домовладыки дотянуться не может, сделали невозможным управление имуществом фамилии на тех же принципах, как это делали предки в рамках замкнутой, живущей изолированной самостоятельной хозяйственной жизнью фамилии. В это время полноценная хозяйственная жизнь фамилии (регулярное получение материальных и финансовых средств) представителей высших слоев римского общества, которая необходима для поддержания высокого социального статуса домовладыки, стала возможна только с широким привлечением помощи и ресурсов «друзей».

Такая помощь друзей и родственников в управлении разросшейся фамилии, перешагнувшей свои прежние рамки, указывает на важные изменения, которые произошли в прежде замкнутой, с четко очерченными рамками фамилии. Это был объективный процесс, отражавший дальнейшее развитие хозяйства домовладыки, который свидетельствовал, что традиционная форма организации хозяйственной жизни римской фамилии в эпоху Поздней республики переживала своеобразный кризис. На повестку дня остро встал вопрос разрушения прежней обособленности фамилии, трансформации принципов ее жизни и управления. Семейное хозяйство в эпоху политического кризиса и гибели республики исчерпало свой внутренний потенциал и также вступило вслед за *civitas* в полосу кризиса. Но это не был кризис экономического упадка и деградации. Наоборот, экономический потенциал фамилии растет и укрепляется. Кризис форм управления обширным хозяйством фамилии был кризисом роста, открывавшим новые возможности развития и фамилии, и всего общества.

Список сокращений

- Cic. Rosc. Am. – M. Tullius Cicero, Pro S. Roscio Amerino / Марк Туллий Цицерон, Речь в защиту Секста Росция из Америи
 Plut. Cato mai. – Plutarchus, Cato maior / Плутарх, Катон Старший
 Gai – Gaius, Institutes / Гай, Институции
 Dig. – Digesta Iustiniani / Дигесты Юстиниана
 Cic. Ad Att. – M. Tullius Cicero, Epistulae ad Atticum / Марк Туллий Цицерон, Письма к Аттику
 Cic. Q. f. – M. Tullius Cicero, Epistulae ad Quintum fratrem / Марк Туллий Цицерон, Письма к брату Квинту
 Cic. Fam. – M. Tullius Cicero, Epistulae ad familiares / Марк Туллий Цицерон, Письма к близким

Примечания

-
- ¹ *Andreau J.* Rôle de l'économie dans le passage de la République à l'Empire // Die späte römische Republik. La fin de la république Romain. Un débat franco-allemand d'histoire et d'historiographie / Ed. par H. Bruhns, J.-M. David, W. Nippel. (Collection de l'École française de Rome. 235.) Rome: EFR, 1997. P. 169–193.
- ² *Кузицин В.И., Штаерман Е.М.* Экономика и политика в античном обществе // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 52.
- ³ *Кузицин В.И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. – I в. н. э.). М., 1976. С. 71, 130.
- ⁴ *Thompson J.* Pastoralism and Transhumance in Roman Italy // Pastoral Economies in Classical Antiquity / Ed. by C.R. Whittaker. Cambridge: Cambridge Philological Society, 1988. P. 213.
- ⁵ *Giardina A.* L'Italia Romana. Storie di un'identità incompiuta. Roma, 1998. P. 141.
- ⁶ *Desy Ph.* Recherches sur l'économie apulienne au II et au I siècle avant notre ère. Bruxelles, 1993. P. 168.
- ⁷ Об этом см.: *Ляпустин Б.С.* Magister в хозяйственной структуре римской familia II в. до н. э. – II в. н. э. (К вопросу о функциях и правомочиях рабского magister) // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2007. № 3. С. 85–97.
- ⁸ *Münzer F.* Sestius (s.v.) // RE. II. R. Hlbd. 4. Stuttgart, 1923. P. 1884 (n. 2).
- ⁹ *D'Arms J.H.* Commerce and Social Standing in Ancient Rome. Cambridge, MA; L., 1981. P. 56–57; *Brown F.E.* Cosa. The Making of a Roman Town. Michigan: Ann Arbor, 1980; *Carandini A.* Schiavi in Italia. Gli strumenti pensanti dei Romani fra tarda Repubblica e medio Impero. Roma, 1988. P. 109–127.
- ¹⁰ *D'Arms J.H.* Op. cit. P. 56, fig. 8.

- ¹¹ *Tchernia A.* Le vin de l'Italie romaine. Essai d'histoire économique d'après les amphores. Rome: Ecole française de Rome, 1986. P. 163, 401, carte 6. doi : 10.3406/befar.1986.122.
- ¹² *Greene K.* The Archaeology of the Roman Economy. L., 1986. P. 87–93; *Tchernia A.* Op. cit. P. 161; *Di Porto A.* Impresa agricola ed attività collegate nell'economia della «villa»: alcune tendenze organizzative // *Sodalitas. Scritti in onore di A. Guarino*: In 9 vols. Vol. 7. Napoli, 1984. P. 32–36.
- ¹³ Об этом см.: *Ляпустин Б.С.* Указ. соч. С. 97–105.
- ¹⁴ *Guarino A.* Magister e gubernator navis // *Labeo*. 1965. Vol. 11. P. 36–37.
- ¹⁵ *Кнабе Г.С.* История. Быт. Античность // *Быт и история в античности* / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М., 1988. С.14.
- ¹⁶ *Pittia S.* L'influence des liens de parenté sur la prise de décision économique: le cas des *Tullii Cicero* // *Mentalités et choix économiques*. Bordeaux, 2004. P. 27.
- ¹⁷ *Pittia S.* Op. cit. P. 34.
- ¹⁸ По мнению С. Питтия, это связано с аукционной продажей, когда времени на обсуждение покупки не было. См.: *Pittia S.* Op. cit. P. 32.
- ¹⁹ Подробнее об этом см.: *Pittia S.* Op. cit. P. 35–39.
- ²⁰ *Кнабе Г.С.* История. Быт. Античность // *Быт и история в античности* / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М., 1988. С. 14.
- ²¹ *Кнабе Г.С.* Древний Рим – история и повседневность. М., 1986. С. 139.
- ²² *Andreau J.* Activité financière et liens de parenté en Italie romaine // *Parenté et stratégies familiales dans l'antiquité romaine. Actes de la table ronde des 2–4 octobre 1986* (Paris, Maison de sciences de l'homme) / Ed. par J. Andreau, H. Bruhns. Rome: EFR, 1990. P. 517.
- ²³ К. Вербовен в феномен *amicitia* в экономике включает еще и отношения патрона, клиенты и даже связи с рабами. См.: *Verboven K.* The Economy of Friends. Economic Aspects of *Amicitia* and Patronage in the Late Republic. (Coll. Latomus). Bruxelles, 2002. P. 9–70.
- ²⁴ *Verboven K.* Op. cit. P. 341.
- ²⁵ *Andreau J.* Op. cit. P. 525.

Образование и печать в культурной политике России второй четверти XVIII в.: законодательная регламентация

Данная статья посвящена законодательной регламентации образования и печати в России с середины 20-х до начала 40-х гг. XVIII в. Образование расширяло слой грамотных людей, стимулировало приобщение их к достижениям культуры; печать поддерживала развитие образования публикацией учебной и научной литературы. Именно в это время вопросы культуры были подняты на государственный уровень. Оценка ее значения правительством и осознание необходимости культурной «поддержки» для движения страны вперед прочно включили культуру в законодательство Российской империи.

Ключевые слова: образование, печать, культурная политика, законодательная регламентация Российской империи.

Период со времени кончины Петра и до восшествия на престол его дочери Елизаветы Петровны сложно назвать ярким в истории отечественной культуры. За промежуток в полтора с небольшим десятка лет на русском престоле сменилось четыре правителя, произошли и своеобразные «перевороты» у подножия трона. Однако и характеристика его как исключительно «мрачного», «темного» времени, «засилья иностранцев», «немецкой партии», уже давно не актуальна.

Для культуры России второй четверти XVIII в. важным явлением стало пробуждение самосознания наиболее образованного слоя общества – дворянства. Дворянские проекты 1730 г. знаменовали собой «первый дебют сословия», однако «не в западноевропейском смысле слова, так как не было еще понятия о сословных правах»¹.

Политические коллизии на самой вершине власти, казалось бы, отодвинули вопросы культуры на периферию. Но они уже органически вошли не только в российскую действительность, но и в правительственное законодательство. Несмотря на явный приоритет экономических, внешне- и внутривластных, стратегических, военных и, в особенности, финансовых проблем, российское законодательство 1725–1741 гг. уже немисливо без указов, включавших вопросы культуры (или целиком им посвященных). Интенсивность законодательных инициатив и количество документов напрямую связаны не только с особенностями политической конъюнктуры и индивидуальными предпочтениями представителей власти, но и с длительностью пребывания монарха на троне. Смена правителей не означала серьезных перемен в культурной политике, как правило, сохранялась некая преемственность. Практически все законодатели позиционировали себя наследниками Великого Петра, подтверждая это отсылками к его указам и распоряжениям. Повторы же распоряжений предшествующего правителя свидетельствуют не только о преемственности, но иногда и о невыполнении или неполной реализации предшествующего указа.

Статья посвящена законодательной регламентации вопросов российского образования и печати середины 20-х и до начала 40-х гг. XVIII в.

Образование и печать – две взаимодополняющие отрасли культуры. Образование расширяло слой грамотных людей, стимулировало приобщение их к достижениям культуры. Печать поддерживала развитие образования публикацией учебной и научной литературы. Являясь главным каналом культурной коммуникации XVIII в., печать сыграла значительную роль в распространении знаний, расширении кругозора, повышении культурного уровня прежде всего грамотной прослойки населения, а через устную ретрансляцию и малограмотного контингента подданных.

При преемниках Петра образование продолжало оставаться одной из самых насущных проблем общества, поскольку отсутствие определенного слоя элементарно образованных людей тормозило развитие высших степеней образования и науки. В то же время школьная структура по-прежнему была крайне неразвитой.

При Екатерине I существенных изменений в образовательной политике не произошло, законодательная активность в этой сфере была невелика. Один из указов 1725 г. касался повышения профессиональной подготовки купечества – вопроса, поставленного еще при Петре. Купеческих детей предлагалось посылать «для обучения арифметике и немецкому языку в Ревель и Ригу, оттуда

в чужие края»². Существенных последствий эта мера не имела: обучение продолжалось непосредственно в лавках и магазинах. В октябре 1726 г. духовные и гражданские школы были объединены «под ведение Синода». Документ подчеркивал преемственность просветительской политики. В нем содержались отсылки к законам Петра I (1714, 1716, 1721, 1722 гг.), в которых говорилось о необходимости обучения («приказного чина и церковниковых и монастырских слуг детей» 10–15 лет, «кроме дворянских», «цифири и геометрии»). Говорил он и об архиерейских школах для детей церковнослужителей, которых в «арифметические школы и к прочим светским наукам» предписывалось «не спрашивать» (т. е. не отправлять), и пр. Екатерининский указ был попыткой хотя бы в некоторой степени упорядочить подчиненность школ, которые в петровский период оказывались в разных ведомствах. Он предписывал в губерниях и провинциях соединить «для учения приказных и прочих чинов людей детей школ со учреждающимися от Синода Семинариею и школами», а «учителям и ученикам» этих школ находиться «в ведении Синодском, по представлению Адмиралтейской Коллегии»³.

Ряд указов касался Академии наук, которая при Петре I не успела начать свою деятельность. Вскоре после вступления Екатерины I на престол, в феврале 1725 г., российскому послу князю Куракину было предписано пригласить «ученых людей в российскую Академию Наук», а «желающим поехать в Россию» выдать «нужные пособия». Документ с опорой на петровский указ от 17 сентября 1724 г. в очередной раз подчеркивал преемственность и власти («по Его ж Божескому изволению скипетр правления Российской Империей Мы приняли»), и культурной политики (воплощение в жизнь желания Петра «устроить Академию вышних Наук и Художеств») ⁴. В декабре того же года был принят указ «О заведении Академии Наук и о назначении президентом оной Лейб-медика Блюментраста» ⁵. Позднее – об отсылке «недорослей Дворян для обучения в Санктпетербургскую и Московскую Академии» ⁶.

Флот, требовавший колоссальных финансовых вложений, после смерти Петра I находился далеко не в лучшем состоянии. Однако нужда в специалистах, способных служить в этой сфере, по-прежнему сохранялась. При внуке Петра I в 1727 г. на законодательном уровне предписывалось «недорослей от 12 до 17 лет» «ныне и впредь» посылать «из Герольдмейстерской конторы в Адмиралтейскую Коллегию» «для обучения навигационным наукам» ⁷.

Разрешалась организация школ для иноверцев. В Петербурге на Адмиралтейской стороне отводилось специальное место «под

строение» школы при евангельской церкви⁸. Городское строительство требовало квалифицированных мастеров, поэтому при Канцелярии от строений оставляли детей «старше 12 лет» «для обучения разным художествам»⁹.

Эпизодически вспоминали и о содержании учителей. Так, в 1728 г. было предписано выдать жалование «учителям в Эстляндском княжестве и Рыцарстве» из «штрафных денег», «собиравшихся» в Обер-Ландгерихте¹⁰. К школе приучали и «вольных малолетних детей», оказавшихся в полиции «за хождение по миру», т. е. за сбор милостыни. Их решено было отправлять «в коллегии экономии для обучения и содержания с незаконнорожденными»¹¹. Специальная инженерная подготовка также была остро необходима стране. Указом Верховного тайного совета был определен штат Инженерного корпуса и Инженерной школы¹². В короткое правление Петра II на законодательном уровне и на практике в образовании сделано было очень мало. Верховный тайный совет столкнулся с необходимостью решения насущных проблем, прежде всего налогообложения и финансов. Кроме этого нестабильной оставалась и внешнеполитическая ситуация.

После восшествия на престол императрицы Анны Иоанновны образовательная политика государства была направлена на освобождение дворян от принудительной службы, что стало началом его «раскрепощения» (В.О. Ключевский). Верховный тайный совет постановил шляхетство «в солдаты, матросы» и другие «подлые чины» неволею не определять, как это было при Петре I, а учредить «особливые кадетские роты». Так появился Кадетский корпус с набором в 200 человек «шляхетских детей» от 13 до 18 лет. Изначально предполагалась запись всех подданных «как Российских, так и Эстляндских и Лифляндских провинций». В отличие от предшествующего законодательства, довольно подробно оговаривался учебный план, включавший арифметику, геометрию, рисование, фортификацию, артиллерию, обучение «шпажному действию», верховой езде и «прочим к воинскому искусству потребным наукам». Поскольку государству требовалось «политической и гражданское обучение», корпус должен был иметь учителей «чужестранных языков», истории, географии, юриспруденции, танцев, музыки и «прочих полезных наук». Бюджет в 30 тысяч рублей, по мнению законодателей, должен был обеспечить достойное существование учебного заведения, о создании которого сообщалось «всему шляхетству». Желаящие учиться должны были явиться в Сенат¹³.

В ноябре того же 1731 года был утвержден устав корпуса. Он определил место нахождения корпуса – Санкт-Петербург, где

находилась и Академия наук, сотрудничество с которой должно было помочь учащимся «к вящему их в науках успеху». Столица должна была способствовать и тому, чтобы «обучаемые молодые люди, купно с теориею, со временем и практику видеть» могли, а также иметь общение с иностранцами, что давало возможность совершенствоваться в языках. Кадетскому корпусу был передан бывший дом А.Д. Меньшикова на Васильевском острове. Каждому классу отводилось особое помещение, предполагалось наличие священника, офицеров, учителей и надзирателей, капитана с поручиком, которым поручалось «понедельно безотлучное дежурство держать». Устав конкретизировал учебные планы, определив набор предметов, изучаемых в каждом классе. Для перехода в первый старший класс авторитетная комиссия должна была «с общего совета и согласия» освидетельствовать «по подлинному всякого достоинству, кто к каким наукам к вящему впредь произведению угоден и потребен быть может». Эта же процедура предусматривалась при выпуске «для определения в подлинные чины». Во всех классах изучались русский, немецкий, французский языки и латынь, «ежели которые к тому охоту покажут». В «высших трех классах всякому кадету надлежит пять или шесть лет неотлучно в учении быть», «дабы довольное и фундаментальное в науках искусство получить могли». Конкретизировался порядок обучения военных. Те же, кто «к гражданским высшим наукам охоту имея, оным далее прилежать желают», направлялись в Академию наук «у высших профессоров» «вящее обучение получать».

Документ высвечивает проблему подготовленности кадров, отмечая, что учителей, «которые Российскому языку искусны, довольное число найти не можно». Вместе с тем во всех классах предполагалось «сначала обучать» иностранным языкам. Результаты изучения комплекса предметов и практической подготовки проверяли по «третьям года», каждый год устраивался «единожды главный и публичный смотр» в присутствии императрицы, «духовных и гражданских знатных персон»¹⁴. Корпус был светским учебным заведением европейского типа и положил начало системе дворянского сословного образования. Впоследствии он превратился в уникальный культурный центр России XVIII века.

В ноябре и декабре 1731 года правительство активно стимулировало запись в Корпус. Правительство торопило «обретающихся в Москве» немедленно записываться у дежурного генерал-адъютанта: в Петербурге – у Б.К. Миниха, в Лифляндии и Эстляндии – у губернаторов. В декабрьском указе напоминалось о стараниях Петра I «ко обучению младаго шляхетства посылкою в чужие края».

Однако оговаривалось, что «не без трудностей и не без убытку им от тех посылов было». Отрывались они от семей, переезды и проживание были дороги, и «в платеже за науки несли великие убытки, а иные, не имея над собою надлежащего смотра, возвращались без плода». «Последуя» «славному и полезному делу» дяди, с заботой о Российском государстве и «верном <...> шляхетстве», императрица учредила «Корпус Кадетов». Провозглашалось избавление от «великих убытков», освобождение от платы и обязательство императрицы содержать кадетов на «казенном коште, как следует». «Каждый кадет, с свидетельства командиров» мог в армию и к «гражданским делам определен быть, смотря по наукам их и достоинству». Закон подчеркивал, что от «смотрительного и регулярного учения может происходить немалая Государственная польза». На этот раз помимо столичных и прибалтийских упоминаются шляхтичи и других городов империи, а также проживающие «в деревнях своих». Их призывали «без записи» ехать «в Москву без всякого замедления» и записываться «неотложно без упущения времени»¹⁵.

Позже суммы на Корпус несколько увеличивались. В мае 1732 г. по докладу Миниха был утвержден штат Корпуса. В докладе генерал-фельдмаршала свидетельствовалось, что в кадеты записалось уже 308 человек (российских – 237, лифляндских – 32, эстляндских – 39), что «и впредь желающих будет довольно». Миних просил дополнительную годовую сумму и определение на содержание Корпуса более крупной и доходной деревни («от 80 до 100 дворов в Ингерманландии, или в Карелии»). Резолюция на докладе гласила: «Аппробуется»¹⁶. В июне 1737 г. был принят закон об испытании кадетов два раза в год, 15 марта и 15 сентября, что относилось «ко всем без изъятия» кадетам. Новый порядок должен был помочь при отборе учеников «усмотреть, которые к наукам способны, и которые нет», чтобы «не напрасно деньги на них тратить». Академии наук (или как она тогда называлась «Академия де Сианс») поручалось «сочинить проэкт», «каким образом оные смотры и экзамены производить». В том же году правительство отметило, что военные экзерциции занимают значительное время в обучении. Было предписано выделять для этого лишь один день в неделю, «дабы не отвлекать их [кадетов. – И. Ч.] от прочих наук». Исключение было сделано лишь для необученных и вновь определенных. Им предписывалось заниматься экзерцициями два дня в неделю, «покамест обучатся». Для повышения качества образования, по предложению Академии наук, были приняты правила «для публичных испытаний в науках воспитанников Кадетского Корпуса»¹⁷.

Прецедент с разрешением некоему 15-летнему Александру Берггольцу, обучившемуся «по Российски и по Немецки читать и писать, Арифметике и по Латыни», т. е. недорослю, по тем временам, весьма образованному, поступить в корпус на собственный «кошт» сверх штата, вызвал распоряжение кадетов «впредь сверх комплекта не принимать»¹⁸. Видимо, к 1738 г. популярность Кадетского корпуса была достаточно велика, и правительство стремилось не расширять контингент учащихся, чего не позволяли и возможности учебного заведения. Кадетский Корпус оставался учебным заведением для дворян, российских подданных. Мартовский указ 1739 г. запретил прием в Корпус детей иностранцев, родители которых не состояли на российской службе¹⁹.

По-прежнему не хватало людей, способных обучаться в Академии. В начале 1735 г. Академия «требовала», чтобы при ней учредили семинарию «из 30 шляхетских юношей, дабы оные со временем Государству полезные услуги показывать могли». В сентябре Академия и Сенат ходатайствовали о присылке «из монастырей, гимназий и школ» 20 человек, чтобы «чрез назначенных к тому от Академии людей выбрать, которые столько научились, чтоб с нынешняго времени у Профессоров лекции слушать и в высших науках с пользою происходить могли». Указ был обращен к ректору и учителям Спасского училищного монастыря, «за свидетельством» которых предписывалось отобрать учеников «для слушания высших наук»²⁰.

В 1732 г. специальным манифестом было предписано отправлять в Петербург «недорослей, кроме тех, кои сами или их отцы не имеют деревень», а в Адмиралтейство – «недорослей пятнадцатилетних», «малолетних» же – отпускать «в дома». Тогда же постановили отправлять «на смотр в Кабинет недорослей и отставных офицеров», которые в Петербурге «у герольдмейстерских дел явились и впредь являться будут»²¹. Таким образом, дворянских недорослей брали на учет и стимулировали к обучению.

Манифест от 31 декабря 1736 г. подробно оговаривал порядок приема на службу и увольнения от нее шляхетских детей. «К лучшей пользе и благополучию» государства и всех «верных подданных» и «из Матерняго» (материнского) милосердия императрицы указ устанавливал новый порядок службы дворян. «Для содержания шляхетских домов и деревень» один из сыновей в семье освобождался от обязательной службы. Но при этом «оставшиеся в домах» должны «довольно грамоте и по последней мере Арифметике, обучены были, дабы оные в гражданской службе годны были». Остальные сыновья определялись в военную службу, уста-

навливался ее 25-летний срок. Начинаясь она с двадцатилетнего возраста²². Отменялся установленный Петром I майорат, однако образование признавалось необходимым условием, чем подчеркивалась своеобразная преемственность петровской системы организации службы.

Порядок свидетельствования недорослей, получавших образование с 7 до 20 лет, был дополнительно определен документом от 9 февраля 1737 г. Это был уже не просто учет недорослей, но и проверка их образования. Они должны были пройти три смотра, самым важным из которых был последний, в 16 лет, когда родственники гарантировали получение недорослем необходимых знаний. Если же они не могли обеспечить обучение или имели «менее 100 душ», юношей могли определить в государственные учебные заведения. Тогда же появился указ отправлять двадцатилетних «ничему не обученных» молодых людей в матросы²³.

Потребность в образованных военных кадрах вызвала серию указов, посвященных их подготовке. Взрослые офицерские, дворянские и дети других «служилых людей» направлялись «в армейские и гарнизонные полки по их желаниям», а малолетние – в «учрежденные школы»²⁴.

Продолжали распространяться по стране и гарнизонные школы. Детей отставных солдат закон предписывал распределять «в гарнизонные школы, а годных – в службу по полкам». Их количество увеличивалось, поэтому выделялись средства «на покупку книг и бумаги, для состоящих сверх комплекта в гарнизонных школах солдатских детей»²⁵. Подробно и скрупулезно указ оговаривал условия «заведения» и «устройство» школ при пехотных гарнизонах. 15-летние юноши обязаны были являться «для определения в школы и службы». Если же они скрывались, следовало «оных по поимке наказывать равно, как беглых солдат»²⁶. Солдатские дети, чтобы «нигде праздно не жили», определялись в солдаты, а малолетние – в школы. В гарнизонных школах детей обучали слесарному мастерству, «в школах грамоте и разным наукам», а неспособных к наукам – необходимым «в полках мастерствам»²⁷.

Продолжилась и традиция создания специальных учебных заведений. Указом, посвященным строительству крепостей, с отсылкой к петровской традиции, предписывалось и «построение» инженерной школы²⁸. В августе того же года был определен контингент Навигацкой школы. Предполагалось иметь 100 учеников в Москве и 150 – в Петербурге²⁹.

Трудности морской службы, особенно в нижних чинах, а именно в матросах, были очевидны. Поэтому не получивших знаний

учеников артиллерийских и инженерных школ отправляли «в матросы без всякого производства»³⁰. В образовательную практику прочно вошла обязательная проверка знаний учеников. По докладу Сената был принят указ о ежегодных «публичных» смотрах и экзаменах кадетов «в присутствии генерал-фельдмаршала графа Миниха и де Сианс [т. е. представителя Академии наук. – *И. Ч.*] и Адмиралтейской Академии и Инженерной школы учителей»³¹.

Правительство Анны Иоанновны предполагало в Сенате и в других присутственных местах обучать недорослей «приказным делам и наукам» и следить «за их успехами и нравственностью», при этом особым указом подчеркивалось, что дворяне должны обучаться «по их желанию, а не по принуждению». Тех же, кто «к приказным делам принадлежности не имеют, для окончания наук» из Сената, Синода, коллегий и канцелярий направляли в Кадетский корпус и Морскую академию. Недоросли, обучавшиеся в петербургской гарнизонной школе, «имевшие менее 20 душ», т. е. дети малообеспеченных дворян, должны были получать жалование³². В отличие от военной службы, к статской – насильно не определяли.

Учебные заведения распространялись по империи. Так, в Казанской губернии создавались школы «для обучения некрещенных и новокрещенных детей», куда принимали «только желающих», финансирование осуществлялось за счет средств, получаемых в губернии «с венчальных памятей». Должны были появиться 4 школы для вотяков, мордвы, чувашей и других народностей, населявших губернию³³.

Указом 21 июня 1731 г. были восстановлены ликвидированные при Екатерине I «цифирные школы», повышено жалование учителям, а сами школы были оставлены в ведении Адмиралтейской коллегии³⁴.

Роль церкви в распространении образования традиционно поощрялась властью. Харьковскому Покровскому монастырю и «славяно-греко-латинским школам» при нем императрица дала жалованную грамоту «на подкрепление тех школ и свободного в них учения» для их пользы «не токмо священству, но и отечеству Российскому»³⁵.

Указ от 30 июня 1732 г. предписывал для сибирских заводов «на убыльях места и в запас к обучению горнозаводским делам» определить «6 шляхтичей из Академии, или обретающихся при Адмиралтействе академических школьников <...>»³⁶.

Если же речь заходила об устройстве школ для детей рабочих людей, вопрос всегда решался в пользу производства, экономическая целесообразность многократно превалировала над задачами

культуры. Так в 1735 г. Кабинет министров рассмотрел прошение крупнейшего уральского заводчика А. Демидова об освобождении от обязательной учебы 6–12 летних детей, которые «многие заводские работы исправляют», «и у мастеров в науках бывают, и после отцов заводское искусство на себя приемлют». И если «отлучены будут в школы», то «впредь заводов размножить будет некем». Резолюция Кабинета гласила, что на «партикулярных» заводах не принуждать детей учиться читать и писать, а учить только «охотников», «а кто из них пожелают вступать в прочия науки, таких учить при казенных заводах»³⁷. Понятно, что в таких условиях желающих оказалось крайне мало. Профессиональная подготовка на практике квалифицированного рабочего, кормильца семьи, оказалась значительно важнее получения хотя бы начального образования, умения читать и писать.

В 1736 г. был принят указ, предписывавший тем, кто обучился мастерству на заводе, «а не в простых работах обретались», «тем быть вечно при фабриках». На этих же условиях на предприятия принимались и вольные люди «с пашпортами»³⁸. Это создавало определенный слой квалифицированных работников. Однако они фактически превращались в крепостных заводчиков. В целом правительство поощряло образование и просвещение, которые были необходимы и в экономических целях.

Иногородцы также приобщались к учению. Так, например, было создано училище для обучения «калмытских детей» с выдачей «им жалования»³⁹. Стремясь сохранить преемственность и образовательный уровень священнослужителей, правительство запретило определение в гражданскую службу «детей попов, диаконов и причетников», отправляя их «в школы»⁴⁰.

Из общего потока указов, посвященных образованию, выделяются два: первый – о неких «Шульце и Поморцове, принявших веру греческого исповедания», определенных в Академию наук «для обучения японскому языку», и второй – об учреждении в Малороссии «школы пения и инструментальной музыки»⁴¹.

В тринадцатимесячное царствование Ивана VI Антоновича, а фактически в период правления Бирона и Анны Леопольдовны, появился ряд законов, посвященных просвещению. Были подтверждены два указа покойной императрицы (от 6 мая 1736 г. и от 9 февраля 1737 г.) о явке недорослей на смотры. В основном документ касался распределения в полки, но в нем содержались и предписания, касавшиеся образования. Предписывалось, например, «малолетних записывать в школы»; двадцатилетних «отпускать в дома их для обучения разным наукам». Если у родственников не

было возможности «содержать и обучать», их отправляли «в государственные академии и школы». Образованность поощрялась, если «в своих науках паче других преуспели», недоросли «прежде других в чины» определялись⁴².

Неудачный опыт исполнения предписаний Анны Иоанновны об организации образования калмыков в Ставропольской крепости (незнание учителями калмыцкого языка, излишние средства на жалование и пр.) вызвал новый указ. Он предписывал «школы в Ставропольской крепости завести», калмыцких «ребят обучать и приводить в истинное познание с прилежным наставлением», учить «русскому и колымским языкам», перераспределить средства, уменьшить жалование нерадивым наставникам и выделить сумму на строительство школы⁴³.

«Китаец Федор Петров» был определен в Академию наук «для обучения китайскому и манчжурскому языкам». Указ от 30 июля 1741 г. свидетельствовал о невыполнении соответствующего распоряжения аннинского времени об отправке «для лучшего в анатомии и хирургии обучения подлекаря и учеников в Париж». Он определил вполне современную систему отбора кандидатов: «по экзамену и свидетельству их способностей и по имеющимся о их достоинстве аттестатам». Определялся трехлетний срок пребывания пансионеров, давалась подробная инструкция их перемещения и нахождения за границей, «а по довольном их тамо обучении» они должны были вернуться в Россию. Для «обучения коммерции» из кадетов отобрали двух русских и двух «иноземцев» и отправили их в Коммерцколлегию, присвоив «прапорщицьи ранги»⁴⁴.

Таким образом, можно констатировать, что проблемы образования в послепетровский период не только оставались неотъемлемой частью культурной политики государства, но и прочно вошли в государственное законодательство.

В краткие правления Екатерины I и Петра II вопросы печати крайне редко выдвигались на государственный уровень. Императрица лишь подтвердила необходимость предоставления в типографию ведомостей «о всех важных делах» для печатания «во всенародное известие», подчеркнув, что при Петре порядок соблюдался, а при ней «то сообщение, неведомо для чего опущено». Барону Шафирову поручалось «написать историю императора Петра I», что, несомненно, предполагало ее дальнейшую публикацию⁴⁵.

В правление Петра II самым важным стал именной указ от 4 ноября 1727 г., объявленный Сенату из Верховного Тайного Совета «О бытии в Санктпетербурге типографиям при Сенате и при Академии, о переводе в Москву для печатания церковных книг

типографий, находившихся при Сенате и Александровском монастыре». Предписывалось «друкарням» в Петербурге быть «в двух местах» «для печатания указов в Сенате, для печатания ж исторических книг, которые на российский язык переведены <...> при Академии». Вся гуманитарная литература должна была печататься в академической типографии. Синодальную и Александровско-Невскую типографию решено было «перевести в Москву со всеми инструментами, и печатать только одни церковные книги, как издревле бывало». Здесь контроль поручался Синоду⁴⁶. Так произошло своеобразное разделение светской и церковной печати.

Из «печатных достижений» правления Петра II следует отметить выпуск золотых медалей в память его коронации, а также изготовление печатей с изображением российского Герба и с «надписью Императорского имени»⁴⁷. Своеобразным повторением и отчасти дополнением указа Екатерины I от 8 апреля 1725 г. стал закон от 1 мая 1728 г., предписывавший «для печатания в народное ведение в куранты» присылать в Академию наук «известия» из Сената, коллегий и канцелярий. Указ сообщал, что в академической типографии печатались газеты «на Латынском, на Немецком, и на Российском диалектах, с иностранных газетов», и призывалось «всякия ведомости к печатанию тех газетов присылать в оную Академию»⁴⁸. Таким образом, отмечались некоторые успехи в расширении печатного дела и стимулировался сбор информации для последующей публикации.

Указы Анны Иоанновны, посвященные печати, касались прежде всего документов государственного характера. Среди них были распоряжения о перепечатке Уложения «для всенародного употребления», «о печатании указов» прежних и «впредь издаваемых, для всенародного употребления», о напечатании «с 1714 года по 1722 год указов для продажи, и о приготовлении собранных указов с 1722 года для рассылки во все судебные места» в губернии и провинции, «о печатании в Сенатской типографии указов с 1723 года и о содержании оной из денег, выручаемых продажею тех указов», «о скорейшем напечатании в Академической типографии указов с 1722 года», «о печатании указных книг с 714 по 722 год в Академической, а с 723 года в оной же и Сенатской типографиях»⁴⁹.

Своеобразным актом прославления власти были распоряжения о необходимости изображения «в гербах на амуничных вещах Высочайшего Имени», а также написание и печатание «Высочайшего титула крупными литерами»⁵⁰. По докладу Синода появился указ «О печатании Библии прежнего издания, с обозначениями на полях вновь сделанных поправок»⁵¹. Специально оговаривался порядок

осмотра и распространения в сибирских городах книг и гравированных картин из Академии наук, «провозимых в Китай». Вывозимые же «из оного» Китая книги должны были быть доставлены советником Канцелярии Лангом непосредственно в Академию⁵².

Особое политическое и стратегическое значение в государственной культурной политике XVIII в. приобрела периодическая печать. Петровские «Ведомости» ввели газету в культурную жизнь России. Преемником первой печатной газеты стали «Санктпетербургские ведомости». Новое издание существенным образом отличалось от предшественника. Сохранился правительственный характер газеты, но издателем стала Академия наук, т. е. учреждение культуры. Теперь газета выходила в точно установленные сроки, имела порядковый номер, неизменное на протяжении всего существования (с 1728 по октябрь 1917 г.) название. Газету возглавил один из образованнейших людей, будущий академик Г.Ф. Миллер. Язык газеты усложняли многочисленные иностранные термины: политические, географические, исторические и др. Это создавало определенные трудности для русскоязычного читателя, в помощь которому стали издавать специальные комментарии⁵³.

Первым отечественным журналом принято считать «Примечания». Уже на второй год издания значительно расширилась его тематика. Появились объемные культурно-исторические, географические, этнографические статьи, публикации по математике, астрономии, химии, палеонтологии, истории и теории драматургии и поэзии и пр. В литературном отделе печатались и переводы из иностранных сатирических журналов, английских и немецких. На страницах журнала, часто без подписи, печатались Г.Ф. Миллер, Я.Я. Штелин, Г.В. Рихман, В.Н. Татищев.

Правительство еще в петровское время по достоинству оценило политическое и культурное значение печати для государства и общества и принимало определенные охранительные меры. Однако делало это эпизодически. Относительно небольшой объем печатной продукции, немногочисленный слой грамотного населения, находящееся печатного дела в ведении власти и довольно узкого круга правительственных культурных учреждений, а также преобладание устной формы ретрансляции информации позволяли власти ограничиваться единичными законодательными запретами. Императрица Екатерина I, говоря о необходимости публикации «о всех знатных делах, уточняла: «кроме секретных ведомостей», которые по мнению власти, не входили в круг «принадлежащих ведению народному»⁵⁴.

Одним из интереснейших можно считать указ 14 октября 1725 г. об «истреблении» «формы присяги», созданной новгородским

архиереем Феодосием. Документ появился еще при Петре I и предусматривал присягу не только императору, но и самому Феодосию. Закон гласил, что архиерей «преступил святые правила и все государственные узаконенные права». Феодосий был «отрешен» от должностей и сослан в дальний монастырь. Лжеприсягу предписывалось «пред народом на публичном месте сжечь», а все экземпляры разыскать и собрать, за неисполнение следовало строгое наказание⁵⁵.

При Петре II Верховный Тайный совет предписал книги «исторические» (гуманитарную нецерковную литературу), вышедшие «при Академии», «апробировать» в Синоде. За церковными книгами, печатавшимися в Москве, также осуществлялся контроль, «чтобы никаких в печатании тех книг погрешений и противности, как Закону, так и Церкви быть не могло, того Синоду по должности своего звания смотреть прилежно»⁵⁶. Закон оговаривал, чтобы сведения печатались все, «кроме секретных и неподлежащих к народному известию»⁵⁷. Из цензурных мер, связанных с письменной культурой, можно отметить и запрет «колодникам иметь чернила, бумагу и писать письма»⁵⁸.

Анна Иоанновна интересовалась, прежде всего, иностранными изданиями, запретив ввоз книг, уже имевшихся при Академии⁵⁹. Традиционно контролю подвергались сведения об императорском дворе и ближайшем окружении правителя. Так, книгу на немецком языке о жизни «графа Остермана, графа же Миниха и герцога Курляндского Бирона», где, по мнению власти, содержались «вымышленно-затейные, предосудительные» замечания, приказано было «сжечь и чтоб более она в Российской Империи рассеяна не была». Предписывалось «накрепко запретить» «пашквильные сочинения» «во всех местах продавать и ввозить»⁶⁰.

В августе 1732 г. фактически были повторены указы Петра I от 25 января 1715 г. и 18 января 1718 г., касавшиеся подметных писем. Указ констатировал, что «многие за долгопрошедшим временем, не ведая о тех указах», не соблюдают их. Призывая подданных «самую истину без всякой опасности» доносить, документ предписывал «подметных писем не подкидывать», сжигать их, «не распечатывая и не прочтя на том же месте, где оные подняты, при свидетелях»⁶¹.

Основным указом аннинского царствования, посвященным печати, стал «высочайше утвержденный доклад Сената» от 26 октября 1732 г. запретительного характера. Он был издан в связи с донесением Академии наук о появлении на немецком языке книги, перепечатанной в Любеке «с оригинала оной Академии». Привезенная «для продажи из-за моря» книга «(тариф, пошлинной устав

и трактат учиненной между Россией и Короной Датской)», по мнению Академии, «печатным» при ней книгам «для продажи весьма учинится препятствия» и интересу короны «убыток». Академия через Сенат просила императрицу «запретить под штрафом» ввоз подобных книг, что и было сделано⁶². В 1735 г. В.К. Тредиаковский вынужден был оправдываться за употребление слова «императрикс» в оде «По случаю коронования Анны Иоанновны»⁶³.

При Иоанне VI единственным указом, касавшимся печатного документа, было введенное в Конвенцию, заключенную между Россией и Турцией в 1741 г., положение «о признании Российского Государя Императором и об употреблении сего титула во всяких официальных бумагах с турецкой стороны»⁶⁴.

В первой четверти XVIII века вопросы образования и печати были подняты на государственный уровень. Оценка их высокой значимости правительством и осознание необходимости государственной культурной «поддержки» для движения страны вперед способствовали тому, что эти аспекты общественной жизни заняли важное место в законотворческой деятельности российской верховной власти и стали ее непременным атрибутом.

В послепетровскую эпоху дело великого преобразователя продолжалось, но «без прежнего блеска, настойчивости, энергии и масштабности ...»⁶⁵ Никто из «наследников» не имел ни политической воли Петра I, ни желания все без остатка отдать идее преобразования страны, но они оказались перед необходимостью решения повседневных задач, того, что «было жизненно необходимо стране»⁶⁶.

Поднятая петровскими преобразованиями «на дыбы», Россия получила статус «великой державы». Но все это обходилось очень дорого, а ресурсы страны были на исходе. Войны, неурожаи, голод и пр. истощали экономику и людские ресурсы. От петровского наследия власть не отказывалась, но острая финансовая нужда, громоздкость аппарата управления, созданного Петром I, недостатки которого уже четко обозначились, и, наконец, попытка вернуться хотя бы к относительной стабильности, существенным образом изменили характер и содержание законодательства послепетровской эпохи.

В течение 1725–1741 гг. существенных изменений в культурной политике не произошло. Меры, предпринимавшиеся законодателями, чаще всего носили паллиативный характер. Государство всячески «приучало» подданных, особенно дворян, к образованию. Оформилась традиция периодических смотров «недорослей», а самое главное, проверка полученных ими знаний. Образованность поощрялась чинопроизводством, небогатые дворяне могли обу-

чаться в государственных учебных заведениях, неспособных к наукам обучали «в полках мастерствам», а нерадивых отправляли в матросы. Трудности в совершенствовании образования и культуры в целом были связаны с недостатком учителей как для начальных школ, так и для подготовки учеников, способных воспринимать «высшие науки».

Своеобразная правительственная «секуляризация» и идеологическое давление на книгоиздательское дело в первой четверти XVIII в. не способствовали его развитию после смерти преобразователя. Определенную роль играла и ориентация на традицию, а также сугубо практический подход к издательской политике, создававший ограниченную общественную потребность в литературе «полезной». Негибкость издательской политики власти, отсутствие необходимого финансирования создали значительные трудности для русской печати. Надзор над печатным словом носил эпизодический характер, и объем печатной продукции, несмотря на его рост, был не настолько значителен, чтобы вызвать серьезные опасения законодателей. Да и круг потребителей печатной продукции оставался ограниченным.

Примечания

- ¹ *Строев В.М.* Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики Императрицы Анны. Ч. 1. М.: Тип. Императорского Московского Университета, 1909. С. 23.
- ² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание I (Далее ПСЗ I): В 50 т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 7. № 4731.
- ³ Там же. Т. 7. № 4975.
- ⁴ Там же. Т. 7. № 4663.
- ⁵ Там же. Т. 7. № 4807.
- ⁶ Там же. Т. 7. № 4863.
- ⁷ Там же. Т. 7. № 5106.
- ⁸ Там же. Т. 7. № 5215.
- ⁹ Там же. Т. 7. № 5217.
- ¹⁰ Там же. Т. 8. № 5382.
- ¹¹ Там же. Т. 8. № 5450.
- ¹² Там же. Т. 8. № 5277.
- ¹³ Там же. Т. 8. № 5811.
- ¹⁴ Там же. Т. 8. № 5881.
- ¹⁵ Там же. Т. 8. № 5886, 5894.

- 16 Там же. Т. 8. № 6050.
- 17 Там же. Т. 10. № 7313, 7363, 7369.
- 18 Там же. Т. 10. № 7509.
- 19 Там же. Т. 10. № 7787.
- 20 Там же. Т. 9. № 6816.
- 21 Там же. Т. 8. № 5976; 6127.
- 22 Там же. Т. 9. № 7142.
- 23 Там же. Т. 10. № 7171, 7182.
- 24 Там же. Т. 9. № 7039.
- 25 Там же. Т. 8. № 5757; Т. 9. № 7115.
- 26 Там же. Т. 8. № 6188.
- 27 Там же. Т. 9. № 7039, 7082; Т. 10. № 7544, 7627.
- 28 Там же. Т. 8. № 5708.
- 29 Там же. Т. 8. № 5831.
- 30 Там же. Т. 10. № 7235.
- 31 Там же. Т. 11. № 8253.
- 32 Там же. Т. 10. № 7248; Т.11. № 8043; Т. 10. № 7250; Т. 11. № 8149.
- 33 Там же. Т. 9. № 6695.
- 34 Там же. Т. 8. № 5788.
- 35 Там же. Т. 8. № 5716.
- 36 Там же. Т. 8. № 6107.
- 37 Там же. Т. 9. № 6840.
- 38 Там же. Т. 9. № 6858.
- 39 Там же. Т. 8. № 5960.
- 40 Там же. Т. 8. № 6066.
- 41 Там же. Т. 9. № 6956; Т. 9. № 7656.
- 42 Там же. Т. 11. № 8344.
- 43 Там же. Т. 11. № 8394.
- 44 Там же. Т. 11. № 8418, 8425, 8267.
- 45 Там же. Т. 7. № 4721.
- 46 Там же. Т. 7. № 5175.
- 47 Там же. Т. 8. № 5260, 5346.
- 48 Там же. Т. 8. № 5267.
- 49 Там же. Т. 9. № 6686, 6687, 6923; Т. 10. № 7534, 7535, 7576.
- 50 Там же. Т. 9. № 6974; Т. 10. № 7934.
- 51 Там же. Т. 9. № 6760.
- 52 Там же. Т. 9. № 6728.
- 53 «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» 1728–1742 гг., 89 частей.
- 54 ПСЗ I. Т. 7. № 4694.
- 55 «А ежели кто зная, доносить не будет, а потом объявится, что ведал, и не доносил: тому учинена будет смертная казнь» // Там же. Т. 7. № 4788.

- ⁵⁶ Там же. Т. 7. № 5175.
- ⁵⁷ Там же. Т. 8. № 5267.
- ⁵⁸ Там же. Т. 8. № 5353.
- ⁵⁹ Там же. Т. 8. № 6240.
- ⁶⁰ *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 8.
- ⁶¹ ПСЗ I. Т. 8. № 6150.
- ⁶² Там же. Т. 8. № 6240.
- ⁶³ *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге: В 2 т. Т. 2. СПб., 1873. С. 60–63; *Блюм А.В.* От неолита до Главлита. Достопамятные и занимательные эпизоды из истории Российской цензуры от Петра Великого до наших дней, собраны по архивным и литературным источникам. СПб.: ОАО Искусство России; издательство им. Н.И. Новикова, 2009. С. 20–21.
- ⁶⁴ ПСЗ I. Т. 11. № 8435.
- ⁶⁵ *Павленко Н.И.* «Полудержавный властелин»: историческая хроника. М.: Современник, 1988. С. 241.
- ⁶⁶ *Курукин И.В.* Петр II. Тень Петра Великого // На Российском престоле, 1725–1796: Монархи российские после Петра Великого. М.: Фирма «Интерпракс», 1993. С. 96.

«Молитвы к собиранию трав и наставление,
как рвать травы» в рукописном сборнике
М. Вельякова 1890-х гг.

Статья посвящена анализу рукописного сборника М. Вельякова (1890-е гг.), содержащего разнородные данные по ботанике и медицине, хозяйственную информацию (травники, лечебные и хозяйственные рецепты, перечень книг по ботанике и проч.). В специальном разделе рукописи, озаглавленном «Молитвы к собиранию трав и наставление, как рвать травы», рассматриваются особенности сбора растений. Здесь приводятся канонические и неканонические молитвы, заговоры, а также описание ритуала сбора растений на Иванов день и «Подробное наставление, как брать травы». Для русских травников XVII–XVIII вв. выделение таких разделов не было характерным. Сборник М. Вельякова анализируется в контексте данных устной и рукописной традиции.

Ключевые слова: молитвы, заговоры, этноботаника, рукописная традиция, травники, ритуал.

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ. Ф. 722. № 779) хранится сборник смешанного содержания (поступление 1995 г.). Это рукопись форматом в «восьмерку» (14,6×10,4 см), на 162 л., начало и конец не сохранились, писана скорописью, вложена в кожаный тисненый переплет большего размера. На л. 118 об. сохранилась владельческая запись: «Ход рыбы лещам мая 4, 12 и 20-го списал Иван Дмитриев Мехов 1874 г. в г. Рыбинске, а с его списка переписал М. Вельяков 1890 года июня 26-го дня в г. Рыбинске». Почерк этой записи совпадает с основным почерком рукописи. Таким образом, можно утверждать, что составителем и переписчиком сборника был некий М. Вельяков, проживавший или бывавший в Рыбинске (Ярославская губерния).

Состав сборника разнороден, но в целом его направленность можно определить как «ботаническую» и хозяйственную. В него входят травники, лечебные и хозяйственные рецепты, цены аптекарского склада, перечень книг по ботанике и проч.

Предмет нашего интереса – раздел сборника Вельякова, специально посвященный особенностям сбора растений и озаглавленный «Молитвы к собиранию трав и наставление как рвать травы» (л. 134 об. – 136 об.). Для традиции русских травников XVII–XIX вв. выделение такого специального раздела не было характерным. Обычно инструкции и словесные формулы на сбор растений приводились в травниках в текстах о каких-либо конкретных травах, либо это могла быть одна общая формула на сбор любых растений.

Впрочем, в травниках XIX в. заметна тенденция к разрастанию перечней предписывавшихся при сборе растений молитв, а словесные формулы на сбор появляются там в тех статьях, где их раньше не было; появляются новые, неизвестные нам по ранней традиции тексты о растениях, для которых также приводятся формулы на сбор. В сборнике М. Вельякова можно наблюдать высшую степень развития указанной тенденции.

Раздел сборника, посвященный особенностям сбора растений, имеет следующий состав:

- 1) перечень канонических молитв;
- 2) описание ритуала сбора растений в Иванов день;
- 3) неканоническая молитва «как к траве приступить»;
- 4) «ответ» на траву рвать;
- 5) описание ритуала сбора растений «Подробное наставление, как брать травы»;
- 6) неканоническая молитва «на травы рвание и корение копанье»;
- 7) «Молитва общая травам» (это каноническая молитва перед началом всякого дела);
- 8) «Общий приговор трав».

Таким образом, в разделе содержатся перечень молитв (№ 1), четыре текста заговоров и молитв на сбор растений (№ 3, 4, 6, 8), одна каноническая молитва (№ 7) и два описания ритуалов сбора (№ 2, 5). Рассмотрим особенности этих текстов.

Перечень канонических молитв содержит следующие тексты:

- утренняя молитва («За молитв святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас. Аминь (поклон всегда поясной)»);
- Иисусова молитва («Господи и Иисусе Христе, сыне Божий помилуй нас»);

- «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь»;
- Молитва Пресвятой Троице;
- «Отче наш»;
- псалом 90 («Живый в помощи вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится, речет Господеви: заступник мой еси и прибежище мое Бог мой и уповаю на него...»);
- псалом 50 («Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей...»);
- Символ веры;
- молитва перед началом всякого дела (на основе этой молитвы создан и вельяковский текст № 7 «Молитва общая травам»).

В травниках XVII–XVIII вв. специальных перечней молитв на сбор растений неизвестно. Указания на те или иные канонические молитвы встречаются лишь в текстах об отдельных растениях¹, упоминаются «Отче наш», «Аги Мариам»², «Царю Небесный», «Господи, помилуй», псалом 50, Символ веры, «Во имя Отца и Сына и Св. Духа», Иисусова молитва, тропарь на Благовещение Пресвятой Богородицы «Днесь спасению нашему начаток», песнь Пресвятой Богородице «Богородице Дево, радуйся...». В единичных списках упоминаются также псалмы 90 и 108³, Трисвятое⁴.

Будущую трансформацию традиции травников предвещает единичный текст об *адамовой голове* из тобольского списка XVIII в., предписывающий исполнить перед сбором растения целый комплекс молитв: Иисусова молитва, «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе», «Царю Небесный», «Отче наш», «Господи, помилуй» 12 раз, псалом 50, «Верую», «Богородице Дево, радуйся» и других⁵, во многом сходных с комплексом православных утренних молитв⁶.

Таким образом, в травниках присутствуют упоминания всех молитв из вельяковского перечня, за исключением утренней молитвы и молитвы перед началом всякого дела. В этой связи можно предположить, что перечень Вельякова создан преимущественно на данных травников. В то же время он включает в себя распространённые молитвы и псалмы, известные каждому православному. Как известно, в славянской народной культуре канонические молитвы нередко использовались в качестве универсальных апомтроев. Особо популярны были «Да воскресет Бог...», 90-й псалом, «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся...»⁷.

Неканонические молитвы и заговоры. В рассматриваемом разделе сборника Вельякова имеется четыре таких текста, все они предназначены для чтения при сборе любых трав.

Наиболее элементарна и вместе с тем традиционна структура текста № 8 «Общий приговор трав». Он содержит две формулы:

1) обращение к Богу и к матери-земле за благословением, 2) обращение к траве с просьбой, чтобы она была полезна имяреку и всем христианам. Завершается заговор закрежкой «аминь» и указанием, что читать заговор следует троекратно.

Близкую структуру имеет и текст № 4 «Ответ на траву рвать». Он начинается с формулы обращения к священным персонажам и к матери-земле за благословением, затем следует замечание о необходимости читать при сборе псалом 90, далее опять следует обращение к матери-сырой-земле с просьбой дать траву «на помощь» имяреку. Текст завершается традиционной заговорной закрежкой «Тому делу ключ и замок и десять печатей ангельских». Новацией для традиции травников в этом тексте является перечень священных персонажей: «Иван да Марья, Иоаким да Анна, Адам да Ева». Более того, если вторая и третья пары – известные библейские персонажи, то имена Иван и Марья, хотя и восходят каждое к имени святого, но в данном контексте скорее напоминают о растении *иван-да-марья*⁸.

Текст № 6 «Молитва на травы рвание и корение копанье» содержит молитвенное вступление, мотив сотворения мира и обращение к священным персонажам за благословением на сбор трав и копанье кореньев. Текст усложнен тем, что молитвенное вступление состоит из двух молитв («Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь» и Иисусова молитва), а формула благословения повторена дважды: сначала она адресована св. Николаю, а затем ангелам, угодникам и святителям. В качестве закрежки выступает «аминь».

Существенно, что этот текст имеет полную аналогию в травнике второй половины XVIII в. из собрания П.И. Щукина (ГИМ), т. е. не является поздней новацией. Но в щукинском травнике текст полнее, он продолжается обращением к матери-земле и завершается кратким славословием к Пресвятой Троице («Во имя Отца и Сына...»)⁹.

Наконец, текст № 3 «Молитва, как к траве приступить» является самым пространственным. Он содержит:

- молитвенное вступление («Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь»),
- мотив сотворения мира,
- обращение к траве за благословением на сбор (с мотивом происхождения травы от земли и от неба),
- заклинание травы на пользу для имярека,
- мотив происхождения травы (от земного столпа, животворящего креста, от Бога, от земли),
- обращение к матери-земле за благословением на сбор,
- повтор заклинания травы на пользу для имярека.

При сравнении структуры изучаемых текстов (см. табл.) видно, что общим их элементом является обращение к священным персонажам и/или матери-земле с просьбой о благословении. Этот элемент не является новшеством, он характерен как для травников XVIII–XIX вв., так и (в несколько ином виде) для устной традиции, ср.:

«*Господи, благослови* меня сею доброю травою...»¹⁰ (травник посл. четв. XVII в.);

«*Господи, благослови*, и ты, *Мать-сырая-земля, благослови* сию траву сорвати»¹¹ (травник второй четв. XIX в.);

«Небо – батька, Земля – matka. *Матушка-Земля*, отчего ты добра? Имей пользу для меня»¹² (полевая запись из Вологодской обл., 2000 г.).

Мотив обращения к траве и заклинания ее на пользу для имярека, встречающиеся в текстах № 3 и 8, характерны как для рукописной традиции, так и для фольклорной:

«*Ты еси мать-трава травам* всем <...> соблюди мя, раба Божия имярек, от дьявольского мечтания, и пакости, и всех злокозненных навет их, и от супостат моих, зло мыслящих на мя, человека»¹³ (травник посл. четв. XVII в.);

«*А ты, мать-трава*, от Бога сотворена, от земли рождена быть мне, рабу Божию, *на ползу* рабам и рабыням»¹⁴ (недатированный травник);

«Буди *ты, трава молчан*, на все *пригожа*»¹⁵ (олонецкий сборник заговоров, вторая четв. XVII в.);

«На что *ты угодна*, на что *пригодна*, на то я тебя и беру»¹⁶ (полевая запись из Горьковской обл., 1984 г.).

Мотив происхождения травы также известен и по устной, и по рукописной традиции, однако в обеих, как правило, происхождение связывается с Богом и землею:

«*Ты еси мать-трава травам* всем, *от Бога* сотворена и *от земли* рождена»¹⁷ (травник посл. четв. XVII в.);

«...*от Бога* зелие, *от земли* корение»¹⁸ (травник второй четверти XVIII в.);

«*От земли* трава, а *от Бога* лекарство»¹⁹ (травник второй четверти XIX в.);

«*А ты, мать-трава, от Бога* сотворена, *от земли* рождена быть мне, рабу Божию, *на ползу* рабам и рабыням»²⁰ (недатированный травник);

«*От бога* травка, *от земли* корешок, *от солнышка* цветок. На что ты угодна, на что пригодна, на то я тебя и беру. Земля маги, благослови травку брати»²¹ (полевая запись из Горьковской обл., 1984 г.).

Упоминание же «земного столпа» и «животворящего креста» известно пока только по тексту № 3 М. Вельякова.

Мотив сотворения мира в формулах на сбор по травникам нам известен только по указанной выше рукописи П.И. Щукина: «Основание Божие, основал есть Господь Бог небо и землю всяким добрым угодием»²². Наличие его не только в тексте № 6, но и в тексте № 3, причем в несколько ином словесном выражении («Сам Господи, сам Иисусе Христос сотворил небо и землю, сотворил море, воду и всякия вещи»), можно толковать двояко: либо мотив был вставлен в текст № 3 под влиянием текста № 6, либо попал туда из каких-то иных источников. В целом появление этого мотива вполне оправданно, благодаря его наличию все растения соотносятся с актом творения мира, а сам факт их существования освящается божественным присутствием.

Таблица

	№ 3	№ 4	№ 6	№ 8
молитвенное вступление	краткое словословие к Троице		– краткое словословие к Троице – Иисусова молитва	
мотив сотворения мира	+		+	
обращения к священным персонажам / матери-земле	– мать-земля	– Иван да Марья, Иоаким да Анна, Адам да Ева – земля-мать	– св. Николай – ангелы, угодники, святители	– Бог – мать-земля
обращение к траве	+			+
мотив происхождения травы	– от земного столпа, животворящего креста – от Бога, от земли			
закливание травы на пользу	+			+
закрепка		«Тому делу ключ и замок и десять печатей ангельских»	Аминь	Аминь
прочее		читать при сборе псалом 90		читать 3 раза

Таким образом, в сборнике Вельякова на основе традиционных формул составляются более пространные тексты. Их структура в целом соответствует известным по более ранним спискам травников молитвам на сбор всех растений: такие тексты начинаются зачином с молитвенным обращением к Богу, затем следует обращение к Матери-сырой-земле или к матери-траве. Мать-землю или мать-траву, как и Господа Бога в зачине, просят о благословении и разрешении сорвать растение. Характерным элементом является и указание на будущее использование растения: «К чему мне надобно, к тому я и рву ее». Такие формулы встречаются уже в XVII в., например в заговоре на сбор травы *молчан* из Олонецкого сборника заговоров: «Буди ты, трава молчан, на все пригожа»²³.

Однако у Вельякова, как мы видим, круг священных персонажей значительно расширен: это не только Господь Бог, но и парные персонажи «Иван да Марья, Иоаким да Анна, Адам да Ева», св. Николай, ангелы, угодники и святители.

Инструкции на сбор растений. Сборник Вельякова содержит две подробнейших инструкции на сбор растений. Первая (см. № 2) явно представляет собой компиляцию описаний ритуальных действий из текстов травников о разных растениях, что понятно, в частности, из фразы «и которая трава чем брать, сама ясно в своей описи пишет, а не всякая брать со всем вышеписанным». Отдельные мотивы, представленные в этом тексте, имеют прямые аналогии в травниках.

Так, Иванов день и день Аграфены Купальницы упоминаются в травниках как время сбора около 30 растений, приуроченность сбора ко времени суток характерна для более чем 20 растений травников²⁴.

О растении *плакун* в травниках прямо говорится: «бес тоя травы иныя никакия травы не рвутца, а хоша и вырвешь, помочи нет»²⁵.

Встречается в травниках и описание таких ритуальных действий, как заключение растения перед выкапыванием в круг (очерчивание, обсыпание) или пронимание его через различные предметы с отверстиями²⁶.

Аналогии в травниках есть и для других мотивов:

- выкапывать корень «по солнцу»: «А терebить ту траву, став против солнца лицом»²⁷ (*орешик*, конец XVIII в.);
- следить, чтобы при сборе на растение не падала тень: «А как ея станешь имать, от солнца стени не наводи»²⁸ (*цемравная*, конец XVII в.);
- собирать светящиеся травы ночью: «Есть трава, имя ей левуппа, собою мала, в день ея не найдешь, искать ея в ночи, на ней два цвета: один желтой, другой красной – в ночи, что свечи, горят»²⁹ (конец XVIII в.);

- использовать при сборе драгоценную ткань (правда, это не обязательно касается именно водных растений, как у Вельякова). Так, траву *полотая нива* надо было брать чистыми руками, омыть чистой водой и обернуть в чистую ткань; у травы *верба* обвить корень шелком, а поверх него «скорлатным лоскутком, или аксамитом, или золотным каким, и несть лоскутом бархатным, или отласным, или камчажным»³⁰ (XVII в.).
- быть чистым³¹;
- некоторые растения в травниках рекомендовалось «закатать» в воск: «А носить тот цвет в чистом воску с собою»³² (*сириндарх херуз*); «Кто цвет его носит при себе с воском в чистоте, того человека станут всякия люди любить, и покарятыся ему»³³ (*адамова глава*).

Единственный мотив, не имеющий аналогий в травниках XVII–XVIII вв., – это рекомендация собирать растения со свечой или огнем. Этот мотив будет рассмотрен ниже, поскольку встречается также и во второй вельяковской инструкции на сбор растений.

Вторая инструкция на сбор растений озаглавлена «Подробное наставление, как брать травы» (см. № 5) и представляет значительный интерес в контексте рукописной традиции, так как столь пространных и подробных описаний традиция травников XVII–XVIII вв. не знает.

Перед нами описание магического ритуала сбора особых, волшебных растений, тех «которые днем не можно видеть, а в ночи, как свеча горит». Не исключено, что названия таких растений намеренно табуированы в тексте.

Наставление можно разделить на две части: предварительные магические действия на Пасху и совершение собственно ритуала в Иванову ночь. Подготовка к ритуалу начинается в Страстную субботу, когда нужно взять свечу и пойти на церковную службу. При этом человек, совершающий ритуал, должен выполнять некоторые условия: не оглядываться, ни с кем не говорить, стоять на службе «со страхом и трепетом», ни о чем не думать, но иметь «в устах своих молитву и усердие ко Господу». Во время чина погребения следует зажечь свечу и следить, чтобы она не погасла во время всей службы. На следующий день с той же свечой следует прийти к самому началу пасхальной службы и перед крестным ходом вокруг церкви вновь зажечь свечу и следить, чтобы она не погасла. Потом вернуться в церковь и встать на то же место, где стоял прежде и с выполнением тех же условий, что и в субботу. После службы принести свечу домой и спрятать.

Следующий этап ритуала начинается в Иванов день. Нужно встать в полночь, взять три магических предмета: зажженную свечу с пасхальной службы, очищенную от коры осиновою палочку и чистое полотенце – и идти на место сбора трав. Обнаружив нужные травы, необходимо перетерпеть «страх и ужас», не оглядываться и не сходить с места. Когда все пройдет, нужно стать на колени лицом на восток и обрывать поочередно листья с растения снизу вверх «по солнцу». Срывая листья, следует зажимать каждый лист отдельным пальцем, причем рвать нужно одним пальцем правой руки. Левой же рукой расстелить полотенце, на которое раскладывать сорванные листья. Под конец полотенце сложить и завязать узлами по числу листьев. На этом текст инструкции заканчивается, и остается ощущение, что он имеет дефекты. Так, о том, как именно используются свеча и осиновая палочка, остается только догадываться. Остается неизвестным и то, для чего предполагается использовать добытое с такими сложностями растение.

Сходные (но не буквально) инструкции начинают появляться в травниках и лечебниках с XIX в., нам известно три таких примера, причем все они происходят из описаний папоротника (текстологически это разные «папоротники», но во всех текстах речь идет, безусловно, о фольклорном образе папоротника).

Так, в статье травника Ивана Бирюкова второй четверти XIX в. о растении *<na>порать черная* рекомендуется пойти 24 июня (т. е. на Иванов день) в лес, найти папороть, очертиться около нее, постелить под нее белое полотно и держать крепко саму траву. Когда же она расцветет, то следует отрезать цветок и залепить его в воск. В это время будет очень страшно, но надо страх перетерпеть и не сходить с места до тех пор, пока не пропоют петухи. Цветет же та папорать, у которой 12 листов, цветок находится снизу под листом и похож на цветок черемухи; когда он отцветет, на его месте будет будто пыль. Растение рекомендовалось использовать для поиска кладов³⁴.

В старообрядческом травнике конца XIX в. из собрания П.М. Мальцева есть описание растения папорт, цветок которого «огнекрасен, в блеску самая маленькая точно искры или как свечи горят на маковке». Папорт цветет на Иванов день 33 минуты, и три минуты невидимо. Обладатель этого цветка станет всезнающим, ему откроются клады, мысли людей, понимание всех языков, свойства всех животных и растений. Отправляться на сбор папорта следует, взяв крест, Евангелие или псалтырь и корень травы плакун. Придя на место, следует очертиться крестом на три шага вокруг, прочесть определенные молитвы, положить крест и Евангелие по обеим сторонам от растения, сесть около него внутри черты и не

отрываясь смотреть на него, чтобы не пропустить цветение – будут цвести три цветка как свечка. Как только отцветет, надо перекрестить эти цветы, проговорить над ними молитвы и зааминить, и привязать к корню плакуна. После этого надо дожидаться «белого света или дня» – только тогда можно выйти из круга³⁵.

В 1861 г. А.Н. Афанасьевым были опубликованы избранные тексты из лечебника XIX века, среди них – и текст о волшебном растении *черная папороть*, которое цветет накануне Иванова дня в полночь, «точно как огонь горит и пылает». Чтобы добыть цветок черной папороти, надо взять в Васильев вечер (31 декабря ст. стиля) лучину, обгоревшую с обоих концов, в Светлое Христово Воскресение – огарок от свечи, с которой священник служил пасхальную службу, а также воск или огарок свечи от запрестольного образа Богоматери. С этими предметами следует идти за папоротью, постелить под нее чистую бумагу или полотно, очертиться лучиной и ждать цветения, преодолевая страх. После цветения цветок упадет на полотно, его надо смести в одно место пером и залепить вместе с пером в воск, иначе его унесут нечистые. При сборе цветка надо читать молитвы, никому ни на что не отвечать и не оглядываться. Владелец цветка узнает, где лежат клады, обретет почет, сможет становиться невидимым и т. д.³⁶

На наш взгляд, текстологически подобные тексты друг с другом не связаны, хотя и обнаруживают ряд общих мотивов. Их топика, в отличие от первой инструкции на сбор трав, связана не с рукописной, но с устной традицией. По всей вероятности, каждый из этих текстов в отдельности создан на основе устных поверий о папоротнике, известных составителям указанных рукописей – сборника Вельякова, травника Ивана Бирюкова, травника собрания Мальцева и рукописи, имевшейся у А.Н. Афанасьева. Не исключено, что более детальное сравнение этих рукописных текстов с фольклорными записями о цветении папоротника в будущем позволит проследить, к какой именно локальной традиции восходит тот или иной текст.

* * *

Таким образом, перечень канонических молитв из сборника Вельякова основан по большей части на данных травников и включает при этом преимущественно широко известные молитвы и псалмы. Неканонические молитвы и заговоры сборника Вельякова сконструированы на основе традиционных для травников формул, но являются более пространными. Одна инструкция на сбор растений представляет собой компиляцию описаний ритуальных действий из текстов травников о разных растениях. Другая же нехарактерна для травников и восходит к устным поверьям о цветении и сборе папоротника.

Приложение

<2>

Братъ травы в Купальницу, в Рождество св. Иоанна Предтечи месяца Июня в 24-й день на вечери и в нощи и в утреннюю зорю и во весь день с травою матерею и царем Плакуном с молитвою. И украшать травы златом и серебром и пронимать сквозь злато и серебро или очергать златом и серебром. И которая трава чем братъ, сама ясно в своей описи пишет, а не всякая братъ со всем вышеписанным. Только обрывать корень у травы по солнцу. А стень солнечная и месячная назади бы была. А ходит чистому иметь весьма. А святия травы братъ, кои днем не можно видеть, а в нощи, как свеча горит. И те братъ с воску яровой свечей и с огнем, и закатать в яровой воск. А в воде растуция травы братъ сквозь алое кармазинное сукно (л. 134 об.–135).

<3>

Молитва, как к траве приступать

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Сам Господи, сам Иисусе Христос сотворил небо и землю, сотворил море, воду и всякия вещи. Ты, трава, от земли корень, от неба цвет, благословися ты мне, трава, сорвать, повелися мне себе, рабу Божьему имярек. Я рву тебя, благословяся. К чему я рву тебя, к тому ты будь добра. А ты еси трава от земного столпа, от животворящаго креста, от Бога трава, от земли. Земля, ты еси мати, благослови плода твоего взяти и стояти праведнаго солнца для моего надобья. К чему мне надобно, к тому я и рву ее.

<4>

Ответ на траву рвать

Иван да Марья, Иоаким да Анна, Адам да Ева, Земля-мати, благослови плода своего взяти и стояти праведнаго Солнца.

(Как траву рвать, говори псалом 90-й «Жив<ый> в помощи Вышн<е-го>», весь до конца прочитать).

Мать-сыра-земля, отпусти мне с даннаго власа сию траву на помощь рабу Божьему имярек. Тому делу ключ и замок и десять печатей ангельских (л. 135).

<5>

Подробное наставление, как братъ травы

Во время Страстных Субботы возьми свечу воску яровую и поди в церковь к завтрене за самой начал и стой в церкви на одном месте. Назад не оглядывайся и ни с кем не говорить, но со страхом и с трепетом. И ни об чем ни думать, токмо имей в устах своих молитву и усердие ко Господу. И во время погребения, когда будут свечи засвечать, то и ты сию свечу засвети и береги

огнь сия свечи, чтоб не погасла, и стой до конца вся завтрени. Когда отъидет завтрениа, то сию спрячь ее к месту. И на утро день Светлова Христова Воскресения услышавши завтрени, немедля скорее спеши к завтрени за самой начал. И стоять павечерницу, и во время креснаго хождения сию свечу засветить и обойти по обыкновению, и при том беречь огонь свечи тоя, чтоб не погасла. И когда будут свечи гасить, то и ты такожде погаси ее в то время и спрячь ее. И вшедши в церковь, встать на место прежнее, идеже за павечерницею стоял. Стой завтрению всю до конца, яко же в Субботу Страстную с места не сходить, и назад не оглядываться, и ни с кем не говорить ничего, и стоять со страхом и трепетом. И по отпении завтрени пришедши домой, спрячь свечу в удобное место до времени.

И во время Рождества Иоанна Предтечи, Купальницы июня 24-го числа, когда травы брать должно, встать в полночь и взять свечу с молитвой (л. 136) и засветить ее. И еще взять палочку мерою в поларшина из дерева осинового и ободрать с нее кожу. И еще взять с собою чистое полотенце. И итти с теми вещами в путь свой, брать травы на правильность⁵ доброго места. И усмотревши те травы, которыя днем не можно видеть, а в нощи, как свеча горит, и подошедши к ней, и преждепомянутую осиновую палочку и прежнюю свечу. И смотри что будет, и будет много страху и ужаса. И при сем страхе и ужасе не робеть и не страшиться, и назад не оглядываться, и с места не сходить. И по сем страховании, когда все минуется, пади на колени на восток и обрывай листочки от земли по стволу вверх по солнцу. И первый листок сорвать и зажать под мезинец, такожде и другой лист сорвать и положить под другой перст, такожде и 3-й и 4-й и 5-й. А брать единым пальцем правой руки по ряду, под которым нет. И взять левой рукой полотенце разостлать, и класть листочки на полотенце по порядку, как под которым пальцем было, только пореже (?). И закрыть полотенце с обеих сторон и перевязать узлами между каждым листочком узелок.

<6>

Молитва на травы рвание и корение копание

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий наш, помилуй нас, грешных. Основание Божие, основа Господь Бог небо и землю всяким добрым угодием. Николае 3<аступник> (?), благослови своего угодия травы утерebить, корения укупать. Ангели Господни хранители, угодницы Божии, Святители Христовы, благословите: кой мне, рабу Божьему имярек, травы утерebить, корения укупать. Аминь (л. 136–136 об.).

<8>

Общий приговор трав

Господи, благослови, и ты, матушка-сыра-земля, благослови сию траву рвати. И ты, трава, уродилась, ко всему пригодилась, для чего ты пользуешь, для того я, раб Божий имярек, в пользу для всех православных христиан и беру. Аминь. Читать 3 раза (л. 136 об.).

Список сокращений

- БАН – Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
 ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва)
 ЗНБ СГУ – Зональная научная библиотека им. В.А. Артисевич
 Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
 ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН.
 ННГУ – Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)
 РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)
 РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

Примечания

-
- ¹ См. подробнее: *Ипполитова А.Б.* Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.: Исследование фольклора и этноботаники. М., 2008. С. 142–143.
- ² *Ази Мариам* – от греч. *ἁγία Μαρία*, ‘святая Мария’. Имеется в виду одна из молитв к Богородице, возможно, «Богородице Дево, радуйся...».
- ³ Действующий травник из Южной Сибири / Подгот. текста, предисл., словник В.А. Липинской, Г.А. Леонтьевой // Традиционный опыт природопользования в России / Отв. ред. Л.В. Данилова, А.К. Соколов. М., 1998. С. 427, 428, 436, 437.
- ⁴ *Страхова О.Б.* Фрагменты заговоров и молитв в травниках // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. Ч. 1. С. 42.
- ⁵ Травник XVIII века (тобольский вариант) / Науч. ред. Л.А. Глинкина; введ., транслитерация текста, словник А.П. Урсу-Архиповой. Челябинск, 2004. С. 115–116.
- ⁶ Православный молитвослов. СПб., 1993. С. 4–10.
- ⁷ *Белова О.В., Левкиевская Е.Е.* Молитва // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 278.
- ⁸ См. о нем подробнее: *Kolosova V. Ivan-da-marja* // *Pro Ethnologia*. 2004. 18. P. 87–95; *Колосова В.Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009. С. 162–169.
- ⁹ ГИМ. Собр. П.И. Щукина. № 1091. Л. 14.
- ¹⁰ РГБ. Ф. 722. № 521. Л. 3–3 об.
- ¹¹ РНБ. Ф. VI. 16. Л. 1.
- ¹² Зап. А.Н. Говоровой и А.Б. Ипполитовой в д. Брод Кичменгско-Городецкого р-на Вологодской обл. от А.И. Лобовой 1931 г.р. в 2000 г. Вариант: Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. В.П. Аникина. М., 1998. С. 309. № 2031.

- 13 РГБ. Ф. 722. № 521. Л. 2 об.–3.
- 14 В. О народных травниках в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 33. С. 3.
- 15 Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост. А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2010. С. 90. № 1а.
- 16 Нижегородские заговоры / Сост., вступ. ст. и коммент. А.В. Коровашко; отв. ред. К.Е. Корепова. Нижний Новгород, 1997. С. 52. № 214 // ННГУ. Колл. 62. Ед. хр. 1. № 1. Зап. в 1984 г. от Банниковой Е., 1904 г. р., д. Большой Лом Тоншаевского р-на Горьковской обл.
- 17 РГБ. Ф. 722. № 521. Л. 2 об.–3 (конец XVII в.).
- 18 ИРЛИ. Собр. В.В. Величко. № 26. Л. 279 об.
- 19 РНБ. F.VI.16. Л. 1.
- 20 В. О народных травниках в Олонецкой губернии. С. 3.
- 21 Нижегородские заговоры. С. 52. № 214 // ННГУ. Колл. 62. Ед. хр. 1. № 1. Зап. в 1984 г. от Банниковой Е., 1904 г.р., д. Большой Лом Тоншаевского р-на Горьковской обл.
- 22 ГИМ. Щук. 1091. Л. 14.
- 23 Русские заговоры из рукописных источников. С. 90. № 1а.
- 24 *Ипполитова А.Б.* Русские рукописные травники. С. 131–132.
- 25 РГБ. Музейное собр. № 10927. Л. 7 об., № 11 (Травник кон. XVIII – нач. XIX в.).
- 26 См.: *Ипполитова А.Б.* Русские рукописные травники... С. 154–161; *Ippolitova A.* Circumscription Ritual in Russian Herbals of the 17th–early 20th Centuries // The Ritual Year 10. Magic in Rituals and Rituals in Magic. The Yearbook of the SIEF (Société Internationale d’Ethnologie et de Folklore) Working Group on the Ritual Year / Ed. by T. Minniyakhmetova, K. Velkoborská. Innsbruck; Tartu: ELM Scholarly Press, 2015. P. 346–355.
- 27 РГБ. Музейное собр. № 4492. Л. 51 об. № 87.
- 28 ГИМ. Собр. А.С. Уварова. № 114. Л. 6 об. (Лечебник втор. пол. XVII в.).
- 29 РГБ. Музейное собр. № 4492. Л. 13 об. № 26.
- 30 РГБ. Ф. 722. № 521. Л. 3.
- 31 *Ипполитова А.Б.* Русские рукописные травники. С. 137.
- 32 РНБ. Q.VI.33. Л. 3. № 6 (Сборник-лечебник второй четв. XVIII в.).
- 33 БАН. 33.14.11. Л. 33. № 71 (Травник посл. четв. XVIII в.).
- 34 РНБ. F.VI.16. Л. 10. № 89.
- 35 ЗНБ СГУ. Собр. П.М. Мальцева. № 792. Л. 2 об.– 3 об. (Травник конца XIX в.).
- 36 Несколько народных заговоров (Сообщено А.Н. Афанасьевым) // Летописи русской литературы и древности. Т. IV. Отд. III. М., 1861. С. 72–74.

История повседневности в деталях: проблемы комментирования текстов русской литературы

В статье рассматриваются проблемы понимания и комментирования произведений Н. Гоголя, Л. Толстого и других классиков русской художественной литературы, а также переиздания дореволюционных очерковых, публицистических, мемуарных книг. Подходы к комментированию связываются с изучением истории русской повседневной жизни. На примерах показана огромная роль мелких историко-бытовых деталей в создании писателем образов персонажей книг. Ставится вопрос о методике комментирования: что остро нуждается в комментировании, поскольку позволяет глубже проникнуть в замысел автора и понять текст, а что из непонятого безболезненно можно оставить без внимания.

Ключевые слова: переиздание, русская литература, мемуаристика, классика, текст, комментирование, история, повседневная жизнь, историко-бытовые детали.

В книгоиздательском деле существует проблема, возникшая очень давно, но нерешенная до сих пор: проблема переиздания старой, дореволюционной (а теперь, пожалуй, и советской 1920–1930-х гг.) литературы как художественной, так и очерковой, мемуарной, эпистолярной и т. д. Речь идет о проблеме комментирования текстов. Эта проблема возникла в связи с освоением широкими массами читателей литературного наследия и рассматривалась уже первыми советскими литературоведами, текстологами и педагогами. Так, основные особенности жанра комментария сформулировал С. Рейнер¹. Сформировалась типология комментариев: текстологический, лексический, историко-литературный, литературоведческий, биографический, исторический, реально-бытовой. В данной статье речь идет преимущественно о последнем типе.

История народа – это история его повседневной жизни, нередко проявляющейся в мелочах. Нет таких жизненных сфер, которые были бы вне повседневности. Она реализуется в труде, быте и отдыхе человека. Ее история доходит до нас, запечатленная в произведениях художественной и очерковой литературы, мемуарах и переписке, актовом материале, картинах, фотографиях, предметах материальной культуры и т. д. Так, автор дневников или мемуарист по ходу фиксируют какие-то имена, события, детали быта, а писатель, формируя образ литературного персонажа, пользуется множеством деталей современной ему жизни. Но жизнь эта прошла, и для последующих поколений читателей эти детали зачастую оказываются непонятны, поскольку этим читателям незнакома история повседневной жизни народа. А значит, может оказаться непонятым образ персонажа художественного произведения, образ прошедшей эпохи, некоторые смыслы, вкладывавшиеся авторами в дневники, воспоминания или письма. Задача данной статьи – показать чрезвычайно важную роль историко-бытовой детали в литературном тексте для понимания отразившейся в нем повседневности прошлого, ее содержание и насущную необходимость ее углубленного комментирования. Речь идет о детали типологизирующей, обусловленной социально-политическим строем, особенностями общественного быта.

Современному читателю, особенно молодому (школьнику, студенту), читать русскую классику трудно. Еще труднее – читать вдумчиво, хотя бы потому, что там без конца попадают давно вышедшие из употребления слова и понятия. Острота проблемы привела к созданию целого комплекса таких методических пособий, как книги для учителя и учащихся (Ю. Лотмана, Н. Бродского, С. Белова, В. Мануйлова и др.²). Попытка подведения итогов сделана М. Гаспаровым³, по этой проблеме защищено несколько кандидатских диссертаций⁴. В школьной педагогике сложилось целое методическое направление – комментированное чтение⁵. В помощь этой работе был выпущен ряд толковых словарей. Еще в 1959 г. филолог и журналист Ю. Федосюк обратился к ученым с призывом начать работу по созданию словаря русского быта, который помогал бы широкому кругу читателей, прежде всего учителям русской литературы и школьникам⁶. А в 1989 г. сам Федосюк завершил работу над справочником «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века». С тех пор эта чрезвычайно популярная у читателей книга выдержала множество переизданий⁷. И такого рода работа не единственная. Можно назвать книги В. Сомова, Р. Кирсановой или вышедший под редакцией Р. Рогожниковой словарь

«Редкие слова в произведениях авторов XIX века»⁸. С 2013 г. издательство CLEVER выпускает альманах «Интерактивная классика» с подробнейшими характеристиками прошлых эпох, отразившихся в русской классике. Да и автор этой статьи не остался в стороне⁹. Обращался он и к проблеме комментирования¹⁰.

Для понимания текста недостаточно узнать из книг, что представлял собой тот или иной предмет, чин, титул и т. п. Существовавшая в свое время высокая писательская культура (и, соответственно ей, читательская культура) вела к тому, что художественные образы и коллизии рисовались с помощью «говорящих» бытовых деталей. И это нередко ставит в тупик вдумчивого современного читателя, пытающегося понять автора. Каждый ли учитель-словесник способен объяснить непонятные даже и образованному современнику пассажи? А ведь иногда они чрезвычайно важны для понимания сути произведения. Увы, далеко не всегда на высоте оказываются и комментаторы, пытающиеся помочь этому читателю.

Один из самых сложных для понимания текстов русской художественной литературы – повесть Н.В. Гоголя «Нос». Историки литературы и режиссеры театра и кино на все лады пытаются трактовать его. А ведь писатель объяснил уже все, очертив образ героя. Вот этот текст:

Но между тем, необходимо сказать что-нибудь о Ковалеве, чтобы читатель мог видеть, какого рода был этот коллежский ассессор. Коллежских ассессоров, которые получают это звание с помощью ученых аттестатов, никак нельзя сравнивать с теми коллежскими ассессорами, которые делались на Кавказе... Ковалев был кавказский коллежский ассессор. Он два года только еще состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог его позабыть; а чтобы более придать себе благородства и веса, он никогда не называл себя коллежским ассессором, но всегда майором. «Послушай, голубушка, говорил он обыкновенно, встретивши на улице бабу, продававшую манишки, ты приходи ко мне на дом; квартира моя в Садовой; спроси только: здесь ли живет майор Ковалев? – тебе всякий покажет». Если же встречал какую-нибудь смазливенькую, то давал ей сверх того секретное приказание, прибавляя: «Ты спроси, душенька, квартиру майора Ковалева»... Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть у губернских и уездных землемеров, у архитекторов и полковых докторов, также у управляющих разные полицейские обязанности... Майор Ковалев носил множество печаток сердоликовых, и с гербами, и таких, на которых было вырезано: среда, четверг, понедельник и проч. Майор Ковалев приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своему званию места: если удастся, то вице-губернаторского, а не то – экзекуторского в каком-нибудь видном департаменте¹¹.

Гоголь неслучайно остановился на том, что Ковалев – кавказский коллежский асессор. В дореформенной России правом государственной службы пользовался весьма ограниченный круг людей. Для лиц разного социального происхождения различались правила чинопроизводства как в первый классный чин, так и в последующие, а особенно в 8-й, дававший права потомственного дворянства. К тому же с 1809 г. чин 8-го класса, т. е. коллежского асессора, давался только при наличии университетского диплома. Но на Кавказе, который только что осваивался в административном отношении и нуждался в чиновниках, на государственную службу принимали всех лиц «свободного состояния», включая вольноотпущенных крепостных, вдвое сокращали сроки чинопроизводства и диплома не требовали. Подчеркивая происхождение чина Ковалева, Гоголь имел в виду его низкое социальное происхождение. Потому-то Ковалев уже два года не мог забыть свой чин.

По «Табели о рангах» майор также находился в 8-м классе. Но военные чины числились классом выше, так что майор, переходя в гражданскую службу, автоматически получал следующий чин надворного советника. Ходивший в статском платье Ковалев, называя себя майором, вполне мог сойти за отставного военного, предполагавшего получить чин уже 7-го класса. Кроме того, военные чины, особенно в николаевскую эпоху, были почетнее гражданских: получить чин за боевые заслуги, согласитесь, гораздо почетнее, нежели высидеть его в канцелярии, да еще и в сокращенные сроки.

Издавательски звучит и претензия Ковалева на должность. Существовало соответствие чинов должностям. И должность вице-губернатора соответствовала 5-му классу «Табели о рангах». Вице-губернатор был весьма значительной фигурой, и Ковалеву с его чином 8-го класса до него было далеко. Должность же экзекутора соответствовала 10-му классу. Это был незначительный чиновник, ведавший снабжением учреждений перьями, чернилами, бумагой, дровами и пр. Вспомним, что в «Шинели» именно экзекутор является к герою вызывать его на службу; эту же миссию курьера выполняет экзекутор в «Записках сумасшедшего». Не Бог ведь какая фигура, а для чиновника 8-го класса даже несколько уничижительная. Перед кем же величается «майор» Ковалев? Перед уличной разносчицей, торгующей манишками. Между прочим, разносная торговля мелочами мужского туалета была благовидным прикрытием для незарегистрированных уличных проституток, позволяя им посещать квартиры холостых мужчин.

Столь же характерны и приметы его внешности. Ковалев носит манишки, покупая их у уличных разносчиц. Это самый низший сорт

товара. Вспомним, что Чичиков даже в стесненных обстоятельствах носил сорочки тонкого голландского полотна. Как человек умный, он понимал, что дешевое щегольство не украшает: по одежке встречают. Ковалев же щеголяет множеством печаток на часовой цепочке. У людей, что называется, комильфо это была одна печатка из ценного камня, а не из дешевого сердолика, и вырезан на ней был герб ее владельца: их употребляли при запечатывании писем. У Ковалева множество печаток с гербами, очевидно, чужими либо фантастическими. Что же касается печаток с вырезанными днями недели, то такими припечатывали свертки с товарами на таможене. Вот где ларчик открывается! Ковалев служил на таможене и, вероятно, имел доход от контрабандных товаров.

Недаром Гоголь отмечает и бакенбарды Ковалева: губернские и уездные землемеры, архитекторы, врачи и лица, «отправляющие разные полицейские обязанности» (становые, квартальные, заседатели земского суда) нередко были разночинцами по происхождению. Так и видится в этом портрете щеголеватый мещанин или приказный, всеми силами стремящийся «выбиться в люди». И портрет этот создан с помощью нескольких деталей повседневной жизни, в которых, однако, спрессована огромная информация. Для потомственного дворянина Гоголя «майор» Ковалев – рвач, выскочка, пустышка, ничтожество, которого, может быть, еще недавно пороли при полиции, это «тьень Невского проспекта», нос которого столь же значителен, как его владелец. В этом суть повести.

Другой персонаж Гоголя – Федор Иванович Шпонька. Убоившись премудростей учения, он поступает в полк. Примерный молодой дворянин, которого командиры всегда ставили в образец. Ко времени выхода в отставку ему 37 лет, а он всего лишь в чине подпоручика. На службу он поступил в 17 лет. Разумеется, поступил юнкером «на правах дворянина». Уже через 2–3 года ему следовало получить чин прапорщика. Дальнейшее продвижение подчинялось правилам о выслуге, так что подпоручиком он должен был стать годам к 25–27, а к 37 годам быть штабс-капитаном. «Блистательная» карьера для благонаправленного молодого человека и дворянина: 8–9 лет в нижних чинах, 11 лет в прапорщиках. В таких темпах производились примерные военнослужащие из рекрутов, но не дворяне. У Гоголя этот портрет – свидетельство ничтожества дворянского недоросля (в фонвизинском смысле), раскрытое в нескольких строчках.

Аналогичным образом работали и другие художники слова. Так, Л. Толстой мог бы прямо сказать, что Анна Павловна Шерер

была мелка, чванлива и ничтожна. На первой странице «Войны и мира» Анна Павловна беседует с князем Курагиным. Должны собратиться гости, созванные «разосланными утром с красным лакеем записочками». Вероятно, почти никто из современных читателей и даже специалистов не обращает внимания на этого «красного лакея». Почему же Толстой, требовательно относившийся к своим текстам, по многу раз их переделывавший, сохранил здесь «красного лакея»? Да потому, что это – чрезвычайно содержательная деталь. Как фрейлина вдовствующей императрицы Анна Павловна могла пользоваться дворцовыми лакеями в их красных livреях. Сидя из-за болезни дома, она могла разослать записочки со своим лакеем. Но воспользовалась она именно придворным лакеем, еще раз демонстрируя (и это – близко знающим ее людям!) свое положение.

Художественная деталь может быть многозначительной, скрывать глубокое содержание, а может превратиться в штамп. Так, читателю XIX в. было понятно, что когда говорилось о «фризовой шинели», то имелся в виду человек незначительный, бедный – лавочник, канцелярист. Люди побогаче шили шинели из сукна, фриз же, толстая ворсистая байка, употреблялся бедняками. В «Невском проспекте» у Гоголя есть «жалкая добыча человеколюбивого попытчика, пущенная по миру во фризовой шинели», а в «Портрете» «хозяин лавки, серенький человечек во фризовой шинели...». Если же писатель говорил о «венгерке», то было ясно, что речь идет об отставном военном, скорее всего кавалеристе небольшого чина, или о небогатом помещике, собачее и лошадаике, или просто о проходимце, игроке и выпивохе. Своеобразным синонимом «венгерки» были «усы»: в первой половине XIX в. ношение усов сначала было разрешено только гусарским офицерам, затем всем кавалерийским офицерам, а потом и всем военным, в т. ч. и отставным. Потому-то М. Лермонтов в «Петергофском празднике» говорит о «венгерках мелких штукарей», т. е. жуликов, а один из персонажей «Тарантаса» В. Соллогуба называет Москву с ее большим количеством отставных военных «отечеством усов и венгерок», в другом же месте этого произведения сказано о «бильярде с усатыми игроками». С. Максимов в книге «Год на Севере» пишет об обществе уездных чиновников, в котором «принадлежит первое место разбитным усатым господам с размашистыми, лошадиными манерами». «Поддевка» и «чуйка» обозначали простолюдинов, мещан или мелких купцов («...каждая чуйка на каждом перекрестке, завидев в пролет улицы церковь, снимая картуз, крестясь и чуть не до земли кланяясь...» в «Жизни Арсеньева» И. Бунина). Нанковый халат

(нанка – дешевая хлопчатобумажная ткань) или такой же сюртук – родовой признак семинаристов, дворовых, мелких служащих и т. п. В «Конторе» И. Тургенева один из конторщиков «одет был, *как следует* (курсив мой. – Л. Б.), в серый нанковый сюртук». Примечательным образом использует Тургенев одежду как деталь в «Певцах». Обалдуй одет во фризовую шинель, на Моргаче «довольно опрятная суконная чуйка», на Яшке-Турке «долгополый нанковый халат», у Дикого-Барина «поношенный сюртук с медными гладкими пуговицами», у рядчика «тонкий армяк из черного сукна с плисовым воротником». А через две страницы выясняется, что Обалдуй – «загулявший, холостой дворовый человек», Моргач – бывший приказчик, вольноотпущенный, приписавшийся в мещане и разбогатевший; Дикий-Барин происходит из однодворцев и «состоял будто где-то на службе», Яков-Турок – рабочий на фабрике, а рядчик – мещанин, занимающийся подрядами. Крестьянин был – «зипун»: «А ты не пьян? – обращаюсь я к зипуну... Росинки в рот не брал... отвечает зипун, хватаясь за шапку» в «Записках степняка» у А. Эргеля. Купец же – «сибирка», долгополый сюртук; в одном из романов П. Бобрыкина в передней дельца новой формации вперемышку висят шинели, пальто и сибирки, т. е. этот человек имеет дело и с барамы, и с чиновниками, и с ветхозаветными купцами-бодачами.

Иногда в качестве «говорящей» детали выступает какая-либо часть одежды, предмет или украшение. Например, у Л. Толстого в «Набеге»: «Две женщины в шумящих платьях, повязанные шелковыми платочками и с ярко-цветными зонтиками в руках... Две девицы... с открытыми головами стояли у завалинки низенького домика и принужденно заливались тоненьким смехом, с видимым желанием обратить на себя внимание проходящих офицеров»¹². И в осажденном Севастополе у Толстого «по большой аллее бульвара ходили всяких сортов офицеры и всяких сортов женщины, изредка в шляпках, большей частью в платочках (были и без платочков и без шляпок)»¹³. Эти детали не случайны. В старой России шляпки носили женщины из общества. В платочках ходили купчихи, мещанки, солдаты и прочие женщины невысокого социального положения. Но появиться на улице с непокрытой головой могла позволить себе только «гулящая». Из жительниц кавказского захолустья завести «шумящее» платье из дорогой ткани, шелковый платочек и, главное, ярко-цветной зонтик от солнца могли только горожанки, имевшие «приватные» доходы в богатой офицерами и бедной женщинами крепости. Такие места были насыщены и «девицами» с непокрытой головой. Характерной деталью были «туль-

ские» украшения. Молодой человек «во фраке с покушениями на моду», бывший свидетелем въезда Чичикова в ворота гостиницы города NN, застегивал манишку «тульской булавкой с бронзовым пистолетом», а у тургеневского Каратаева, разорившегося мелкого помещика, забубенного собачья, «на красных и толстых его пальцах... виднелись серебряные и тульские кольца». Тульские – то же, что из «самоварного золота»: ремесленники, занимавшиеся самоварным производством, из обрезков латуни изготавливали огромное количество дешевых колечек, перстеньков, сережек и булавок.

Тургенев в «Дворянском гнезде» в основном ограничивается мелкими деталями. Так, у щеголя, светского льва Паншина батистовый носовой платок; бедняк-учитель Лемм смахивает пыль с сапог «толстым носовым платком». Но особенно примечателен платок у Гедеоновского. Писатель тщательно описывает этого человека, в котором «все дышало приличием и пристойностью». И, однако же, он достает из кармана тщательно свернутый «клетчатый синий платок», который вовсе не пристал утонченному и воспитанному статскому советнику. Эта деталь дополняется речевой характеристикой Гедеоновского. О людях даже и не столь значительных, он почтительно говорит «они»: «Я их самолично видел», «очень поздоровели, в плечах еще шире стали» и т. д. Во-вторых, он постоянно употребляет «слово-ерс»: «Они-с», «Весел-с, ничего-с», «что делать-с». В соединении с типичной фамилией это более чем ясно свидетельствует о невысоком происхождении этого персонажа. Тургенев даже мог и не говорить прямо устами Марфы Тимофеевны, что Гедеоновский – попович.

Манера говорить – важнейшая деталь. И употребление «слово-ерс», т. е. окончания «с», прибавлявшегося к некоторым словам, было свидетельством низкого положения или происхождения человека. Штабс-капитан Снегирев в «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского прямо заявляет: «Слово-ерс приобретается в унижении», и на вопрос – невольно приобретается или нарочно, отвечает: «Все не говорил, целую жизнь не говорил словоерсами, вдруг упал и встал с словоерсами». И в «Вокруг света на “Коршуне”» К. Станюковича старый штурман Степан Ильич постоянно употребляет «слово-ерс»: штурманы, происходившие из разночинцев, в отличие от строевых офицеров, были париями флота.

Итак, деталь в большинстве случаев связана с особенностями общественного быта, социального строя. Примеры такого рода могут быть бесконечны. Вот в «Преступлении и наказании» Достоевского Мармеладов подчеркивает, что его супруга – «урожденная штаб-офицерская дочь». Отец ее служил в гражданской службе

(«статский полковник»), а мы уже знаем, что штаб-офицерские чины давали право на потомственное дворянство, и Мармеладов косвенно подчеркивает это. Довольно много подобных деталей встречается у Лермонтова. Например, в «Княгине Лиговской» аристократ Печорин презрительно говорит о маленьком чиновнике Красинском, что тот «непременно будет великим государственным человеком, если не останется вечно титулярным советником. – Я непременно узнаю... есть ли у него университетский диплом», добавляет он. Выше уже объяснялось, в какой связи находились чин и диплом: титулярный советник был в 9-м классе, и для получения следующих чинов требовался диплом. В «Герое нашего времени» лечившиеся на водах приезжие дамы, увидев петербургский покррой сюртука Печорина, посмотрели на него «с нежным любопытством», но, «узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись». Петербург был местом дислокации гвардии, и петербургский покррой платья предполагал приезд гвардейца – богача и аристократа. И носили гвардейцы эполеты с галунным полем с императорским вензелем на нем, тогда как у армейцев поле эполет было суконное, с номером полка. Армейское офицерство, особенно в глухой провинции, отличалось бедностью, необразованностью, невоспитанностью, а иногда и «низким» происхождением. Потому-то так обижен был пренебрежением Печорина Максим Максимыч, дослужившийся лишь до чина штабс-капитана и служивший в линейном батальоне. Выслужившиеся из солдат офицеры производились только до штабс-капитанского чина. Между армейцами и гвардейцами лежала глубокая рознь, выражавшаяся во взаимном презрении. Подробно остановился на этом Толстой в «Набеге», «Севастопольских рассказах» и «Из кавалерийских воспоминаний. Разжалованный».

В отличие от приезжих аристократок, местные дамы в «Герое нашего времени» «были благосклоннее» к обладателю армейских эполет, так как привыкли «встречать под номерованной пуговицей пылокое сердце»: у гвардейцев на пуговицах изображался двуглавый орел, а армейцев – номер полка. Так же косвенно говорит автор о социальных различиях и дальше. Грушницкий заявляет: «Эта гордая знать смотрит на нас, как на диких зверей. И какое дело им, есть ли ум под номерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью». Фуражки с номером на околыше носили нижние чины, каковым был и юнкер Грушницкий. Потому он и не может попасть на бал в местное собрание, а смотрит на танцующую княжну Мэри в окно с улицы. Солдатскую же шинель толстого сукна он носил «по особенному роду франтовства»: вступив в службу юнкером,

он, однако, пытается, и безуспешно, произвести впечатление разжалованного офицера – весьма популярную и романтическую в то время фигуру. Разумеется, в ту пору, когда писали Гоголь или Лермонтов, читатель, человек того же круга, хорошо разбирался и в системе чинов, и в правилах чинопроизводства, и в знаках различия, и в социальной структуре. Поэтому тогдашний читатель тургеневского «Однودворца Овсянникова» прекрасно понимал, почему в ответ на повествование Овсянникова, как его отца выпорол дедушка рассказчика, последний покраснел. Однودворцы, хотя и принадлежали к крестьянству, обладали некоторыми правами и привилегиями, в том числе были освобождены от телесных наказаний; но большой барин, как дедушка рассказчика, мог позволить себе и пренебречь законом.

В силу своей емкости социально-бытовая деталь-иносказание широко применялась в русской литературе. Очевидно, классические тексты должны сопровождаться обстоятельными комментариями, растолковывающими мысль писателя. Однако нередко составители комментариев оказываются не на высоте задачи и даже совершают грубые ошибки. Так, в комментариях к рассказу Н. Лескова «Пугало» в 11-томном издании сочинений писателя 1958 г. термин «Этишкет» объясняется как «принадлежность военной формы гусар: длинный шнур с двумя кистями на конце, идущий от эфеса шашки к воротнику». Здесь все неверно: этишкет (вовсе необязательно у гусар) – шнур с кистями и плетенкой-тринчиком на кивере; несколько выше комментатор объяснил термин «Кутас» правильно, а этишкет и кутас – одно и то же. От воротника, точнее, с шеи, двойной шнур вел к рукояти револьвера: он так и назывался «револьверный». Наконец, гусары вооружались не шашками, а лекавалерийской саблей.

Другой пример: в одном из изданий романа И.А. Гончарова «Обломов» в серии «Школьная библиотека» (!) фраза Судьбинского «Еще нынешний год корону надо получить, думал, “за отличие” представят, а теперь новую должность занял: нельзя два года сряду...» объяснялось так, что будто бы Судьбинский должен получить в виде награды дворянство. Между тем Судьбинский уже был дворянином, поскольку дворянство имело почти монопольное право на государственную службу. Речь в романе идет о том, что Судьбинский должен был получить небольшое дополнение к знакам орденов св. Станислава или св. Анны, имевшее вид императорской короны и как бы повышавшее степень знака. Разумеется, это не столь существенно для понимания содержания романа, но все же такие ошибки непростительны.

Государственная публичная историческая библиотека регулярно переиздает старые книги из своих фондов, сопровождая их предисловиями и комментариями. В этой работе участвует и автор этой статьи. И перед ним постоянно встает мучительный вопрос: что прокомментировать. Вот книга воспоминаний левых эсеров «Кремль за решеткой»¹⁴. Понятно, что когда арестованный эсер пишет о снующих по коридорам тюрьмы «кожаных мужчинах и женщинах», делящихся впечатлениями об участии в расстрелах, то читатель, вероятно, догадается сам, что речь идет о чекистах. А вот почему характерным признаком чекистов и комиссаров стали кожаные куртки, шаровары и картузы, уже почти никто не знает. Но вот вопрос: а нужно ли здесь объяснять, что они присвоили присылавшееся союзниками в Россию вместе с автомобилями и самолетами кожаное обмундирование, не впитывавшее масла и бензин, а водители автомашин и броневиков в Красной армии остались при своих шинелях и хлопчатобумажных шароварах. Разумеется, необходимы пояснения к выражениям «охраннические методы» ВЧК, «в теперешнем царстве Семенова», «Для него приготовили тачку», «Заявление Ленина по поводу батальона немецких солдат» или жаргонным терминам «френчмен», «ходя», «шкура», «испанка». Конечно, к книге Н. Телешова «За Урал» следует дать объяснение, что такое «Крушение царского поезда», «Дарственный надел», «Ехали по машине», «Мы вышли на тормаз», да даже и «арфистка» (проститутка, прикрывавшаяся в ресторанах игрой на арфе) или «музыка» (музыкальный автомат). Но нужно ли объяснять, что такое скуфейка или штейгер?¹⁵ Или, когда комментируется книга Ег. Ковалевского «Граф Блудов и его время», то, разумеется, следует объяснить, кто таков «Семинарист во фризском изношенном сюртуке» и какую роль подобная личность играет в Московском архиве Иностранных дел среди «архивных юношей» из дворян хороших фамилий¹⁶.

С этой точки зрения было бы любопытно обратиться к опыту издатель и комментаторов прошлого. Так, историк-популяризатор С. Шубинский в 1874 г. издал «Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны». В 2016 г. это издание переиздано Исторической библиотекой, и мы воспользуемся им. К 80-страничной книге Шубинский дал 43 страницы комментариев, чрезвычайно пространных, иной раз занимающих более страницы и содержащих детальные характеристики упомянутых леди Рондо русских вельмож. К этому же изданию была приложена краткая Записка К. Рондо «О некоторых вельможах Русского двора в 1730 году», или

«Характеры некоторых русских вельмож», обнаруженная русским историком Ю. Толстым в 1858 г. в Лондонском королевском архиве. Восьмистраничная публикация Записки с более или менее обширными пристрастными примечаниями дополнительно сопровождалась еще восемью страницами пояснений Толстого с цитированием современников. Таким образом, примечания к публикации Шубинского могут составить вполне солидный самостоятельный труд¹⁷. С другой стороны, переизданная той же Исторической библиотекой в 2013 г. книга современника Шубинского, историка М. Хмырова «Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701–1791)» вообще не имела комментариев, а только крайне скудные пристрастные ссылки. И это не значит, что книга Хмырова не нуждалась в комментариях: готовившая ее переиздание М. Полякова сделала 477 примечаний на 95 страницах к 200-страничному тексту¹⁸. Так что прошлый опыт историков и публикаторов оказывается неоднозначным и помочь нам не может.

Возможно, не так уж важны и необходимы простые пояснения, к какому классу относится тот или иной чин или что такое фриз и нанка, если они упомянуты «мимоходом». Или что такое верста, десятина, фунт – это при желании легко узнать из любого энциклопедического словаря. Впрочем, в некоторых случаях и они нуждаются в подробном объяснении, если речь идет о душевом земельном наделе в 1,5 десятины или о наивысшем пайке в 1 фунт – и того, и другого крайне недостаточно, и это нужно объяснить. Важно раскрыть смысл явления, показать, с какой целью писатель-беллетрист использовал деталь. Что хотел сказать мемуарист или автор старой, дореволюционной монографии, вроде бы проходя (а иногда и с умыслом) упомянув то или иное лицо, тот или иной факт или ту или иную деталь. Без квалифицированных комментариев издавать книги нельзя.

Примечания

¹ Рейсер С. Палеография и текстология нового времени. М., 1970.

² Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Л., 1975; Бродский Н.Л. «Евгений Онегин». Комментарий к роману А.С. Пушкина. М., 1964; Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. М., 1966; Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. Л., 1979; Пустовойт П.Г. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». Комментарий. М., 1983; Фомичев С.А. Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума». Комментарий. М., 1983.

- ³ *Гаспаров М.Л.* Ю.М. Лотман и проблемы комментирования // Новое литературное обозрение. 2004. № 66.
- ⁴ Например, *Клименко И.Г.* Методика использования комментария при изучении русской литературы в старших классах: Дисс. ... канд. пед. наук. М., 1991; *Бармина Л.В.* Затекустовые комментарии как компонент лингвокультурологического исследования художественного текста: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, М., 2011 и др.
- ⁵ Например, *Неверов В.В.* Комментированное чтение на уроках литературы в 8 классе // Литература в школе. 1957. № 2; *Барлас Л.Г.* Объяснение слов на уроках литературного чтения // Литература в школе. 1960. № 3; *Потемкина Е.В.* Комментированное чтение... / Автореф. дисс., 2015.
- ⁶ *Федосюк Ю.А.* Такое пособие необходимо // Вопросы литературы. 1959. № 6.
- ⁷ *Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. Изд. 10-е. М., 2007.
- ⁸ *Кирсанова Р.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. М., 1989; Редкие слова в произведениях авторов XIX века / Под ред. Р. Рогожниковой. М., 1997; *Сомов В.* Словарь редких и забытых слов. М., 1996.
- ⁹ *Беловинский Л.В.* Российский историко-бытовой словарь. М., 1999; *Беловинский Л.В.* Историко-бытовой словарь русского народа. М., 2007; *Беловинский Л.В.* Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни. М., 2015.
- ¹⁰ *Беловинский Л.В.* Проблемы комментирования произведений русской классической литературы. Заметки историка // Детская литература. 1991. № 6.
- ¹¹ *Гоголь Н.В.* Сочинения. Нос. М.: Олма медиа групп, 2002. С. 305.
- ¹² *Толстой Л.Н.* Набег. М., 2017. С. 75.
- ¹³ *Толстой Л.Н.* Севастополь в мае. М., 2017. С. 39.
- ¹⁴ Кремль за решеткой. Подпольная Россия. М., 2017.
- ¹⁵ *Телешов Н.Д.* За Урал. Из скитаний по Западной Сибири. М., 2017.
- ¹⁶ *Ковалевский Е.П.* Граф Блудов и его время (Царствование императора Александра 1-го). М., 2016.
- ¹⁷ Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны. М., 2016.
- ¹⁸ *Хмыров М.Д.* Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701–1791): исторические очерки по архивным документам. М., 2013.

«Национальный агиографический проект» в российском культурном процессе XIX века

Статья посвящена различным опытам осмысления русских святых в качестве выразителей национального духа. Репрезентация святых в российской культурной сфере рассмотрена в контексте «масонского Просвещения» конца XVIII в., становления критической агиографии, кодификации благочестивых практик российского православия. Впервые публикуются данные о новонайденных рукописях из архива Московской духовной цензуры. Автор приходит к выводу о влиянии процессов секуляризации на социокультурные процессы в религиозной сфере.

Ключевые слова: агиография, культурное сознание, феномен святости, секуляризация.

«Национальный агиографический проект» как попытка «национализации» религиозной культуры, желание представить в качестве выразителей национального духа православных святых России, тесно связанных с русской историей, плотью народной жизни, родился в идейной атмосфере Серебряного века русской культуры¹.

Экономический рост и социальная трансформация Российской империи начала XX в. сопровождались социокультурными изменениями, причем приметами времени стали рост национализма и заметная секуляризация общества. Мы бы ошиблись, предположив, что «национальный агиографический проект» был порождением одной только ширящейся предреволюционной секуляризации начала XX в., когда политические идеологии присваивали пустеющие *пространства сакрального* в культуре. В действительности идея репрезентации национального духа в лицах православных святых имеет значительно более давнюю историю.

Развертывание галереи национальных святых, своего рода праздничный парад святых, их учет и обстоятельная классификация – все это основы интересующего нас «национального агиографического проекта». Построение источниковой базы данной проблемы убеждает в том, что литературный жанр *словаря святых* уже самими своими видовыми особенностями претендует не только на сохранение исчерпывающего знания об определенной группе почитаемых лиц, но также и на презентацию их в культурной сфере.

Идея словаря национальных святых зародилась на русской почве в контексте рецепции западной по происхождению культуры энциклопедий не ранее XVIII вв. К тому времени был пройден путь от азбучников до словарно-энциклопедических проектов второй половины XVIII в., когда утвердилась идея о разнообразии энциклопедий, о возможности специальных энциклопедических справочников². Первым словарем российских святых стал справочник С.П. Соковнина, изданный в московской типографии Лопухина в 1784 г.³ на пике культурной активности эпохи русского Просвещения. Можно добавить, что ныне найдены документы, свидетельствующие об исправленном варианте словаря Соковнина, который автор подготовил в конце жизни и пытался опубликовать в 1817 г. Эта вторая редакция словаря не была пропущена духовной цензурой в Москве⁴.

Словарь Соковнина покоился на большом массиве выписок из Пролога, Четий Миней, Степенной книги, «Российской истории» Щербатова и, в меньшей степени, из «Российской истории» Татищева и «Опыта исторического словаря о российских писателях» Новикова. Как можно было бы контекстуализировать словарь русских святых Соковнина в кругу тем и вариаций русской культуры своей эпохи?

Во второй половине XVIII в. в русской литературе сложилась база словарно-энциклопедической культуры; словарные издания той эпохи характеризует дидактическая устремленность, вообще характерная для русской книжности той эпохи. В частности, словарь российских писателей Н.И. Новикова⁵, имеющий непосредственное отношение к нашей теме, имел большое воспитательное значение.

В конце XVIII в. в России публикуются энциклопедические лексиконы: «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» В.Н. Татищева⁶ и «Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь» И.П. Алексева⁷.

К 60-м гг. XVIII в. исследователи относят начало открытия собственного, допетровского прошлого в русских интеллектуальных

кругах. Достаточно вспомнить «Древнюю Российскую вивлиофику» Новикова, радость открытия многообразия, радость пробуждающегося исторического сознания, своего рода нового историзма, если воспользоваться термином германской историографии⁸. Конец XVIII в. отмечен становлением отечественной церковно-исторической науки (митрополит Платон (Левшин); епископ, позднее – митрополит Евгений (Болховитинов) и сотрудник последнего архимандрит, позднее – епископ Амвросий (Орнатский))⁹.

Митрополит Евгений (Болховитинов) в предисловии к собственному словарю духовных писателей¹⁰ назвал словарный труд Новикова примером для себя. У нас все основания полагать, что словарь российских святых С.П. Соковнина также стал непосредственным откликом на словарь Новикова, вплоть до близкого сходства названий двух этих справочников. Насколько можно судить, Соковнин разделял новиковский критерий «пользы», общественной пользы для дела просвещения. Своим словарем Соковнин стремился уточнить границы и содержание этой просвещенческой «пользы», включая в объем понятия также пользу душевную – пользу образчиков святости для добродетели и спасения души в вечности.

Замечательно, что Соковнин не принадлежал к духовенству, более того, был захвачен идеями и устремлениями просвещенного масонства своей эпохи¹¹. Словарь Соковнина – светское, а не специально-церковное издание. Как явствует из посвящения и вступительной статьи, книга Соковнина посвящена святым в той же мере, что и славе отечества.

Благодаря имени А.С. Пушкина достаточно известен второй словарь русских святых, анонимно изданный в 1836 г.¹² (второе изд. – 1862 г.) и отмеченный в том же году рецензией поэта в «Современнике»¹³. Эпистолярное наследие поэта позволяет заключить, что данный словарь составил Д.А. Эристов (князь Эристави-Арагвский) при участии М.Л. Яковлева.

Может сложиться впечатление, что жанр словаря русских святых связан с кругом А.С. Пушкина и П.А. Вяземского. Действительно, Эристов и Яковлев были лицейскими друзьями поэта; много позднее Н.П. Барсуков взялся за работу над своим справочником по русской агиографии¹⁴ по инициативе Павла Петровича Вяземского, затронув тематику, глубоко волновавшую Пушкина, друга Петра Андреевича Вяземского. И тем не менее еще в 80-х годах XVIII в. был издан словарь С.П. Соковнина, от которого словарь Эристова 1836 г. находится в большой зависимости. Сверка двух текстов показала обширные текстуальные заимствования

в словаре Эривова 1836 г., никак не отмеченные автором. Фактически словарь Эривова, отмеченный рецензией Пушкина, представляет собой переработку словаря Соковнина, на что до сих пор не обратил внимание ни один пушкинист.

Словарь Эривова вообрал в себя фактический материал Соковнина и значительную часть аппарата, причем Эривов обогатил сделанные заимствования выписками из «Истории российской иерархии» архимандрита Амвросия, из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (Щербатов везде заменен у Эривова несравненно более актуальным в 30-е гг. XIX в. Карамзиным).

Рецензия А.С. Пушкина знаменует не только внимание поэта к нравственному, воспитательному опыту святости¹⁵, но и страстный интерес к прошлому страны. Не принимая идеалов демократии с ее общим политическим участием, Пушкин в последние годы размышлял над проблемой идеологического оформления («освящения») культурной революции, начатой Петром I. Равно как и о продолжении дела Просвещения на основе разума и власти¹⁶. Словарь национальных святых оказался в фокусе внимания Пушкина как по причине его дружбы с Эривовым и Яковлевым, та и по причинам куда более важным: национальные святые непременно должны были быть возвращены в достаточно секулярный уже контекст городской дворянской культуры. Святость могла формировать поданных, возводя их к образу идеальной России.

Кроме того, были иные попытки систематизировать сведения о русских святых в словарно-энциклопедической форме. Документы о неизданных словарях русских святых отложились в фонде Московского духовного цензурного комитета.

В ноябре 1834 г., более чем за полтора года до выхода в свет словаря Эривова, в цензурный комитет поступила рукопись московского купца Александра Александровича Кузнецова «О святых Российской Церкви и о монастырях в России». Источником автору послужил Пролог, Четьи-Минеи и церковные месяцесловы, в словарных статьях сообщались лишь имена святых, время жизни и даты кончины, день литургического празднования и дата открытия мощей, причем отсутствовали имена некоторых известных святых (в частности, не были упомянуты Зосима Соловецкий, Никон, игумен Троицкий, и др.). Поскольку сочинение Кузнецова явно было компилятивным и неполным, оно не было пропущено цензурой¹⁷.

Появление рукописи Кузнецова в 1834 г. свидетельствовало о читательском интересе к тематике энциклопедического справочника русских святых. Следует добавить, что к этому времени уже давно увидели свет труды отечественных историографов, в част-

ности Н.М. Карамзина. Кроме того, тематический контекст задавали обширные справочные издания, содержавшие статьи о русских святых: пятитомный «Словарь достопамятных людей Русской земли» Д. Бантыш-Каменского (1836)¹⁸, первый российский «Энциклопедический лексикон», издававшийся в 1834–1841 гг. Плюшаром¹⁹ (в лексиконе Плюшара перу Эристову принадлежат биографические статьи о различных исторических деятелях России, в том числе и о святых). Эти справочники не могли не влиять на литературные опыты составителей поздних словарей русских святых.

Ныне разыскана сброшюрованная рукопись, озаглавленная: «Краткий Словарь Святых Угодников Божиих, прославленных в Российской Церкви и местно чтимых. Составил Ив. Ор-въ. Москва. 1844 года 14^е Января»²⁰. Словарная часть, организованная по алфавитному принципу, не имеющая никакого предисловия, сопровождаемая краткими примечаниями²¹, содержит имя святого, часто – дату его кончины, сведения о месте нахождения мощей, иногда о времени основания монастыря, если святой – основатель обители; более в словарных статьях никакой информации нет, дата литургического празднования указывается очень редко. В справочное пособие включены имена 432 святых Российской Церкви, а также сведения о мощах нескольких безымянных подвижников Киево-Печерской лавры. Из документов Московского духовного цензурного комитета известно, что этот во многом несовершенный справочник составил губернский секретарь Иван Матвеевич Ориентов, проживавший и служивший в Москве.

Словарь, созданный, вероятно, в начале 40-х гг. XIX в., представлял читателю актуальный на тот момент перечень почитаемых русских святых и известных подвижников, включая только что канонизированного Митрофания Воронежского; следование существовавшей тогда практике объясняет отсутствие в списке имени Максима Грека. Имена местночтимых и непрославленных подвижников не были никак выделены или же оговорены автором, что, конечно, не могло устроить духовных цензоров. Труд Ориентова – компилятивный, причем автор указал в комментариях лишь часть своих источников. Их перечень характеризует кругозор среднего представителя образованного городского общества 30–40-х гг. XIX в., интересовавшегося историей отечества и церкви при отсутствии профессиональной подготовки. Текст Ориентова не был одобрен цензурой и не дошел до печатного станка.

Стремление представить национальных святых как образцы добродетели и путеводные светочи (Соковнин) сменилось в поздних опытах словарей святых репрезентацией политического

пространства империи, различных ее краев и областей, подаривших своих подвижников единому общероссийскому (общеемперскому) собору святых. При этом отсутствовали дидактика и пафос, свойственные русскому Просвещению XVIII в.

Во всех трех доступных нам в полном объеме словарей – словаре Соковнина, словаре Эрнстова и словаре Ориентова – заметны две общие для них отличительные черты. Во всех трех словарях практически никак не различаются святые местночтимые и прославленные для общероссийского почитания. Если у Соковнина был хотя бы знак, отмечающий подвижников, неупомянутых в месяцесловах (именно так, во множественном числе, у Соковнина; неясно, какими именно печатными месяцесловами пользовался Сергей Петрович), но фигурирующих в различных сочинениях по истории, то у Эрнстова и Ориентова не было и этого. Именно из-за смешения святых и подвижников с различным статусом цензура не пропустила второй вариант словаря Соковнина в 1817 г., из-за этого встретил ожесточенное сопротивление словарь Эрнстова²², скорее всего по той же причине не был пропущен в печать и труд Ориентова.

Во всех трех словарях не учитывается литургическая письменность, актуальная традиция храмовых служб святым, то есть месячные Минеи, упоминания русских святых в служебнике, статус того или иного русского святого в Типиконе, в иных литургических книгах. Только у Соковнина различаются святые, упомянутые в месяцесловах и неупомянутые, хотя все равно остается неясно, какие именно месяцесловы были под рукой у Соковнина, каков официальный статус этих месяцесловов. Ни один из словарей, включая и текст Ориентова, не содержит росписи актуальных служб русским святым из Минеи месячной, нигде ни слова не сказано о статусе русских памятней в Типиконе. Если бы информация сполна присутствовала, цензурные препоны, надо полагать, были бы сняты или же оказались не столь тягостными для авторов.

Ко второй половине XIX в. стала очевидна исчерпанность жанра; желание представить русских святых в алфавитно-энциклопедическом жанре сошло на нет. В 1836 г. словарь Эрнстова, который видится порой авторам-пушкинистам, исследователям рецензии в «Современнике», чуть ли не пионерской работой в изучении русской святости²³, на самом деле завершал краткую историю опубликованных российских словарей национальных святых. Что же касается алфавитных справочников о вселенских святых, то таковые в России не публиковались.

Секуляризация русской культуры значительно меняла приоритеты; во второй половине XIX в. русскому образованному чита-

телю святых представляли преимущественно минейные сборники житий, то есть традиционная книжность, сохранявшая свою популярность в определенных культурных нишах. Кроме того, заметное место заняли научные исследования агиографии, в некоторых случаях – например, в «Полном месяцеслове Востока» архиепископа Сергия (Спасского) – организованные по календарному литургическому принципу²⁴. (За скобками оставляю статьи о святых, вкрапленные в обширный материал больших энциклопедий вроде Брокгауза и Ефрона, Граната, «Православной богословской энциклопедии».)

Жанр популярного апологетического словаря святых пережил в России свой недолгий расцвет и менее чем за сто лет пришел в упадок, уступив место научным исследованиям агиографического материала, а также никогда никуда не исчезающему благочестивому чтению на каждый день года²⁵. Словарная форма подачи агиографического материала требовала, прежде всего, основательной источниковедческой работы, а не компилирования, как это делали археографы-эрудиты предшествующих поколений.

Во второй половине XIX в. в трудах В.О. Ключевского и И.А. Яхонтова жития русских святых были представлены в качестве исторического источника. В своей знаменитой магистерской диссертации Ключевский коснулся темы нравственной истины, персонифицированной святыми²⁶. Согласно Ключевскому, назидательный интерес средневековых читателей житий тянулся к христианскому идеалу, а не к биографическим фактам. Авторы житий русских святых тяготели к идеальным образам восточно-христианских подвижников, и в жизни своих героев искали тождества, возводя национальные образы святости к образцам, усвоенным из византийской агиографии²⁷.

Позднее в своем знаменитом «Курсе русской истории» Ключевский вернулся к истории средневековой русской агиографии²⁸, связав репрезентацию национального духа в лицах святых со специфическим пониманием христианства как кодекса заповедей, трудных, но неукоснительных к исполнению.

Столетие спустя после словаря Соковнина апологетический и дидактический подходы к тематике национальной агиографии в светской литературе, носящей специальный характер, были уже невозможны. Взгляды Ключевского разделял И.А. Яхонтов; в его понимании биографическая сторона агиографии для историка бесполезна. Литературные портреты праведников могут дать историку материал только для изучения идеальных взглядов народа на подвижничество²⁹. Можно сказать, что Ключевский и Яхонтов

рассматривали национальную агиографию в ключе социальной психологии и исторической антропологии.

Церковные авторы-историки в те годы в области русской агиографии занимались преимущественно систематизацией обширного материала. В конце XIX в. ценные археографические исследования в области русской агиографии опубликовали Н.П. Барсуков и архимандрит Леонид (Кавелин)³⁰. Большой фактический материал о русских святых, их почитании и прославлении содержит упомянутое выше фундаментальное исследование архиепископа Сергия (Спасского), монографии о канонизации русских святых В.П. Васильева³¹ и Е.Е. Голубинского³², причем последняя остается лучшей и непревзойденной до сих пор в своем роде. В течение XX в. книга Голубинского служила нескольким поколениям ученых и писателей, более того, снабжала готовым материалом как авторов апологетического направления, так и борцов с религией советской эпохи.

Опыт и знания специалистов в области русской агиографии вызвали к жизни труд, по замыслу автора призванный определить точные границы русского национального *собора святых*. На рубеже XIX–XX вв. архиепископ Сергей (Спасский) подготовил новый справочник русских святых, на этот раз не в словарно-энциклопедической, но календарной форме. Задача репрезентации национального духа не ставилась. «Верный Месяцеслов всех русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно...», составленный архиепископом Сергием и вышедший в свет в 1903 г. по благословению Святейшего Синода в качестве официального документа Российской церкви³³, должен был подвести черту под любыми спорами относительно того, кто из русских подвижников канонизирован в лике святых, а кто – нет.

В качестве критерия была признана существующая литургическая практика, фактическое почитание того или иного лица молебнами и литургиями в какой-либо российской епархии; подтвердить такие факты должны были епархиальные архиереи. Свой план Сергей сообщил Синоду в Представлении от 27 июня 1901 г., и уже 10 августа того же года Синод издал циркулярный указ всем епархиальным архиереям, предписывающий прислать в Синод списки чтимых святых. «Верный Месяцеслов», составленный на основании полученных рапортов, получил одобрение Синода, распорядившегося в марте 1903 г. опубликовать новый труд архиепископа Сергия³⁴.

Так сложилась ситуация, в которой и был развернут «национальный агиографический проект» XX в., упомянутый в начале

данной работы. Проблема национальной святости, с пафосом заявленная в екатерининскую эпоху, приобрела совершенно иное звучание к рубежу XIX–XX вв.: репрезентации святости становились делом историко-филологической науки или же властных церковных инстанций, ограниченных в своей сфере. Казалось бы, в это время индивид, нерелективно отождествлявшийся с традиционалистской религиозной культурой, уже не влиял на представления образованного городского общества о святости. Тем не менее «национальный агиографический проект», проецирующий идеальные образы, в начале XX в. оказался востребован на волне пробуждения преданности. В конечном счете атрибуты российского православия были задействованы в бурных событиях российской революции и гражданской войны³⁵.

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см.: *Семененко-Басин И.В.* «Национальный агиографический проект» в России начала XX века // Вестник РГГУ. 2008. № 10. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». С. 146–153; *Семененко-Басин И.В.* Святость в русской православной культуре XX века: История персонификации. М.: РГГУ, 2017. С. 21–36.
- ² См.: *Кауфман И.М.* Русские биографические и библиографические словари. М.: Госкультпросветиздат, 1955.
- ³ См.: Опыт исторического словаря о всех в истинной православной Греко-русской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах. М.: В вольной тип. И. Лопухина, 1784.
- ⁴ Центральный государственный архив Москвы (далее – ЦГАМ). Ф. 2393. Оп. 1. Д. 785. Л 1–18 об.
- ⁵ См.: *Новиков Н.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб.: Тип. Академии наук, 1772.
- ⁶ См.: *Татищев В.Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской: В 3 ч. СПб.: Тип. Горнаго училища, 1793.
- ⁷ См.: *Алексеев И.П., свящ.* Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь, из наилучших авторов, как российских, так и иностранных выбранный, сочиненный, и по азбучным словам расположенный п. п. священником Иоанном Алексеевым: В 2 т. М.: Университетская тип. у В. Огорокова, 1793.
- ⁸ См.: *Петров А.В.* «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова и «Пантеон российских авторов» Н.М. Карамзина // Русская литература. 2007. № 3. С. 61–76.

- ⁹ См.: *Платон [Левшин], митр.* Краткая церковная российская история: В 2 ч. М.: Синодальная тип., 1805; *Амвросий [Орнатский], архим.* История Российской иерархии: В 6 т. М.: Синодальная тип., 1807.
- ¹⁰ См.: *Евгений [Болховитинов], архиеп.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российския Церкви: В 2 ч. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818.
- ¹¹ См.: *Ермолин Е.А., Севастьянова А.А.* Воспламененные к Отечеству любовью. (Ярославль 200 лет назад: культура и люди). Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990.
- ¹² См.: Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб.: В тип. II Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1836.
- ¹³ См.: *Пушкин А.С.* Словарь о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местно-чтимых // *Пушкин А.С.* Полное собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т. 12. С. 101–103.
- ¹⁴ См.: *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882.
- ¹⁵ См.: *Старк В.П.* Рецензия А.С. Пушкина на «Словарь о святых» // Русская литература. 2000. № 4. С. 104–111.
- ¹⁶ См.: *Эткинд А.* Иная свобода: Пушкин, Токвиль и демократия в России // *Знамя.* 1999. № 6. С. 179–203.
- ¹⁷ ЦГАМ. Ф. 2393. Оп. 1. Д. 1198. Л. 1–2; Там же. Оп. 1. Д. 4234. Л. 1.
- ¹⁸ См.: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов православной церкви, отличных литераторов [!] и ученых, известных по участию в событиях отечественной истории: В 5 ч. М.: Тип. Августа Семена, 1836.
- ¹⁹ См.: Энциклопедический лексикон: В 17 т. СПб., А. П[люшар], 1835.
- ²⁰ ЦГАМ. Ф. 2393. Оп. 1. Д. 4272. Согласно помете на л. 1, рукопись поступила в Московский духовный цензурный комитет 14 февраля 1844 г.
- ²¹ Словарная часть: Л. 2–76 об. Примечания: Л. 77–81.
- ²² Развернутая критика словаря Эристова содержится в цензурном отзыве митрополита Московского Филарета (Дроздова) от 1835 г. См.: *[Филарет (Дроздов), митр.]* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб.: Синодальная тип., 1887. Т. дополнит. С. 586–590.
- ²³ См.: *Старк В.П.* Указ. соч.
- ²⁴ См.: *Сергий [Спасский], архиеп.* Полный месяцеслов Востока: В 2 т. Владимир: Типо-лит. В.А. Паркова, 1901.
- ²⁵ О позднейших житийных сборниках, представлявших русских святых в традиционных формах, см.: *Семенов-Басин И.В.* «Национальный агиографический проект» в России начала XX века. С. 146–153.

- ²⁶ См.: *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1989. С. 358, 366, 431–432.
- ²⁷ Там же. С. 404–407, 427.
- ²⁸ См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть II // *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 238–241.
- ²⁹ См.: *Яхонтов И.* Жития св. севернорусских подвижников поморского края как исторический источник. Казань: Тип. университета, 1881.
- ³⁰ См.: *Леонид [Кавелин], архим.* Святая Русь, или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века), обще или местно чтимых. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891.
- ³¹ См.: *Васильев В.П.* История канонизации русских святых. М.: Университетская тип., 1893.
- ³² См.: *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М.: Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. университете, 1903.
- ³³ Верный Месяцеслов всех русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно, составленный по донесениям Святейшему Синоду преосвященных всех епархий в 1901–1902 годах. М.: Синодальная тип., 1903.
- ³⁴ См.: *Руди Т.Р.* Из истории русской агиологии начала XX в.: издание «Верного Месяцеслова всех русских святых» // *Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации: В 2 т. / Отв. ред. Т.Р. Руди, С.А. Семячко.* СПб.: Пушкинский Дом, 2011. Т. 2. С. 309–318; *Семеновко-Басин И.В.* Епископ Антоний (Храповицкий) о некоторых календарных памятях святых // *Авраамиевская седмица: материалы международной научной конференции 2016 года / Ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова.* Смоленск: Свиток, 2017. С. 209–213.
- ³⁵ См.: *Семеновко-Басин И.В.* Святость в русской православной культуре XX века: История персонафикации. С. 49–72.

Культурное наследие и туризм: проблемы взаимодействия и противостояния

Статья рассматривает проблему «культурное наследие и туризм» в двух аспектах: различные объекты культурного наследия как основа развития туризма и перспективы расширения их видового разнообразия; сохранность подлинных объектов культурного наследия, представленных на туристическом рынке, ее зависимость от современных задач туристического бизнеса.

Ключевые слова: музеи, туризм, культурное наследие, нематериальное наследие, подлинность, реставрация, «новодел».

Культурное наследие и туризм – тема достаточно широкая, а проблема использования историко-культурного потенциала в туристской сфере – пожалуй, самая в ней востребованная. Без решения этой проблемы невозможно развитие культурного туризма. Многие делают в этом направлении и различные музеи с их традиционными стационарными и выставочными экспозициями, и музеи-заповедники, в которых архитектурные и исторические памятники выступают в роли объектов туристского показа. Тема достаточно хорошо представлена в современной историографии; междисциплинарная по своему характеру, она изучается специалистами в сфере туризма и гостиничного сервиса, учеными, работающими над проблемами сохранения и актуализации культурного наследия в целом. Это проблемное поле сформировано трудами сотрудников Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Российской международной академии туризма, музейных работников, реализующих в своей деятельности культурно-образовательные и туристические программы¹.

Вместе с тем инновационные процессы в области музейного дела, сохранения культурного наследия и туристской сферы стимулируют развитие новых направлений и форм работы. Отечественные музеи, используя современные информационные технологии, демонстрируют новые выставочные проекты, рассчитанные на различный возрастной состав, и интерактивные культурно-образовательные программы. Интересны и разнообразны практики актуализации и музеефикации объектов культурного и природного наследия. Большим потенциалом в развитии культурного туризма обладают музеи-заповедники, музеи деревянного зодчества под открытым небом. Они фактически являются «музеями без стен», в пространстве которых могут быть реализованы различные музейно-туристические программы (фольклорные и песенные фестивали, поэтические вечера, детские праздники). Миссией региональных музеев, в своей деятельности не замыкающихся на своей коллекции, является изучение и использование историко-культурного потенциала своего региона, понимаемого в самом широком смысле. По словам одного из исследователей, региональный музей представляет собой «всеобъемлющий образ региона, целостное культурно-историческое информационное пространство»². Зарубежные и отечественные исследователи единодушны в том, что туризм должен стать ключевым направлением развития регионов, обладающим значительным историко-культурным и природным потенциалом.

Культурное наследие остается «вещью в себе», если оно не задействовано в жизни общества. Оно всегда вписано в конкретное место. Именно культурное наследие формирует чувство места, чувство отличия, уникальности для каждого местного сообщества или территории. В ряде зарубежных исследований красной нитью проходит мысль об особой важности культурного наследия в жизни региона³. При этом подчеркивается, что его потенциал играет роль ключевого фактора, связующего и объединяющего нацию⁴.

Понятие «культурное наследие» – это достаточно емкая категория, в которую включены не только материальные объекты – памятники архитектуры и градостроительства, истории, археологии и монументального искусства, но и интеллектуально-духовные ценности, традиционные технологии и формы хозяйствования – «неосязаемые памятники», по определению Конвенции ЮНЕСКО 2003 года. Понятие «культурное наследие» демонстрирует широкий системный подход в изучении общества и природы. Оно было юридически обосновано как на международном уровне (Конвенции ЮНЕСКО 1972 г. «Об охране культурного и природного наследия», уже упомянутая Конвенция 2003 г. «Об охране нема-

териального наследия»), так и российском (Закон № 73 2002 года «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)»). Многие музеи стремятся к сохранению и демонстрации нематериальных памятников – исторических технологий, ритуалов, фольклора, хотя приоритетную роль в этом продолжают играть учреждения культурно-досугового типа. Вместе с тем традиционная культура, пользующаяся большой популярностью среди посетителей музея, туристов, может и должна быть вовлечена более активно в сферу деятельности современных музеев. Традиционная культура (исторические технологии, промыслы) может поддерживаться самими носителями такой культуры, объединившимися вокруг музея. В этом случае мы получаем максимальную подлинность воспроизводимой традиции. Если традиция уже утрачена, роль ее носителя берут на себя сотрудники музея, которые реконструируют ее⁵. В этом случае играет важнейшую роль не только наличие музейных предметов, но знание и умение музейного работника рассказать, а иногда и показать, как пользоваться тем или иным предметом. Так называемые «технологические знания», представляющие собой своеобразные объекты нематериального наследия, необычайно востребованы в музейной и туристической сферах. Как правило, музейные сотрудники и экскурсоводы представляют музейный предмет целостно, во всем многообразии проблем его бытования. Но это бывает далеко не всегда. Так, к примеру, при демонстрации крестьянского хозяйства молодые музейщики не понимают, что такое лучина и как ее вставить в светец, как молотят хлеб цепом, как «выкатывают» белье рубелем. То же касается бытовых и хозяйственных предметов дворянской усадьбы, функциональное назначение которых далеко не всегда известно.

Бесспорно, утраченную традицию практически невозможно точно реконструировать в современном социокультурном пространстве. Приблизить же отдельные аспекты традиционной культуры к современному посетителю через музейное пространство возможно и необходимо. В любом случае, историческая технология или форма хозяйствования, бытовые ритуал будут интерпретироваться с учетом современных культурных норм и ценностей. Особой интерактивностью отличается активная форма музеефикации традиции, связанная с приобщением посетителя или туриста непосредственно к исторической технологии. По словам одного из исследователей, музей при этом «моделирует естественный для традиционной культуры механизм ретрансляции «от учителя к ученику»⁶.

Перспективным направлением в деятельности музеев остается взаимодействие их со сферой исторической памяти местного сообщ-

щества (устные воспоминания, материалы интервью) об истории своего региона, знаменательных событиях семьи, личном опыте. Далеко не всегда эти устные источники фиксировались, многое, оставаясь в памяти музейных сотрудников, со временем утрачивалось. При всей многогранности накопленного опыта по реконструкции нематериальных объектов культурного наследия, многие вопросы остаются нерешенными. Это связано и с законодательно-инструктивной базой, терминологическим полем, методикой выявления, комплектования, хранения и презентации нематериальных памятников.

Отечественный туризм опирается на богатейший историко-культурный потенциал, возможности для его развития огромны. Вместе с тем гостиничный сервис, инфраструктура продолжают оставаться острыми проблемами, тормозящими реализацию этих возможностей. Все это приводит к тому, что нередко уникальные объекты культурного и природного наследия в регионах России остаются малодоступными, что сказывается на их социально-экономическом развитии. Многие малые города страны, в том числе исторические, с первоклассными подлинными памятниками могли бы стать экономически более успешными, если бы в них более четко планировалась туристско-рекреационная сфера. Как следствие – долгая, иногда затягивающаяся на многие годы реставрация подлинных объектов, во время которой они продолжают разрушаться. В качестве примера можно привести малый исторический город Каргополь Архангельской области, в котором уникальный объект – Христорождественский собор XVI в. закрыт лесами вот уже не один год. Проблема развития исторических поселений, в том числе и исторических городов, – это острейшая проблема не только сохранения и актуализации культурного наследия, но и максимального использования традиционных и промышленных производств и ремесел, народных обычаев. Все это в целом и является основой для создания неповторимого образа места, столь востребованного в туристической сфере⁷.

Именно подлинные объекты культурного наследия, состояние которых, к сожалению, оставляет желать лучшего, являются основой для развития различных форм туризма. Выше упомянуты методы актуализации музеями нематериальных, «неосязаемых» объектов. Эта проблема очень перспективна, но еще очень далека от реализации в отечественной практике. Как уже упоминалось, в понятие «культурное наследие» входит широкий круг объектов, достопримечательных мест, исторических поселений, характеризующих уникальность регионов. В международной практике

усилиями ЮНЕСКО осуществляются проекты по воссозданию знаменитых исторических путей «Великий шелковый путь», «Великий чайный путь», «Путь из варяг в греки». Исторические пути и дороги – уникальные объекты наследия, которые в российской практике используются фрагментарно. Вместе с тем сохранение и актуализация этого вида культурного наследия – это и новые туристические маршруты, и ресурс экономического развития территории, и решение проблемы занятости населения. К примеру, интересный опыт сохранения участка Северной железной дороги «Вологда–Архангельск» накоплен у краеведческого музея г. Няндомы Архангельской области. Еще в конце XIX в. российский промышленник Савва Иванович Мамонтов создал уникальный комплекс «Железная дорога и Мир вокруг нее». Он сумел преобразить отдельные станции на участке Вологда-Архангельск в единый архитектурный ансамбль. Известными архитекторами Л.Н. Кекушевым и И.А. Ивановым-Шицем были разработаны типовые проекты деревянных пассажирских зданий, жилых домов, путевых построек. Частично эти постройки сохранились до наших дней. Сотрудники няндомского музея проводят работу по составлению реестра сохранившихся пятидесяти зданий. Ими подготовлен интересный музейный проект «Эта станция в окне...». Можно надеяться на позитивные сдвиги в решении проблемы сохранения этого уникального объекта культурного наследия, хотя уже сейчас многое утрачено, меняют свой первоначальный облик старые постройки, инфраструктура железнодорожного поселка⁸.

Многообразие подлинных объектов культурного и природного наследия, составляющих историко-культурный потенциал страны, открывает большие возможности для развития различных форм туризма. Этот потенциал используется лишь частично. Сказываются и отсутствие необходимой инфраструктуры, и плохая сохранность подлинных объектов. Сегодня все острее ощущается отсутствие детально проработанного, реально действующего законодательства (Закон 2002 г. «Об объектах культурного и природного наследия РФ» не один раз корректировался и дополнялся, но до сих пор существуют разночтения в терминологии, не до конца разработан механизм приватизации памятников и пр.). Мониторинг культурного наследия за последние годы показал плохую сохранность многих исторических городов (их сейчас в утвержденном списке 41), усадебного и археологического наследия, достопримечательных мест, объектов архитектуры, расположенных в регионах страны.

Бесспорно, решать проблему актуализации подлинного объекта культурного наследия, в том числе вовлечения его в сферу

туризма, трудно, для этого необходимы усилия и ученых, и реставраторов, и музейных работников, и менеджеров в сферах культурного наследия и туризма. Теория «товаризации» культурного наследия, т. е. отношение к подлинному объекту как товару – одна из распространенных в менеджменте культурного наследия, как в зарубежной, так и отечественной практике. Продвижение подлинного объекта культурного наследия на туристическом рынке связано с множеством проблем, прежде всего с реставрацией и актуализацией. Научная реставрация аутентичного памятника требует внимательного вдумчивого отношения специалистов. Подлинный объект культурного наследия как товар довольно дорог. Вместе с тем на туристическом рынке все чаще действуют сиюминутные конъюнктурные соображения – господствует «диктатура новизны»: все должно быть ярким, эффектным, «глянцевым». Поэтому значительно проще и дешевле построить нечто новое, оказывающее сильное впечатление на зрителя, или придать определенный «туристический флер» подлинным объектам. Подлинные объекты от этого искажаются, их ценность как источников резко снижается. Среди специалистов получил распространение такой термин, как «фантазийная реставрация». Яркий пример тому – достроенный сверкающий Царицынский дворец. Новые выставочные площади, удобные дорожки, фонари и скамейки – с одной стороны, и фактически уничтоженные подлинные «живописные руины», связанные с творчеством двух выдающихся архитекторов, В. Баженова и М. Казакова, исчезнувший пейзажный парк XVIII в. – с другой. Можно предположить, что более вдумчивый проект актуализации этого объекта, в основе которого стояла бы проблема сохранения подлинных руин (консервация, приведение в порядок парка), обладал бы более значительной привлекательностью для туристов, чем еще один дворец, каких много как в нашей стране, так и в Европе. «Живописные руины» Царицына могли бы стать уникальными, подобных памятников просто нет. Неслучайно среди специалистов бытует мнение, что «туризм – это угроза подлинным памятникам». Конечно, этот тезис нельзя понимать буквально: часто именно туризм становится важнейшим стимулом реставрации подлинных объектов. Вместе с тем стремление наиболее выгодно продать объект культурного наследия на туристическом рынке может привести к искажению художественного образа объекта культурного наследия, нарушению целостности исторически сложившейся территории.

Стремление к новизне и «туристической привлекательности» нередко приводит к строительству «новоделов»: их немало появи-

лось за несколько последних десятилетий в Москве. Скорее всего, эта проблема не стояла бы столь остро, не была бы столь дискуссионной, если бы в основе ее не лежала «вольная интерпретация» возведения новых объектов. Такие московские объекты, как Казанский собор на Красной площади, часть Китайгородской стены, дворец Алексея Михайловича в Коломенском до сих пор вызывают дискуссии и откровенное неприятие специалистов. Дворец Алексея Михайловича, к счастью, построен не на исторически сложившейся территории. Эта «дорогостоящая игрушка» очень популярна среди туристов, но никакого отношения к утраченному в XVIII в. дворцу она не имеет. То же можно сказать и о построенном в Измайлово «Кремле», похожем на декорации сказочного спектакля «О золотом петушке». Справедливости ради нужно отметить, что в этом комплексе многое делают для детей, здесь работают мастер-классы, различные кружки. Но уровень музейных экспозиций многочисленных музеев, расположившихся на этой территории, оставляет желать лучшего. Вместе с тем недалеко от измайловского «кремля» находится подлинный усадебный комплекс Алексея Михайловича. Постройки этого комплекса, находящиеся в ведении двух крупнейших московских музеев – Коломенского и Исторического, используются не в полную силу: музейная экспозиция существует только в Мостовой башне. Хотя несколько лет назад оживленно обсуждался в профессиональной среде интереснейший проект создания в этом комплексе музея изразца, в котором были бы представлены подлинные изразцы из фондов Коломенского. Предполагалось в одном из зданий открыть керамическую мастерскую для демонстрации технологии производства изразцов⁹.

Есть еще одно очень тревожное следствие этой практики воссоздания утраченных объектов, связанное опять же с проблемой подлинности. «Если все можно построить заново, то зачем хранить подлинное» – этим положением, к счастью, нечасто, но все-таки пользуются наши чиновники, строители и даже архитекторы. В 1980 г. при строительстве спортивных сооружений в Москве была раскатана на бревна деревянная усадьба Остерманов-Толстых, пережившая пожар Москвы 1812 г. Специалистам было обещано построить после Олимпиады усадьбу заново, но обещание так и осталось неосуществленным. Стремление наполнить туристический рынок новыми привлекательными объектами часто приводит к откровенной безвкусице и китчу. Достаточно вспомнить несметное количество музеев – музеи хлеба, валенок, водки, пива, утюга, научный уровень которых крайне низок. В музеях-заповедниках устраиваются театрализованные представления,

реконструкции сражений, которые очень далеки от исторической правды. По верному замечанию М.Б. Пиотровского, «как и коммерциализация, театрализация – реально присутствующая в музейной жизни вещь. Она очень опасна – очень трудно не перейти ту грань, которая отделяет искусство от ширпотреба... Во всем мире искусство театрализуется – дизайнеры становятся режиссерами, выстраиваются декорации... Это хорошо, ибо оживляет выставку, и плохо, ибо при переходе незримой “популистской” черты превращает серьезное зрелище в балаган»¹⁰. Сейчас в российском обществе много говорится о необходимости культурного воспитания историей. Решать эту важнейшую проблему без подлинников невозможно, ибо только подлинные объекты культурного наследия обладают особой энергетикой, способной формировать в наших соотечественниках чувство меры и художественного вкуса, чувство сопричастности к событиям прошлого и чувство сопереживания.

Примечания

- ¹ См., например: Музеи. Маркетинг. Менеджмент. Практическое руководство. М., 2001; Культура памяти: Сб. науч. статей / Ред. Э.А. Шулепова, А.В. Святославский. М., 2003; Музей и нематериальное наследие: Сб. трудов творческой лаборатории «Музейная лаборатория». Вып. 6. М., 2006; Культурное наследие и туризм. М.: Институт наследия, 2005; Культурное и природное наследие России. Временник. Вып. 2. М., 2007; *Каулен М.* Музей и наследие // Музей. 2009. № 9. С. 10–19; *Каулен М.* Музеефикация историко-культурного наследия России. История охраны и современное состояние. М.: РГГУ, 2015.
- ² *Карташева Е.И.* Музейный мир региона: современные вызовы и возможности // Музеи как ресурс территориального развития. Материалы Международной научно-практической конференции. Рязань, 25–28 апреля 2013 г. Рязань, 2013. С. 73.
- ³ *Рункема Д.* Экономика исторического наследия: Пер. с англ. М., 2008; *Ashworth G.J.* From History to Heritage – from Heritage to Identity. Building a New Heritage. Tourism. Culture and Identity in the New Europe. L.: Routledge, 1994. P. 19; *Lowenthal D.* The Past is a Foreign Country. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 93.
- ⁴ Цит. по: *Лисицкий А.В.* Культурное наследие как ресурс устойчивого развития: Дисс. ... канд. культурологии. М., 2004. С. 32.
- ⁵ *Каулен М.Е.* Роль музеев в сохранении и актуализации нематериальных форм наследия // Культура памяти: Сб. науч. статей. С. 128.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Актуальные проблемы изучения и сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений. Москва–Каргополь, 2016. С. 27–28.
- ⁸ Там же. С. 82–91.
- ⁹ *Баранова С.И.* Создаем музей изразца // Музей. 2009. № 3. С. 6–7.
- ¹⁰ *Пиотровский М.Б.* Мир един, пока в нем есть искусство // Мир музея. 2001. № 5. С. 4.

«Хвалите Господа с Небес», или Несколько наблюдений о визуальном бестиарии русской иконографии

В статье рассматриваются традиции изображения некоторых животных в русской иконографии, прежде всего на иконах «Хвалите Господа с Небес» – от образов XVI в. до современных, написанных в последние годы для церквей Москвы и Санкт-Петербурга. Прослеживается эволюция и новые способы конструирования иконографической темы.

Ключевые слова: иконография, бестиарий, иконы «Хвалите Господа с Небес».

В средневековом искусстве животные возникают в самых разных контекстах и композициях, выполняя множество функций – от прямого отображения иллюстрируемого текста до символического, свернутого в фигуру, обозначения какой-либо идеи, мотива или персонажа. В книжности существовало множество историй, где самые разные экзотические и фантастические звери упоминались как реальные создания, которые встречаются герою, угрожают, служат ему и т. п. Помимо этого, в традициях христианского символизма фантастические повадки и особенности зверей, будь то слоны, носороги, львы или единороги, грифоны и драконы, истолковывались как текст о Боге, человеческой природе и спасении. Фактически звери превращались в знаки, причем, как отмечает А.Е. Махов, спектр значений, приписываемых каждому такому знаку, был крайне широк и зачастую противоречив: «Мы узнаем из бестиариев, что едва ли не каждый зверь может обозначать и добродетель, и порок; и небесное, и inferнальное. Степень амбивалентности, которая позволяет символизировать противоположное

не только самому зверю (лев – «символ» и Христа, и дьявола), но и общим для многих животных частям тела, в целом настолько высоко, что в “звере-знаке” словно бы рушится сама граница между Божественным и демоническим»¹.

При иллюстрировании большого числа таких сюжетов у русских иконописцев и иллюминаторов возникали понятные сложности. Им были совершенно неизвестны различные звери, которые упоминались в переводных текстах – Библии, патериках, житиях, произведениях, описывающих устройство мира («Физиолог», «Толковая Палея», «Шестоднев», «Христианская топография Козьмы Индикополова»), в историях легендарных и реальных странствий («Александрия», различные «хождения») и т. п. Некоторые из них, как крокодилы, бегемоты, носороги или попугаи не встречались на Руси, другие, как драконы и единороги, не встречались вовсе. Изображать приходилось неведомое. Здесь существовали определенные модели, зачастую восходившие к византийским или европейским образцам, – они задавали общие очертания образа (к примеру, «ноздророга», «мравольва» или «единорожца» из «Христианской топографии»), но, разумеется, далеко не все иллюстраторы знали и придерживались их. Нередко животные конструировались художником фактически с нуля, с опорой лишь на описания текста, порой весьма скудные.

Такое конструирование порождало любопытные, часто предсказуемые, но иногда совершенно оригинальные решения. К примеру, популярное на Руси житие Василия Нового рассказывает, что святого, брошенного в море, вынесли на берег дельфины. В лицевых рукописях неведомые русским иллюминаторам спасители, обитавшие в воде, могут выглядеть как огромные рыбы, покрытые чешуей². В других рукописях дельфины превращаются в антропоморфных созданий с мужским торсом и рыбьим хвостом, маскулинный аналог сирен³. В иллюстрациях к истории преподобного Еллия Египетского (IV в.) возникали сразу два непонятных создания: онагр (дикий осел), которого в рукописи начала XVIII в. изобразили похожим на льва с большой гривой и мордой, напоминающей кабанью, и крокодил, на котором святой дважды переплывал реку: в той же рукописи опасный «каркодил» превратился в еще одно подобие льва с гривой и длинным хвостом (более подробные описания крокодила иллюминатору, очевидно, не были известны, поэтому он изобразил «опасное хищное животное», пользуясь довольно бедным визуальным арсеналом)⁴. Разные примеры такого конструирования можно увидеть в серии публикаций миниатюр на сайте Российской национальной библиотеки⁵.

Дикий осел неслучайно пополнил ряды экзотических животных. Хорошо известный на Руси по библейским, агиографическим и другим переводным текстам, осел был плохо или совершенно неизвестен как реальное животное, в особенности в северных регионах. Несмотря на это, он появляется в двух обязательных практически для каждой церкви композициях – Рождества Христова и Входа Господня в Иерусалим (иконы этих двенадцатых праздников включены, как минимум, в праздничный ряд иконостаса). Ориентируясь на греческие образцы, авторы икон, фресок и миниатюр изображали животное, похожее на мула, – лошадь с высокими ушами⁶. Однако образцы были доступны не всегда и не всем, и образ осла иногда размывался, сохраняя лишь общие черты ездового животного. На некоторых русских изображениях осел похож на лошадь с вытянутыми ногами (попытка «экзотизации» привычного для иконописца коня), покрыт мохнатой шерстью⁷ и т. п. Наконец, на многих иконах осел максимально сближается с лошастью или просто превращается в нее⁸.

Впрочем, конструирование необычных фигур не всегда объясняется тем, что иконописец или иллюминатор не встречал зверя в реальной жизни, – совершенно необычно изображались порой и хорошо известные животные, как лисицы, которые становятся похожими на крокодилов во французской Библии XIV в.⁹ На русской миниатюре XVIII в., иллюстрирующей казни египетские, жабы, покрывшие землю, оказываются похожи на огромных клещей, причудливых насекомых (однако это именно жабы, а не мошки третьей казни)¹⁰.

Бестиарий изображался не только в лицевых рукописях, но и в храмовом пространстве – на иконах и фресках Страшного суда (обычно объединенные сюжеты «Земля и море отдают мертвых») и в ряде более поздних композиций. Об одной из них, которая распространилась на Руси в XVI в. и представляла обитателей неба, земли и подземного царства, хотелось бы вкратце поговорить. Эта визуальная тема, включавшая много сюжетов и мотивов, воспроизводилась веками и до недавнего времени менялась в нюансах, но не в общем построении. Речь идет об иконографии «Хвалите Господа с Небес». Если в общих чертах проследить ее динамику вплоть до икон, созданных в последние десятилетия, можно увидеть любопытные особенности происшедшей эволюции.

Подобно многим другим, эта иконографическая тема визуализирует текст – в данном случае, 148 псалом, в котором речь идет, среди прочего, о зверях, славящих Господа:

Хвалите Господа с небес, хвалите его в вышних. Хвалите его вси ангели его, хвалите его, вся силы его. Хвалите его, солнце и луна, хвалите его вся звезды и свет. Хвалите его, небеса небес и вода, яже превыше небес <...> Хвалите Господа от земли, змиеве и вся бездны; огонь, град, снег, голоть, дух бурен, творящая слово его; горы и вси холми, древа плодоносна и вси кедри; зверие и вси скоти, гади и птицы пернаты; царие земстии и вси людие, князи и вси судии земстии; юноши и девы, старцы с юнотами...

Иконы демонстрируют все ключевые элементы псалма: небесные сферы (включая «небесные воды»), солнце, луну и ангелов, людей разных чинов и возрастов, горы, деревья, птиц (не всегда), земных животных и рептилий («змиеви от бездны»). В верхней части композиции изображаются небеса, в центральной, доминирующей части – люди, включая ряды святых, а в нижней – бестиарий, где перемежаются фигуры животных, включая гибридных монстров. Описывая вятскую икону XVII в., В.И. Антонова и Н.Е. Мневa перечисляли зверей в таком порядке: обезьяна, олень, медведь, лошадь, волк, лиса, заяц, баран, козел, слон, тигр, лев, павлин, орел, голубь, грифон, единорог, василиск, аспид, китоврас, крылатый змей, сири́н и двуглавый орел¹¹. Нетрудно заметить, что такое разделение, прослеживаемое в иконографических описаниях и выносящее фантастических созданий в отдельную часть списка, модернизирует логику русских иконописцев и зрителей, для которых к группе невиданных созданий, населяющих мир, на равных правах относились обезьяна, слон и единорог, павлин, грифон или тигр.

Проследив, как представлен животный мир на иконах XVI–XVII вв., мы увидим, что он либо состоит из разрозненных фигур, либо, как на ряде икон XVII в., включает типичные иконографические мотивы: бодающийся козел и баран, аспид, обвивающий и «целующий» другого зверя (по этой схеме в миниатюрах и фресках, иллюстрирующих Апокалипсис, со второй половины XVI в. изображали Гога и Магога). На тех же иконах появляются гибридные фигуры – сирены (полуженщины-полузмеи) и кентавры. И те, и другие в русской книжности и иконографии имели четкие демонологические коннотации. Гибрид змея и женщины известен по сценам искушения Адама и Евы в Эдеме – с середины XVI в. змей с женским лицом, а иногда торсом, все чаще начал заменять обычную змею (мотив пришел из европейского искусства, где родился в XII в. благодаря сочинению парижского богослова Петра Коместора)¹². Искуситель в раю, естественно, связывался с дьяволом. К слугам Люцифера относили и кентавра.

На Руси полулюди-полукони были известны благодаря византийским текстам и нередко так или иначе отождествлялись с демонами. Так, в житии Павла Фивейского рассказано о встрече монаха с кентаврами и сатирами – они свидетельствуют о силе Христовой и просят помолиться о них, потому что их «стадам» не осталось места на земле. Старец, однако, не молится, а радуется о «погибели сатанине»¹³. И на иконах, и в книжной миниатюре кентавры часто изображались со вздыбленными волосами¹⁴ – этот маркер указывал на традиционную в восточно-христианском искусстве бесовскую прическу и визуально относил их к армии сатаны¹⁵. На ярославских иконах «Хвалите Господа с Небес» второй четверти и второй половины XVII в. с помощью этого малозаметного (учитывая скромный размер самой фигуры) знака кентавры оказались приближены к демоническому миру и отделены от множества других зверей, включая сирен и аспидов¹⁶. Кроме того, на обеих иконах кентавры, как и аспиды, выходят из черного провала – «бездны», что в сочетании с хохлом визуально делает их представителями inferнального мира. Тем не менее по смыслу иконы они тоже должны хвалить Господа наравне с прочими животными и «всяким дыханием». Ясно, что демонизируя кентавров, знак равенства между ними и бесами иконописцы не ставили.

Изменения приходят в бестиарий икон «Хвалите Господа с Небес» в XVIII в., когда при сохранении прежних образов активнее возникают фигуры экзотических зверей, изображенных достаточно реалистично, по европейским образцам. Иконописцы сочетали средневековый бестиарий и описанный в трактатах Нового времени животный мир, которые с течением времени все больше отделялись друг от друга в глазах зрителей из социальных верхов¹⁷. На некоторых иконах XVIII–XIX вв. фантастические (с точки зрения новых иконописцев) создания пропадали вовсе¹⁸.

Новый вариант этой иконографии был создан в XX в. сестрой Иоанной (Юлия Николаевна Рейтлингер). Здесь фигурируют только реальные звери – они разделены в композиции и представляют фауну разных частей света, где явно выделяются северная с оленями и белыми медведями и южная с верблюдами, слоном и бегемотом (остальные звери не столь узнаваемы и представляют скорее среднюю полосу)¹⁹. При этом роль ангелов и людей, хвалящих Бога, снижается до минимума: ангелы показаны лишь несколькими фигурами вокруг престола Господня, а люди еще скромнее – в левой зрительской части композиции остается лишь малозаметная пара, мужчина и женщина, которые не выделяются среди более

крупных и ярких зверей. Доминирующая позиция полностью переходит к животным.

Отталкиваясь от этого варианта, совершенно новую визуальную разработку той же иконографической темы создала ученица знаменитого иконописца XX в. Марии Николаевны Соколовой – Ирина Васильевна Ватагина с учениками. Иконы, построенные по этому типу, можно увидеть в Чесменской церкви Рождества Иоанна Предтечи в Санкт-Петербурге и в московском храме Николая Чудотворца в Кленниках. В Интернете размещен текст, в котором описана иконография с некоторыми любопытными подробностями (почему в сцене с Давидом изображена лягушка и т. п.) и обстоятельств создания образа²⁰.

Верхнюю часть композиции занимает сцена Рождества с поклонением волхвов и пастухов – они представляют человеческий род. При этом большую половину иконы занимает изображение зверей. Животные прописаны не очень реалистично, но узнаваемо и ярко, в традициях современной детской книжной иллюстрации. Здесь доведена до логического завершения та же логика, что была намечена инокиней Иулианией. Бестиарий Средневековья отсутствует, уступая место животным известных видов, однако ключевой принцип, по которому изображались звери с XVI в., сохраняется – в композиции привычные для зрителей коровы, лисы и т. п. объединяются с экзотическими обитателями всех концов земли с поправкой на то, что вместо кентавров, аспидов и единорогов возникают пингвин, кенгуру, носорог, дикобраз, коала и прочие животные с разных континентов, статус которых примерно аналогичен здесь единорогам и аспидам Средневековья: в глазах многих зрителей это животные, которых видят прежде всего в изображениях, а не в реальной жизни, сведения о которых черпают из описаний, а не наблюдений (впрочем, это разделение в последние десятилетия «переворачивается» для жителей мегаполисов, которым экзотические животные, содержащиеся в неволе и наблюдаемые в путешествиях, могут быть доступнее и привычнее, чем естественные обитатели средней полосы). Экзотический животный мир меняется, но фактически сохраняет свои смысловые очертания, представляя «дальнее и диковинное». Иконография И.В. Ватагиной с учениками более четко зонирована и, соответственно, полнее демонстрирует фауну мира. Ангелы тоже показаны здесь лишь несколькими (шестью) фигурами, а люди, кроме персонажей из сцены Рождества, представлены маленькой фигуркой пастуха в нижнем углу композиции.

Принципиальное новшество появляется не в среднике, а в клеймах. Как на житийных иконах, размещенные там сценки

непосредственно связаны с изображением в центральной части. Логика подбора сюжетов весьма оригинальна: если ключевую роль в иконографии играют именно звери, то и в клеймах появляются сцены гармоничного существования людей и животных²¹.

Первая сцена – Адам дает имена животным, причем еще неназванные животные изображены монохромно, а получившие имена, выстроившиеся за спиной Адама, в цвете. Это напоминает один из принципов изображения демонов, принявших чужой облик, в русской иконографии – их иллюзорные тела показывали монохромными (чаще всего серыми), что помогало отделить их от реальных людей. Остальные сюжеты взяты из Библии и агиографии: звери слушают царя Давида, играющего на псалтири, спасение животных в ковчеге Ноя (три этих клейма, включая сцену с Адамом, составляют верхний ряд); ворон приносит пищу пророку Илии, Елия переплывает реку на крокодиле (единственный сюжет, в котором нет мирного сосуществования: праведник сперва заставил рептилию послужить, а затем умертвил, избавив людей от опасности), львы и другие дикие кошки на римских аренах не трогают мучеников Неофита и Пантелеимона, Власий Севастийский и Спиридон Тримифунтский с коровами (Власий, «коровий бог», на Руси почитался покровителем крупного рогатого скота), покровители коней Флор и Лавр (на этом заканчиваются вертикальные ряды клейм); Симеон Столпник вынимает щепу из глаза змея, патрон мелкого рогатого скота Мамант Кесарийский с козами, старец Герасим (Иероним Стридонский) вынимает занозу из лапы льва, Серафим Саровский кормит медведя. Последний сюжет логично завершает рассказ, снова демонстрируя рай и гармонию, которая будет восстановлена после грехопадения, – грядущее царство праведников по пророчеству Исаии («Тогда волк будет жить вместе с ягненок ... и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» Ис. 11: 6–8) – в этой сценке ребенок сидит на льве в окружении змеи, жирафа, барашка и прочих зверей. В описании на сайте говорится, что вертикально расположенные клейма создатели иконы разделяют на три символические пары: «чудесное служение», «чудесное поклонение» и «чудесное покровительство». Нижний ряд посвящен «чудесной дружбе»²².

Визуальный рассказ, построенный в клеймах, совершенно уникален для русской иконографии. Некоторые сюжеты (Илия в пустыне, Власий и Спиридон, Флор и Лавр, Серафим с медведем) перенесены сюда в том виде, в котором они существовали на широко распространенных иконах. Другие изображались на Руси редко, преимущественно на миниатюрах и фресках (Адам дает имена

животным, Симеон и змей). Но сама логика отбора и компоновки сцен разрабатывает иконографию «Хвалите Господа с Небес» в абсолютно неожиданном ракурсе. Средневековая модель вовсе не предполагала ключевую роль животных, новая оказывается фактически посвящена им – на иконах XX–XXI вв. люди, ангелы и небесные сферы занимают не самое значимое пространство, а животный мир, напротив, разрастается и детализируется. Более того, иконописцы создают целую «священную историю» зверей в их гармоничном отношении с праведниками, от начала до конца времен.

Логика создателей иконы естественна для современного человека – животные воспринимаются уже не в знаковом аспекте, как текст о Боге, и не как диковинные создания, которые заслуживают отдельного описания и изображения, но (через актуальные метафоры) скорее как «соседи по планете» и «младшие братья». Это превращает зверей в самостоятельных акторов, персонажей, вокруг которых, отталкиваясь от средневековых моделей, можно выстроить новую иконографическую программу. Такой опыт остается пока редким, но он любопытным образом модернизирует не только фигуры животных, но и сами иконографические темы и сюжеты.

Сокращения

ОР – Отдел рукописей

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)

ГМЗРК – Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

ГМПИ – Государственный музей палехского искусства (Палех)

ГРМ – Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея (Москва)

НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

ПГОМЗ – Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)

РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник

РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

ЦМиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (Москва)

ЧГМИ – Челябинский государственный музей изобразительных искусств

ЯГИАХМЗ – Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

- ¹ *Махов А.Е.* Бестиарий как подсистема средневековой семиотики // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 9 (30). С. 20–36.
- ² ОР РНБ. Собр. Титова № 797 (Сборник, XVIII в.). Л. 89 об.
- ³ См. в лицевых рукописях XVIII в.: ОР РГБ. Ф. 98. № 1204. Л. 109 об.; ОР ГИМ. Хлуд. № 252. Л. 93 об.
- ⁴ См. в лицевом сборнике начала XVIII в.: ОР ГИМ. Хлуд. № 251. Л. 204 об., 205 об.
- ⁵ Публикация Н. Буцких [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека. URL: <http://expositions.nlr.ru/literature/drevvus/articles.php> (дата обращения: 30.10.2017).
- ⁶ Как на псковской иконе XVI в. (ПГОМЗ Инв. 1618) или на иконе XVII в. из ЦМиАР (Инв. ВП 152).
- ⁷ Как на иконе первой половины XV в. (ГТГ. Инв. 22952).
- ⁸ См. к примеру, на иконах Входа в Иерусалим XIV в.: НГОМЗ. Инв. 3079; Инв. 3013; XVII в.: ЯХМЗ. Инв. И-814; XVIII в.: ГМПИ. Инв. 561; РИАМЗ. Инв. 7964; и на иконах Рождества XVII в: ПИЗРК. Инв. И-151 и XVIII в.: ГРМ. Инв. ДРЖ-1962; ЯГИАХМЗ. Инв. И-825.
- ⁹ Bibliothèque nationale de France, Bibliothèque de l’Arsenal, Ms-5212 réserve. Guyart des Moulins, Bible historique, 1300–1400. Fol. 156r.
- ¹⁰ ОР РГБ. Ф. 98. № 1396. Сборник XVIII в. Л. 103.
- ¹¹ *Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII в. [в Государственной Третьяковской галерее]. Опыт историко-художественной классификации: В 2 т. Т. 2. М., 1963. Кат. № 1006.
- ¹² Подробно об этом, а также о литературе, посвященной европейской иконографии искушения в Эдемском саду и гибридным фигурам женщины и рептилии см.: *Антонов Д.И.* Змей-искуситель с женским лицом: генезис и вариации образа в русской иконографии // Славянский альманах. Вып. 1–2. М., 2016. С. 194–210.
- ¹³ *Ленингрен Т.П.* Сборник Нила Сорского. В 3 ч. Ч. 3. М., 2004. С. 137–138.
- ¹⁴ См. иллюстрацию этого эпизода жития Павла Фивейского в лицевом агиографическом сборнике XVII в.: РНБ. ОЛДП. Ф. 137. Л. 355 об. Ср. с хохлатым кентавром в книге Бытия XVI в.: РНБ. Кир-Бел. № 68/1145. Л. 385 об. (верхней пагинации) или в «Александрии» XVII в.: БАН. П. I. Б. № 99. Л. 242 (фигуры подписаны «тигрисы»). Миниатюра с изображением хохлатого «кентавра» (без подписи) воспроизведена в книге О.В. Беловой: *Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000. С. 289.
- ¹⁵ Подробно об этом см.: *Антонов Д.И., Майзульс М.Р.* Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа. М.: Индрик, 2011. С. 70–121; *Антонов Д.И., Майзульс М.Р.* Волосы дыбом, или Как демонизировали «врага» в древнерусской иконографии // Теория моды: одежда, тело, культура. Вып. 19. 2011. С. 187–215.

- ¹⁶ На более ранней иконе у кентавра изображены не лошадиные, а когтистые звериные лапы. ГТГ. Инв. № 24823, *Антонова В.И., Мневя Н.Е.* Указ. соч. Т. 2. № 1006; ЯГИАХМЗ. Инв. ЯМЗ 40962, ИК 158; Иконы Ярославля XIII – середины XVII в. Шедевры древнерусской живописи в музеях Ярославля: В 2 т. М.: Северный паломник, 2009. Т. 2, кат. № 128. С. 96–107.
- ¹⁷ См., к примеру, икону Андрея Федотова (1798) с реалистично прописанной обезьяной и оленями, со сценой битвы льва и единорога в центре (ЧГМИ): Каталог икон [Электронный ресурс]. URL: <http://pravicon.com/image-29546> (дата обращения: 31.10. 2017).
- ¹⁸ Как на иконах XVIII и XIX вв.: URL: Каталог икон [Электронный ресурс]. URL: <http://pravicon.com/image-29547>; <http://pravicon.com/image-29548> (дата обращения: 31.10. 2017).
- ¹⁹ Опасно старушкам предлагать рисовать [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2288367> (дата обращения: 31.10.2017).
- ²⁰ «Всякое дыхание да хвалит Господа» [Электронный ресурс] // Чесменская церковь. URL: <http://chesma.spb.ru/archives/1098> (дата обращения: 31.10. 2017).
- ²¹ Нужно привести здесь объяснения самих создателей иконы: «Мы подумали, что хвалебные строки Псалма 148 подходят ко многим иконописным сюжетам. Например, их можно было бы написать на иконе Рождества Христова, где Богомладенцу пришли поклониться и ангелы, и люди, и овечки, и вол с осликом. Те же слова могли бы быть на фресках, где изображен Адам, нарекающий имена животным, которые один за другим чинно подходят к нему. Конечно, тексту Псалма соответствуют миниатюры из средневековых списков Псалтыри, где пророк Давид изображен поющим в окружении разных животных, которые его внимательно слушают. Таких сюжетов немало. Так родилась идея написать икону, названную строкой из Псалма и объединяющую несколько сюжетов, которые касаются отношения человека и «всякой твари». Господь задумывает мир прекрасным и гармоничным. В этом мире Божьим радуются все: и ангелы, и люди, и животные. <...> На протяжении истории человечества, как и в жизни каждого человека, бывают моменты, когда наступает эта гармония, и мир становится таким, каким Господь его задумал. Тогда в отношениях между человеком и животными проявляется замысел Творца. Этому и посвящена икона «Всякое дыхание да хвалит Господа» (там же).
- ²² Там же.

В поисках утраченного образца:
к вопросу о происхождении персонификаций
Дней творения в западноевропейских циклах
сотворения мира XII века

В миниатюре т. н. Верденского гомилярия (Верден, Городская библиотека, Ms1, f. Jr, первая или вторая четверть XII в.) Дни творения представлены в виде персонификаций – персонажей с атрибутами. Если большинство персонификаций имеет сходство с изображениями Месяцев в позднеантичных и раннесредневековых календарных циклах, то изображение Третьего дня отличается от других позой, жестами, наличием рядом (а не в руках) зеленых ветвей. Зная особенности работы миниатюриста XII в., можно утверждать, что иконография Третьего дня связана с другим, мифологическим образцом – композицией «Аполлон и Дафна». Таким образом, миниатюрист мог руководствоваться несколькими образцами разного происхождения или книгой образцов с разрозненными календарными и мифологическими мотивами.

Ключевые слова: Христианская иконография, книги образцов, средневековая миниатюра.

В 1978 г. Сальваторе Сеттис в своем исследовании, посвященном «Грозе» Джорджоне, провозглашает одним из главных принципов корректной реконструкции иконологической программы «принцип пазла»: «Первое правило пазла заключается в том, что все “кусочки” должны собираться, не оставляя между собой зазоров. Второе правило состоит в том, чтобы все вместе имело смысл: например, если один “кусочек” неба прекрасно подходит в середину дуга, необходимо подыскать ему другое место. И когда почти все “кусочки” расположены и уже очевидно, что получается картинка “пиратский парусник”, группу “кусочков” с “Белоснежкой и семьей гномами”, даже если она вписывается по форме идеально, определено стоит отложить в сторону для другого пазла»¹.

Удачно корректирует применение этого метода предложенный незадолго до этого Э. Гомбрихом «принцип пересечения», декларирующий заранее заданную многозначность отдельного образа и необходимость корректировки его интерпретации в зависимости от жанра произведения: «Ренессансный художник или “советник художника” имел в уме ряд таких карт, где, скажем, отложены истории из Овидия по одной стороне и типовые задачи по другой... так и история, скажем, Икара, обладает не одним смыслом, но целым набором смыслов, из которых нужный выбирается обращением к контексту. Ломаццо вспомнил об этой теме в связи с водой, а тот гуманист, который был советником у художника Амстердамской ратуши, избрал ее для зала суда по делам о несостоятельности – как предостережение против слишком далеко залетевших амбиций»². Проецируя в нашем исследовании эти два принципа, предполагающие в программе наличие «преднамеренного смысла»³ и осознанного единства в происхождении деталей, на средневековый материал, подлежащий не иконологическому, но иконографическому анализу, мы руководствуемся желанием и необходимостью ввести в словарь иконографической науки новый термин, подобранный по принципу «от противного». Назовем его «принцип разрозненного пазла». Здесь мы попытаемся показать, что средневековый мастер, в отличие от ренессансного, с определенного момента не просто не заботился об однородном происхождении деталей в своей композиции, но осознанно вводил, пользуясь остроумным сравнением Сеттиса, в композицию «Пиратский парусник» кусочки пазла «Белоснежка».

Начнем с попытки исправить ошибку, допущенную много лет назад и уже единожды исправленную. В 1938 г. 35-летняя английская исследовательница Адельгейда Хейманн (1903–1993) публикует в «Журнале института Варбурга и Курто» статью⁴ об иконографии вводной миниатюры Верденского гомилиария⁵. Рассматривая персонификации Дней творения в сегментах концентрической композиции, Хейманн отмечает принципиальное иконографическое отличие одной из них, относящейся к Третьему дню творения, от остальных. Если в большинстве случаев персонификации Дней представляют собой персонажей с понятными атрибутами в руках (светила, птицы, полуфигура Адама), то Третий день представлен, по словам исследовательницы, «в виде «херувима со скрещенными ногами, простирающего к Богу руки в молитве»⁶. Через 24 года, в 1962 г., подробно рассмотрев рукопись на выставке в Барселоне⁷, Хейманн публикует опровержение своей первоначальной атрибуции – при ближайшем рассмотрении

крылья предполагаемого херувима оказались темно-зелеными ветвями дерева. Теперь Третий день – человек, «одетый в красную с золотыми полосами одежду, короткую, как у остальных персонажей, он стоит на небольших синих холмиках. Правой рукой он держится за дерево, левую протягивает к Богу»⁸. Характерно, что в обоих случаях Хейманн не дает никакого объяснения разительному отличию Третьего дня от остальных.

Персонификации Дней творения в Верденском гомилиарии представляют собой интересный и достаточно редкий вариант заимствования иконографии этих персонажей из календарного цикла, в котором месяцы представлены в виде персонажей с атрибутами, восходящими еще к позднеантичным образцам (в первую очередь к календарю 354 г.)⁹. Впервые констатирует эту преемственность между месяцами и Днями творения именно Адельгейда Хейманн в своей работе 1938 г. Интересно, что в этой же статье исследовательница ограничивается констатацией родства, не задаваясь вопросом о механизме проникновения календарных мотивов в иконографию Дней творения: «Нам неважно, каким путем и через сколько промежуточных этапов эти аллегории достигли Вердена»¹⁰. Мы намерены начать наше исследование с того момента, на котором остановилась А. Хейманн, – с поиска и возможности идентификации тех «промежуточных этапов», которые предшествовали сложению комплексной композиции фронтисписа. Наша задача – не только еще раз показать, каким образом календарные мотивы могли стать одним из вариантов изображения Дней творения, но и попытаться объяснить очевидное отличие одного из них – типа персонификации Третьего дня (назовем этот тип «персонаж в пейзаже») от остальных (тип «персонаж с атрибутом»).

Начнем с констатации общего правила – в иконографических механизмах XI–XII вв. трансформация отдельной детали композиции – явление нередкое. Так, в т. н. Римском типе творения присутствует целый ряд элементов, которые способны появляться и исчезать или быть замененными на чужеродные, из другого смыслового ряда.

Мы уже обращали внимание на варьирование в пределах итальянского круга памятников изображений Бездны (старческий лик Океана или женский лик, напоминающий Горгону, маскароны, наконец, полное исчезновение персонификации Бездны из композиций сходного типа)¹¹. Есть и другие примеры. Так, персонификации Света и Тьмы, неизменно фланкирующие изображение Творца в сцене Первого дня творения, с V по XII в.¹² трансформируются, например, в чернокожего и белого рабов (см. мозаику фасада

ц. Сан Томмазо ин Формис (ок. 1210) в Риме), а за Альпами – меняются местами с персонификациями светил¹³.

В этой статье мы рассматриваем сложный памятник – один из немногих вариантов помещения Дней творения в концентрическую схему. Изначально концентрические схемы восходят к римской традиции и представлены в первую очередь мозаиками космографического характера¹⁴. О наличии прямой связи между христианской изобразительной традицией и позднеантичными концентрическими схемами свидетельствует греческая миниатюра к «Альмагесту» Птолемея (Vat. Gr. 1291 f9r, 813–820 гг.), являющаяся, по-видимому, копией мозаики III в.¹⁵ и включающая три концентрических круга с изображением Гелиоса в центре. В этих кругах располагаются знаки Зодиака, персонификации месяцев и персонификации планет (или, по мнению И. Спатаракиса, нимф?). В свою очередь, персонификации месяцев с атрибутами в руках восходят к «Календарю Филокала» 354 г.¹⁶ Об их трансформациях в западно-христианской иконографии речь пойдет ниже.

Распространение к рубежу XI–XII вв. в западноевропейской миниатюре концентрической схемы как универсальной формы, способной наглядно проиллюстрировать самые разные комплексы понятий, связано с изменением подхода к изображению вообще, усложнением его содержания и адаптацией с этой целью схемы, имеющей столь же универсальный характер в поздне-римский период. Эллен Беер связывает популярность концентрической схемы еще с трактатом Исидора Севильского «Об этимологии вещей» и приводит три возможных источника этой схемы: орнаментальные, космографические и фигуративные композиции¹⁷. Она ссылается на «Этимологию» Исидора Севильского как на первое упоминание концентрической схемы как идеального варианта упорядоченного представления любых частей сложного целого¹⁸.

Временем около 1100 г. датируется¹⁹ первый известный вариант помещения Дней творения в концентрическую схему – т. н. ковер из Жироны. Уже в нем мы видим, что персонификации месяцев, идущие по периметру ковра, дополнены изображениями персонифицированных Дней творения в сегментах самой окружности, заключающей в своем центре изображение Творца. Полтора десятилетиями позже эта же схема возникла в верденской рукописи, но уже в видоизмененном состоянии – по периметру теперь расположены только времена года, а в роли Дней творения выступают персонажи, во многом идентичные персонификациям месяцев²⁰. На этом традиция концентрических циклов творения не прерывается²¹.

По сложности иконографического состава ковер из Жероны и Верденский гомилиарий конкурируют с инициалом In т. н. Лоббской Библии (1084 г., Турнэ, библиотека семинарии, Ms 1, f. 6r). По иконографической емкости сложный инициал In, открывающий книгу Бытия, может соперничать с концентрической схемой, кроме того, он значительно шире распространен в традиции иллюстрирования текста Библии. Характерно, что уже в 1084 г. инициал Лоббской Библии дает нам весьма комплексную картину – в семи медальонах инициала к книге Бытия встречаются и изображения Творца, и изолированные атрибуты Дней творения в виде своеобразных «пейзажей», и персонификации²². Этот инициал имеет, как показал Дон Денни, как и другие инициалы рукописи, несколько разных источников, базирующихся в первую очередь на иконографии каролингских турецких Библий, уже достаточно сложносочиненной. Совмещение практически всех существовавших до этого иконографических традиций²³ в одном инициале конца XI в. – раннее и яркое доказательство того, что «принцип пазла» неприменим в отношении средневекового иконографического материала – инородные частицы с легкостью вписываются в общую композицию.

Для нас Верденский гомилиарий и Лоббская Библия связаны одной общей деталью – в обоих случаях персонажи, олицетворяющие Третий день творения, выбиваются из общего ряда.

Выше уже были приведены два варианта описания А. Хейманн персонификации Третьего дня в Верденском гомилиарии – «херувима» со скрещенными ногами, запутавшегося в ветвях. В медальоне Третьего дня Лоббского инициала столь же неожиданно появляются два персонажа – сидящий и полулежащий. Первый изображен с пучками веток в руках, второй держит рыбу. Формально оба изображения попадают в категорию «персонаж с атрибутом», родственную изображениям месяцев²⁴.

Действительно, в «Календаре Филокала» (а также в позднеримских мозаиках Капитолийского музея и Лувра) Май представлен в образе персонажа с корзиной, полной цветов, и с цветущим растением и павлином рядом²⁵.

В западноевропейском Средневековье персонификации месяцев появляются с начала IX в. в двух Зальцбургских саκραментариях (ок. 830 г., Вена, Городская библиотека, Cod. 387, f. 90v и Мюнхен, Городская библиотека, Clm 210, f. 163r)²⁶, где с цветущими ветвями в ОБЕИХ руках уже изображены и Апрель, и Май. Мартиролог Адальберта Прюмского, современный сакраментариям (Vat reg lat 438), сохраняет большую связь с позднеантичной традицией – хотя оба месяца там также представлены в виде персонажей с цветущими ветвями.

щими ветвями (а Май еще и в венке), по мнению Вебстера, жест Апреля восходит к ритуальному танцу жреца Венеры²⁷. Кроме того, рядом с месяцами представлены знаки Зодиака.

Традиция календарных изображений XI–XII вв. часто комбинирует оба варианта – так, в мозаиках собора Сан Коломбано в Боббио (1140–1150) Апрель представлен в венке, с чашей, полной цветов, в одной руке и ветвью в другой и с тельцом (!) у ног. Почти одновременно в календарном цикле мозаик пола собора в Отранто (1163–1165) Май представлен уже персонажем в длинных одеждах, держащим в обеих руках зеленеющие ветви. В Бранконе, описывая фресковый календарный цикл в соборе в Боминако²⁸, указывает на то, что иконография персонификаций трех весенних месяцев теснее всего связана с античными прототипами. Исследовательница отмечает, что связь между персонификацией Апреля–Мая с ветвями в руках и изображениями Примаверы или Теллус может быть проиллюстрирована параллельным появлением персонификации Земли в виде женской фигуры с ветвями в руках во второй четверти XI в. в миниатюрах свитка Экзультет в Бари (Бари, библиотека собора, ок. 1030 г.). Примечательно, что к XII в. эта фигура в длинных одеждах с двумя ветвями, происходящая из мифологического изобразительного ряда, появляется в книжной миниатюре за Альпами в нескольких ролях: так, если в описанной выше миниатюре Верденского гомилиярия персонификация Весны в левом верхнем углу – явно мужская фигура, держащая в руках две зеленеющие ветви, то в кодексе из Цвифальтена (Штуттгарт, Вюртембергская библиотека, Cod. hist. 2, f.17v, ок. 1145 г.) персонаж с двумя ветвями появляется дважды – в роли созвездия Девы в зодиакальном цикле и мужской персонификации Весны. Заметим, что в позднеантичных зодиакальных мозаиках и их ранне-средневековых дериватах (Хаммат, Рим 375 г., миниатюра трактата Храбана Мавра «О Вселенной» (Италия, XI в., Кассино, архив Монтекассинского аббатства, Cod.132) Дева не изображается с двумя ветвями, в руках ее обычно факел²⁹ или одна ветвь. Стало быть, наличие миграция образа из мифологического ряда в календарно-космографический и обратно, причем варьирование пола может быть спровоцировано определяющим влиянием персонификаций месяцев в календаре 354 г. – там все они очевидно мужского пола. В свою очередь, богиня Теллус на динарии Адриана 130-х годов может быть изображена с одной поднятой, а другой опущенной ветвью (по другой версии – с плугом и граблями), как впоследствии Май-мужчина в миниатюрах каролингских sacramentaires.

В таком случае, мы вправе говорить о том, что свободное варьирование пола персонажа с сохранением атрибутов персонажей космографического и мифологического ряда началось уже в каролингское время, когда в руках мужской персонификации месяца появились атрибуты женского божества.

В XII в. эта мифологически-календарная тема мигрирует еще дальше – в новозаветную сцену, и начинает обрастать жанровыми деталями. Так, в росписи плафона церкви св. Мартина в Циллисе (Швейцария, после 1114 г.) очень близкий по типу к Маю-Теллус из Отранто персонаж между двумя ветвями представлен в сцене Входа в Иерусалим с ножом в одной руке, как срезающий ветви с деревьев, чтобы постилать их под копыта осла Спасителя.

Предшествующее пространное рассуждение имеет для нашего исследования преимущественно служебный характер – допуская, что на протяжении IX–XII вв. персонаж с одной/двумя ветвями-атрибутами поочередно побывал в западноевропейском изобразительном ряду персонификацией одного из весенних месяцев, Третьего дня творения (например, в миниатюре к «Древностям» Иосифа Флавия (Париж, В.л., MS.Lat.5047 f.2r, 1169–1180)) и Земли, персонажем из сцены Входа в Иерусалим, – не доказывает ли это в очередной раз широту распространения и частоту использования «книг-образцов» и «летучих листов»³⁰ по принципу «частичного цитирования» – использования отдельной фигуры-«модуля», встраивающейся в самые разные контексты. К сожалению, от рубежа XI–XII вв. таких листов дошло до нас крайне мало, и мы можем лишь предполагать на основе известных нам памятников, что такие листы-тетради-книги могли включать сцены, части сцен и изолированных персонажей из совершенно разных тематических рядов³¹.

Вернемся к началу. В концентрической композиции Верденского гомилиярия Третий день – мужская или скорее юношеская фигура в короткой тунике, среди зеленеющих ветвей, одной рукой держащаяся за ветку, а другую простирающая в сторону. Ноги персонажа скрещены как бы в беге или танце. А. Хейманн прямо сравнивает эту фигуру с Третьим днем из «Иудейских древностей» Флавия, однако нам кажется очевидным одно существенное отличие. Обилие ветвей и жесты рук обоих персонажей в общем могут быть признаны совпадающими, а вот позиция ног Третьего дня из Вердена и в целом динамичность позы разительно отличается от персонажа «Древностей» и до этого нам в рассмотренном ряду памятников не встречалась. Попробуем поискать внутри очерченного круга сюжетов и тем более близкую аналогию. Она находится довольно быстро. Фигура, запутавшаяся в ветвях, вызывает в памяти образ Дафны,

преследуемой Аполлоном и превращающейся в лавр. Подобных изображений множество – разными путями в Западной Европе с V–VI вв. появляются ранневизантийские и коптские изображения Аполлона и Дафны, во многих из которых Аполлон представлен стоящим скрестив ноги рядом с кустом, заключающим в себе нагую фигуру Дафны, воздевающей руки. Таковы коптские ткани IV–V вв. из Лувра и Цюриха³², ранневизантийская золотая пряжка из частной коллекции начала V в.³³ и др. Скрещенные ноги Аполлона дублируются в цюрихской пряжке двумя скрещенными стволами лавровых деревьев, меж которых стоит Дафна³⁴. Эту позднюю, преимущественно коптского происхождения иконографию мифа о Дафне роднит с персонификацией Третьего дня из Верденского манускрипта и то, что в коптских и малоазийских памятниках ветви лавра развеваются, как зеленые ветви в верденской миниатюре. Допустив, что популярность этой сцены была достаточно велика в раннехристианском декоративно-прикладном искусстве и она могла с легкостью попасть в любой несохранившийся «лист образцов» наравне с персонажами Эзопа и Психомахи (как, к примеру, иллюстрация к одному из Мифографов), мы можем предположить, что скрещенные стволы деревьев плюс ноги Аполлона вкупе с фигурой, запутавшейся в ветвях и простирающей вверх руку с цветком, и дали тот уникальный вариант иконографии Третьего дня, который мы встречаем в Верденском гомилиарии. Таким образом, одна из фигур, заполняющих сегменты нашей концентрической схемы, оказывается выпадающей из общего для остальных круга календарных персонификаций и приходит из иной – мифологической – области «словаря» миниатюриста³⁵.

Итак, возвращаясь к началу нашего текста и к цитате из С. Сеттиса о «принципе пазла», мы можем сделать вывод, что для мастера XII в., в отличие от мастера XV–XVI вв., действует обратный принцип, принцип «разрозненного пазла», и в композиции Верденского Шестоднева к нескольким кусочкам пазла из коробки с названием «Месяцы» беспрепятственно добавляется кусочек из коробки «Мифы», чтобы, гармонично и непротиворечиво дополнив друг друга, в конце концов сложиться в картинку «Дни творения».

Примечания

¹ *Settis S.* La “Tempesta” interpretata. Torino: Einaudi, 2013. P. 73 (пер. А.Б. Езерницкой).

² *Гомбрих Э.Х.* О задачах и границах иконологии // Советское искусствознание. 1989. Т. 25. С. 285–286.

- ³ Там же. С. 298.
- ⁴ *Heimann A.* The Six Days of Creation in a XII-century manuscript // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* 1938. Vol. 1. P. 269–275.
- ⁵ Верден, Городская библиотека. Ms1, f.Jr, 1110–1114 или вторая четверть XII в.
- ⁶ *Heimann A.* Op. cit. P. 270.
- ⁷ Выставка «Романское искусство. Барселона и Сантьяго-де-Компостела» 1961 г.
- ⁸ *Heimann A.* Correction: The Six Days of Creation in a Twelfth Century Manuscript // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* 1962. Vol. 25. P. 158.
- ⁹ *Heimann A.* Op. cit. P. 273; *Salzman M.R.* On roman time. The codex calendar of 354 and the rhythms of urban life in Late Antiquity. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 96–116.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 272.
- ¹¹ *Пожидаева А.В.* К вопросу об иконографии Бездны в западноевропейском искусстве V–XIII в. // II Даниловские чтения 2015. Материалы конференции (в печати).
- ¹² Об этом см. главу 2 в: *Пожидаева А.В.* Цикл Творения в западноевропейском искусстве XI – начала XIII вв.: опыт иконографической генеалогии: Дисс. ... канд. искусствоведения. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008.
- ¹³ Там же. Глава 4.
- ¹⁴ *Webster J.C.* The Labours of the Months in Antique and Medieval Art to the End of the Twelfth Century. Princeton: Princeton University Press, 1938; *Levi D.* The Allegories of the Months in Classical Art // *The Art Bulletin.* 1941. Vol. 23 (4). P. 251–291; *Strohmaier-Wiederanders G.* Imagines anni – Monatsbilder: Von der Antike bis zur Romantik. Halle: Gursky, 1999.
- ¹⁵ *Spatharakis I.* Some Observations on the Ptolemy Ms. Vat. Gr. 1291: Its Date and the Two Initial Miniatures // *Byzantinische Zeitschrift.* 1978. Vol. 71 (1). P. 41–49. Согласно Доро Леви (*Levi D.* Op. cit. Fig.18), совмещение персонификации месяца со знаком Зодиака существовало еще в эллинистической Греции II–I вв. до н. э.
- ¹⁶ *Salzman M.R.* Op. cit.
- ¹⁷ Генеалогия концентрической композиции в искусстве Западной Европы XI–XIII вв. впервые детально прослеживает Э. Беер в своей книге, посвященной розе Лозаннского собора (*Beer E.J.* Die Rose der Kathedrale von Lausanne. Bern: Bentelli, 1952. S. 33–47). Кроме того, ранее этот тип изображений был описан в работе Ю. Балтрушайтиса «Космографический стиль в Средние века» (*Baltrušaitis J.* Le Style Cosmographique au Moyen Age // Deuxieme Congres International d'Esthétique et de Science de l'Art. P., 1937. P. 92–93).
- ¹⁸ *Beer E.* Op. cit. P. 36
- ¹⁹ *Dodwell C.R.* The Pictorial Arts of the West 800–1200. New Haven; L., 1993. P. 17; *Palol P. de.* Une Broderie Catalane d'Epoque Romane // *Cahiers archéologiques.* 1956. Vol. 8. P. 175–214; *Ibid.* 1957. Vol. 9. P. 219–251.
- ²⁰ Напомним, что впервые идентифицировала персонажей в сегментах с персонификациями месяцев А. Хейманн в статье 1938 г.: *Heimann A.* The Six Days of Creation in a XII-century manuscript. P. 269–275.

- ²¹ 1139–1147 гг. датируются т. н. Кодексом из Цвифальтена (Штутгарт, Вюртембергская библиотека, Cod. hist.2, f.17v), около 1160–1170 гг. – т. н. Штаттсхеймский миссал с аналогичными композициями (Brabecke, coll.Furstenberg, Missale of Hildesheim, f.10v).
- ²² *Denny D.* The Historiated initials of the Lobbes Bible // *Revue Belge d'Archaeologie et d'Histoire de l'Art.* 1976. Vol. 45. P. 3–26.
- ²³ Показательно, что Творец изображен в медальонах инициала In трижды – Десницей из октавехов в Сотворении Света и ангелов, в полный рост, как в Генезисе Лорда Коттона, в Сотворении Адама и Евы и на престоле в иконографии Седьмого дня, восходящей к римскому типу, – в верхнем медальоне.
- ²⁴ Правомочность такого сближения доказывается еще целым рядом примеров – так, в Верденском гомилярии Пятый день творения держит в руках птицу подобно Февралю из календаря 354 г. и каролингских сакраментариев. Справедливость же ассоциации с месяцами персонажей медальона Лоббской Библии лишь частична – здесь представлены Земля с зелеными ветвями, действительно похожая на персонификацию Апреля, и Море с рыбой. Об иконографии инициала Творения Лоббской Библии см.: *Leclerc-Marx J., Thys N.* Les initiales historiées. Quelques hypothèses et apports nouveaux // *Autour de la «Bible de Lobbes» (1084). Les institutions. Les hommes. Les productions. Actes du colloque de Tournai, (30 mars 2007). Bruxelles: Facultés universitaires Saint-Louis, 2008. P. 169–209.*
- ²⁵ Вена, Австрийская национальная библиотека, Cod.Vindobonensis Ms.3416, f.36v. По мнению Р.М. Зальцман, это отражение традиции «розалий» – праздника поминовения, справлявшегося в апреле–мае (в 354 г. – 23 мая). *Salzman M.R.* Op. cit. P. 97. Интересно, что в близкой по времени мозаике из Эль-Джема Май представлен как поклонение статуе Меркурия среди зеленых ветвей.
- ²⁶ М. Кастинейрас Гонсалес связывает появление в календарных циклах наряду с зодиакальными символами персонификаций «трудоу» с каролингской календарной реформой, присвоившей месяцам германские названия, связанные с соответствующими занятиями: *Castineiras Gonzales M.A.* Mesi // *Enciclopedia dell'arte medievale.* Milano: Treccani, 1997. P. 327.
- ²⁷ *Webster J.C.* Op. cit. P. 41–43. Автор упоминает также о том, что подписи к миниатюрам Мартиролога восходят к традиции календаря 354 года.
- ²⁸ *Brancone V.* Complementi iconografici per il calendario dipinto dell'oratorio di San Pellegrino a Bominaco // *Arte medievale.* 2004. Ser. NS. Vol. 3. P. 75–108.
- ²⁹ Д. Леви, кстати, называет факел и сосуд, встречающиеся среди атрибутов Девы, в числе признаков персонификации Мая-жреца (*Levi D.* Op. cit. P. 261).
- ³⁰ основополагающий труд на эту тему – монография профессора Амстердамского университета Р. Шеллера (*Scheller R.W.* Exemplum. Model-Book Drawings and the Practice of Artistic Transmission in the Middle Ages (ca. 900 – ca. 1470). Amsterdam, 1995; об особенностях цитирования см. *Пожидеева А.В.* Указ. соч. Гл. 1.
- ³¹ Так обстоит дело уже в сборнике Адемара Шабаннского рубежа X–XI вв. (Leiden, Univ.Lib.Cod.Voss.lat.Oct.1), где на одной странице сосуществуют

фрагменты сцен из Нового Завета, Психомахии, басен Эзопа, астрономических трактатов и т. д.

- ³² В Лувре хранится знаменитая «Шаль Сабинны» (IV–V вв., Louvres, Fouilles A. Gayet, E29302, украшенная в т. ч. изображением Аполлона и Дафны, где жест нимфы, держащей цветок, совпадает с жестом нашего персонажа (*Galerie Nefer. Catalogue* № 4. Zürich, 1986).
- ³³ Женева, Музей Рат, выставка «Византия в Швейцарии» 4 дек 2015 г. – 13 марта 2016 г.
- ³⁴ Показательно, что иконография с бегущим Аполлоном – более ранняя. Она встречается в ряде римских мозаик и в пластине V в. из Равеннского археологического музея.
- ³⁵ Косвенным доказательством возможности прихода сцены с Аполлоном и Дафной в Западную Европу не только через произведения раннехристианского ДПИ, но и через знакомство со средневизантийской миниатюрой, служит замечание К. Вайцманна о миниатюре с Алфеем и Аретузой из Псевдо-Нонна (Cod. gr. 1947, F. I44v). См.: *Weitzmann K. Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton, 1984. P. 26–27.*

Искусство у порога иного мира

В статье рассматривается небольшой и очень своеобразный комплекс изображений (предположительно сарматских/аланских, около рубежа н. э.) при входе в полузаброшенный тогда каменный храм Байте III, построенный тремя веками ранее у края пустынного плато Устюрт и связанный с почитанием предков. Гравированные поздними посетителями композиции, на наш взгляд, хорошо объясняются из архаичной языческой алаано-осетинской традиции (посвящение коня умершему; поминальное знамя; две подготовленные к дальней поездке повозки и два умерших рядом; змея с оживляющей «бусиной счастья»; всадник, собирающийся войти в лабиринт; вероятная сцена «волшебной охоты» лучника).

Ключевые слова: искусство ранних ираноязычных кочевников, поминальный храм предков, Байте III, ритуальные граффити, сюжеты, сарматы, религия алаано-осетин, рубеж н. э., плато Устюрт, Западный Казахстан.

В этой статье речь пойдет не о том высоком искусстве талантливых профессионалов, которое восхищает нас и подчас побуждает к благородным поступкам. Памятник искусства, который анализируется ниже, – примитивные граффити, созданные наспех обычными людьми, торопившимися по своим делам, небрежными движениями лезвия ножа в пустыне, в одном из самых глухих районов нашей планеты. Однако они были для культуры своих создателей не менее значимыми: они выполняли функцию контакта с миром умерших, позволяли осуществиться силе магии, способствовали *правильному* завершению ритуалов. Итак, наша тема – одно из проявлений искусства ранних ираноязычных кочевников степного/пустынного пояса Евразии, очень интересный, *уникальный* его

аспект – граффити на стенах храмов (точнее – конкретного храма). Дело в том, что прочных и сколько-нибудь крупных каменных храмов степные и пустынные номады античной эпохи не строили. Своеобразными аналогиями храмов земледельческих культур у них были *природные объекты* – почитаемые пещеры и гроты, отдельные скалы и валуны среди равнины, холмы рядом с сезонными стоянками (расположенные «ближе к небу»). У подножья холмов подчас размещали мини-святилища бога войны, которому приносили в дар клинковое оружие¹. В таких сакральных местах изредка высекали и изображения животных, родовые эмблемы-тамги². Редкие исключения относятся к небольшим сооружениям для поминовения предков, включавшимся в состав родовых курганных некрополей (чаще расположенных на их окраинах и имевших земляные насыпи). В тех регионах, где для сооружения курганов знати использовался не столько грунт, сколько камень, на внешней ограде «царских» курганов мы также подчас видим скопление фигуративных изображений (люди и птицы) и тамги³.

Удивительным исключением из этого правила для конца скифо-сакской эпохи (IV–III вв. до н. э.) является *серия небольших, круглых в плане, купольных каменных храмов*, размещенных в суровых и всегда малозаселенных пустынях Западного Казахстана на протяжении примерно 300 км вдоль северного края обширного плато Устюрт. Они являлись в каждом случае центром святилища, включавшего также ряды статуй умерших знатных воинов, каменные алтарики, специальные оградки для поминок и др. Сегодня есть ряд аргументов в пользу того, что *они были посвящены культу значимых предков*, то есть *имели поминальный характер*⁴. Среди этой серии храмов заметно выделяется один, на северо-западном выступе Устюрта, названный по колодцу в соседнем овраге *Байте III* и раскопанный в 1998 г. На наружной, тщательно изготовленной каменной облицовке у единственного входа (во внутренний миниатюрный мощеный дворик в виде мальтийского креста попадали по приставной лестнице со второго этажа), слева на нескольких плитах была гравирована тонкими лезвиями различных сюжетных композиций, представляющая загадку для исследователей. К сожалению, материал этого замечательного памятника остается почти полностью неопубликованным⁵. Храм в Байте диаметром 19 м, высотой не менее 7 м и толщиной стен 4,5 м был дважды сильно поврежден очень мощными землетрясениями (вскоре после его сооружения в III–II вв. до н. э. и в позднем Средневековье – в XIV–XV вв.)⁶, после чего его руины были окончательно заброшены. Однако сегодня есть основания ду-

мать, что после первого землетрясения стены и дворик в основном устояли, и храм вскоре стал вновь использоваться на рубеже н. э., но кочевниками другой культурной традиции. Здесь найдены следы небольшого ремонта, скромные приношения этого времени, на стенах представлены скопления не менее 80 знаков-тамг (из общего числа не менее 259 экз. 273 типов), имеющих аналогии именно у европейских кочевников-сарматов начала I – середины III в. н. э. В это время здесь проходил торговый путь из Южного Урала в Хорезмский оазис, которым, видимо, пользовались сарматские (а также хорезмские и кангюйские) торговцы и их проводники⁷. Именно к этому, второму периоду частичного функционирования храма я склонен отнести и сюжетные граффити: их стилистика и состав сюжетов не имеют близких аналогов в скифо-сакское время постройки здания, но известны (хотя и частично) в сюнну-сарматскую эпоху. Замечу, что каменные поминальные сооружения предшествовавшего времени, относящиеся к другой культуре, использовались сарматами для нанесения изображений животных и тамг и в Северном Причерноморье⁸.

Ниже рассматриваются сюжетные изображения, которые концентрировались снаружи у входа в храм, слева от него (они включают и несколько клановых тамг). Почти все они остаются неопубликованными, и их издание мне еще предстоит⁹. Этот участок стены рухнул наружу (видимо – после второго большого средневекового землетрясения); увы, археологи при раскопках никак не фиксировали взаимное положение рядов упавших блоков с изображениями. Чаще всего (как это было и на стенах дворика) на каждой из крупных прямоугольных плит облицовки здесь, видимо, помещали законченную группу гравировок. На пяти плитах были *геометрические композиции* (узкие продольные, реже – поперечные полосы, заполненные внутри рядом косых линий или зигзага, или прямой или косой сеточкой) (рис. 3, 1–3). Сходные орнаментальные композиции мы видим и в Центральном Крыму, где на рубеже II–III вв. оседали сарматы¹⁰. Обереговые функции композиций с шахматным или сетчатым узором еще недавно были ощутимы в обрядности иранских народов¹¹.

Однако наибольший интерес представляют другие сюжетные граффити: образы и композиции части из них удивительны для кочевого искусства и быта, особенно в зоне пустынь. В их числе: 1) безоружный всадник с опущенным знаменем в руках (рядом с ним – тамга) и пеший по сторонам *лабиринта*; всадник как будто собирается въехать в лабиринт, т. к. повернут к входу в него, а пеший ожидает позади сооружения, раскинув руки (рис. 1, 1);

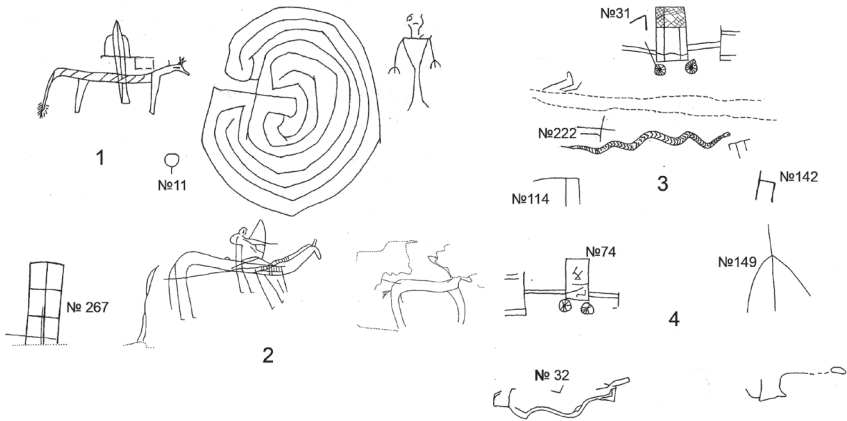

Рис. 1

2) всадник-лучник (рядом с ним – тамга), натягивающий тетиву; видимо, справа к этой плите примыкала другая, на которой изображен горный козел, в бедро которого воткнулась стрела (рис. 1, 2); 3) повозка-кибитка (также помеченная слева тамгой), рядом – упавший умерший (сохранились его ноги), ниже (на прилегающей плите) – ползущая змея и 3–4 тамги (рис. 1, 3); 4) другая подобная повозка с поставленными горизонтально оглоблями, помеченная тамгой внутри ее, внизу – две схематичные фигурки падающих убитых людей, каждая из которых сопровождается тамгой (рис. 1, 4); 5) конь, за ним – воткнутое вертикально знамя, над ним – тамга хозяина и мелкая рыба (рис. 2, 1); 6) бегущий олень, перед которым плывет рыба (рис. 2, 3); 7) стилизованная крупная рыба с хищно разинутой пастью (рис. 2, 4); среди 120 видов «аборигенных» видов рыб Каспийского моря это могут быть каспийский лосось, белорыбица или даже налим; 8) крупная рыба, догоняющая мелкую (щука *Esox lucius*? и окунь *Perca fluviatilis*?) (рис. 2, 5)¹²; 9) необычная крупная фигура рыбы, размещенной вертикально на трех смежных плитах (сохранилась центральная часть: рис. 2, 6).

Все основные персонажи (включая помеченные хозяйскими знаками-тамгами) здесь *движутся или повернуты вправо* (в сторону входа в храм). Наиболее детально и реалистично (с чешуей, плавниками) здесь изображены существа, которых в представлениях того времени связывали с водой и нижним миром (рыбы и змея). Дикие копытные (козел и олень) показаны в движении и выглядят

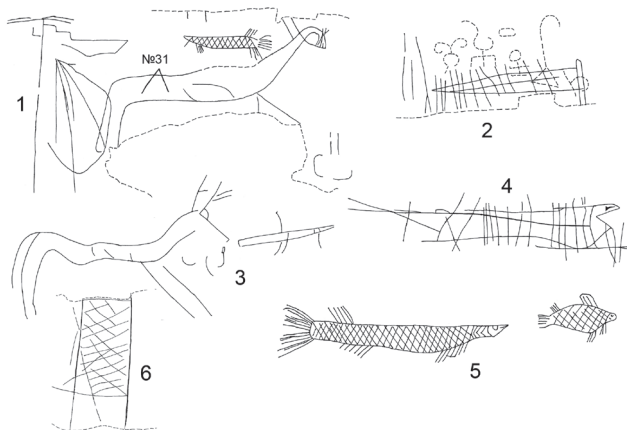

Рис. 2

достаточно упитанно, рога их укорочены. У коней очень удлиненные крупы и зауженная вверху шея. У коней с всадниками (рис. 1, 1–2) нет ни седла, ни узды, при этом хозяева сидят на них «по-женски» (ноги по одну сторону крупы; такая посадка, впрочем, была распространена у кочевников разных эпох). Конь, стоящий без хозяина, взнуздан, но уздечка словно висит с неба. Особенно подчеркнуто убранство коня у хозяина, собирающегося въехать в лабиринт: челка на лбу заплетена в форме «короны», на хвост надет особый чехол, на конце хвоста – серия мелких косичек. В целом кони детализированы более, нежели их хозяева, и это было вполне обычно для традиционного сознания мужчин-воинов в кочевой Степи до недавних пор¹³.

На первый взгляд, подобный перечень сюжетов (как и отдельные мотивы изображений) представляет собой сегодня *неразрешимый ребус* для специалистов. Отчего здесь, в краю, где нет ни одной пресной реки, а море сегодня плещется весьма далеко от этих мест, так часто гравировались рыбы разных видов (которых кочевники обычно не слишком жаловали как пищу) и почему они часто как бы плавают среди копытных? Тот же вопрос может касаться и одиночной ползущей змеи (их в окрестной пустыне, напротив, много, но им номады в своем искусстве очень редко уделяли внимание). Странно выглядит и «классический» лабиринт, практически неизвестный в искусстве ранних кочевников Евразии. Для чего здесь нужно стоящее вертикально знамя (при этом без хозяина, но с конем), как и знамя в руках у въезжающего в лабиринт всадника?

Однако я настроен оптимистично относительно выявления логики этих сюжетов и самого их набора. Учитывая сармато-аланский характер значительной части личных тамг поздних посетителей храма, мы можем вполне уверенно использовать для реконструкции круга сюжетов представления о смерти, погребальной и поминальной обрядности и посмертном существовании, которые сохранялись еще на рубеже XIX–XX вв. в архаичной алано-осетинской языческой традиции в Центральном Предкавказье. Во многих случаях надежно установлена прямая преемственность погребально-поминальной обрядности за две тысячи лет от сарматов к языческим осетинам¹⁴.

Прежде всего, две изображенных *повозки* здесь, в предполагаемом месте почитания предков, ассоциировались, вероятно, с доставкой умерших в иной мир, как это было характерно и для греко-сарматских могил боспорского Пантикапея (там сами хранилища пепла умерших во II–III вв. были подчас оформлены как скульптурные изображения сарматских кибиток); см. также ее изображение на надгробии из сильно сарматизованного Танаиса того же времени¹⁵. В нашем случае такая повозка каждый раз сопровождается фигурой лежащих 1–2 умерших. *Стоящий конь*, помеченный тамгой, с уздечкой, но без седла, рядом с воткнутым знаменем, также хорошо вписывается в соответствующие алано-осетинские ритуалы. Думается, речь идет о знаменитом символическом обряде посвящения коня покойному «бахфалдесун»¹⁶. То, что уздечка коня натянута откуда-то сверху, от невидимого нам хозяина, тоже, возможно, связано с этим ритуалом. Воткнутое рядом с конем *знамя*, видимо, является не менее знаменитым поминальным знаменем «сау тырыса» (его помещение, наряду со свадебным, в погребения зафиксировано нами в «царском» кургане I в. н. э. Дачи у г. Азова)¹⁷. Его же, думается, мы видим в руках въезжающего в лабиринт всадника. Миниатюрное изображение похожего знамени есть и среди гравировок посетителей во внутреннем дворе храма на участке 1 (оно частично перекрыто более поздними тамгами) (рис. 2, 2). Изображение рядом с погребальной повозкой *ползущей змеи*, вероятно, связано с одним из самых популярных в алано-осетинском языке представлений о том, что только змеи умеют находить падающую, якобы, изредка с неба волшебную «бусину счастья», которая умеет оживлять (в том числе и на время) умершего в могиле. Человеку остается лишь отнять такую бусину (которая после своего волшебного применения бесследно исчезает)¹⁸. Интересно, что единственное изображение змеи (рис. 1, 3) имеет по краям (со стороны головы и хвоста) по две тамги (правая из них

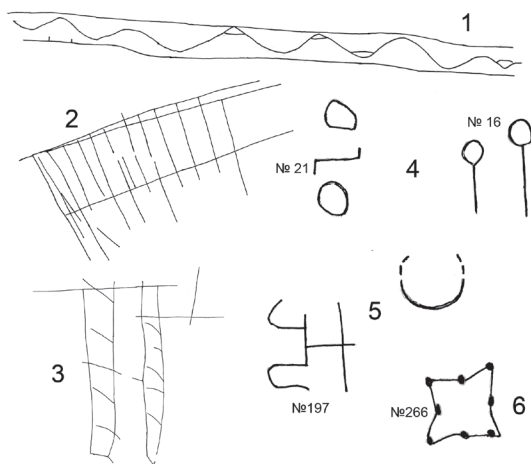

Рис. 3

плохо читается, но остальные три встречены *и в других* частях храма, то есть знаки нанесены неоднократно посетителями). Относительно *охоты лучника на копытное* (в т. ч. в степи) вспомним, что в алано-осетинском эпосе это – один основных способов попадания героя в иной мир (чаще – подводный)¹⁹.

Наличие большого числа образов разных *рыб* (универсальных маркеров нижнего мира во многих культурах) в нашем случае объяснить, на первый взгляд, просто. Ведь до заметного усыхания Каспия в 1950 г. святилище Байте располагалась всего в 25 км от моря, у залива Кайдак. Кроме того, еще на рубеже XIX–XX вв. этнографы отмечали необычно большую роль рыбного рациона именно у тех кочевых групп, чьи зимники находились вдоль восточного пустынного берега Каспия²⁰. Мне представляется важным и тот факт, что в архаичном праздничном языческом календаре осетин важный праздник водных божеств «Доныскъæфæн» традиционно был увязан и шел непосредственно перед еще более важным днем всеобщего поминовения мертвых «Мæрдты бадаен»²¹. Образы рыб еще в скифское время широко бытовали на металлических изделиях соседнего Южного Зауралья, часть из которых имела не бытовое значение (особые сосуды и др.)²². У входа в байтинский храм рыбы представлены только в двух, достаточно своеобразных, ипостасях. Во-первых, когда копытное (олень или конь) почему-то сопровождается плывущей перед ними или выше их небольшой рыбой

(скорее всего это символизирует преодоление водной преграды, но какой? ведь рек в регионе нет, а в море копытные не плавают) (рис. 2, 1, 3). Во-вторых, рыбы представлены как поглощающие существа, убийцы. Это огромная рыба с широко разинутой пастью (рис. 2, 4)²³ или также крупная рыба, преследующая мелкую (рис. 2, 5). Таким же монстром, видимо, выглядела крупная рыба, представленная вертикально (для ее изображения пришлось использовать три смежные плиты) (рис. 2, 6).

Что касается изображения *лабиринта* (традиционно связываемого с попаданием в иной мир), то единственное для ранних кочевников Евразии его изображение встречено... у тех же сарматов, причем поблизости (к северу) от края Устюрта – на скале в местности Телеубулак, у р. Жем (дальнего южного притока р. Урал)²⁴. Лабиринты такой формы позже известны у средневековых аланов в IX–X вв. (петроглифы практически лишнего жилых комплексов нижнего Кяфарского городища) и встречаются в искусстве потомков сармато-аланов – осетин до XIX в.²⁵ В лабиринте скрывается выходец из нижнего мира Сырдон в осетинском эпосе...

У входа в храм была обнаружена серия из 16 *знаков-тамг* 13 типов (принадлежавших разным кланам посетителей). Часть из них не сопровождала сюжетные композиции, а располагалась отдельно, на особых плитах (рис. 3, 4–6). Создается впечатление, что каждая «наиболее ответственная» сюжетная композиция ухода в храм (с включением людей или знамен) была создана представителями определенного клана/семьи и *обязательно* помещалась клановой тамгой (это необычно для сюнну-сарматской эпохи кочевого мира). Так, все сцены с антропоморфными персонажами сопровождаются, как минимум, одной родовой эмблемой-тамгой, в одних случаях находится слева от основного объекта, в других (на предполагаемых изображениях умерших) – над и под их фигурами.

Сами типы тамг и их размещение здесь тоже довольно информативны. Прежде всего, знак № 11 известен из многочисленных скоплений на территории храма только здесь, у входа. Он представлен не только у фигуры въезжающего в лабиринт (рис. 1, 1), но и дважды на отдельной плите (рис. 3, 4) как маркер участия двух представителей того же клана в важном ритуале; скорее всего, эти знаки имеют прямое отношение к сцене с лабиринтом и гравированы для поминовения одного и того же человека. Не менее интересен для нас знак № 31 (“А”), который маркирует здесь две важные сцены – с одной из повозок и коня со знаменем (рис. 1, 3; 2, 1). Этот знак встречен еще раз, но вне храма – на одной из стоявших

дугой 35 каменных статуй воинов. Третья любопытная для нас тамга № 142 (“h”) изображена в композиции с упомянутой повозкой и вторично также представлена на статуе воина (его изваяние – единственное, оказавшееся *внутри* храмового двора, видимо, при сооружении впускного погребения знатного воина, вскоре ограбленного; она найдена в грабительском лазе).

Итак, мы можем с высокой долей вероятности утверждать, что небольшое скопление поздних (около рубежа н. э.) изображений у внешнего входа в кочевнический храм Байте III отражало (в соответствии и с первоначальным назначением всего святилища) комплекс сармато-аланских представлений о погребально-поминальной обрядности (посвящение коня умершему; особое поминальное знамя; две подготовленные к дальней поездке повозки и один-два умерших рядом; змея с вероятной оживляющей «бусиной счастья»; всадник, собирающийся въехать в лабиринт; вероятная сцена «волшебной охоты» лучника). Эти изображения сделаны разными посетителями и с разной степенью мастерства и реализма, они не образовывали единой продуманной композиции. Вместе с тем специфические, неоднократно повторяющиеся общие черты в оформлении сходных животных (водных, лошадей, диких копытных), «движение» всех персонажей вправо – к входу в храм и другие детали – говорят нам о едином круге представлений, отразившихся в происходивших здесь ритуалах, которым руководствовались сарматские посетители.

Примечания

- ¹ *Савельев Н.С.* Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных находок») // К.Ф. Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 241–252.
- ² См., например, *Соломоник Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР, 1959. № 43. С. 57–58; *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. Рис. 12–13.
- ³ *Семенов В.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В.* Изображения на плитах тагарских курганов. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2003. Табл. 2–64.
- ⁴ См. из последних публикаций: *Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г.* Храм-святилище Кызылуийк. Астана: ТОО «Археология», 2011.

- ⁵ См, прежде всего, рукопись: *Ольховский В.С.* Отчет о работе Устьюртского отряда Западно-Казахстанской экспедиции Института археологии Министерства науки и высшего образования РК в 1998 году // Архив Мангистауского государственного историко-культурного заповедника. Актау. № КП-561/1.
- ⁶ *Никонов А.А., Ольховский В.С.* О признаках разрушительных сейсмических воздействий на археологических памятниках Западного Устьюрта // Археология, полеоэкология и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000. С. 50–54.
- ⁷ *Яценко С.А.* Китай, Фергана, Кангюй и сарматы в торговле рубежа н. э. – середины III в. н. э. // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Материалы XII международной археологической студентов и аспирантов. Ростов-н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017. С. 266–267; *Яценко С.А.* Знаки ранних кочевников плато Устьюрт // Семейные, клановые и племенные эмблемы в контексте культуры древней и средневековой Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ ЮНЕСКО, 2018 (в печати).
- ⁸ См, например: *Соломоник Э.И.* Сарматские знаки... № 52а.
- ⁹ Данная работа стала возможна благодаря помощи А.Е. Астафьева (г. Актау), сделавшего серию качественных цветных фото этих плит в 2007 г., когда сам храм уже был вновь засыпан «для сохранности» (в 2000 г.), но все отдельные плиты с гравировками, упавшие со стен после второго (?) землетрясения, не засыпались, а были доступны обозрению. Эти фото были любезно предоставлены в августе 2017 г.
- ¹⁰ Ср.: *Попова Е.А.* О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы // Вестник древней истории. 1984. № 1. С. 129–145. Рис. на с. 130.
- ¹¹ *Яценко С.А.* Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I–III вв. н. э. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. Вып. 6. С. 42–43.
- ¹² По мнению раскопщика Байте III В.С. Ольховского, это щука и карась, см.: *Ольховский В.С.* Отчет о работе... С. 30.
- ¹³ См., например: *Липец Р.С.* Образ батыра и его коня в тюркско-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. С. 124–241.
- ¹⁴ См., например: *Яценко С.А.* Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // Российская археология. 1998. № 3. С. 67–74.
- ¹⁵ *Яценко С.А.* Изображения аланских кочевых кибиток в погребальном ритуале боспорских городов I–III вв. н. э. // Боспорский сборник. 1994. Вып. 4. М.: Ин-т археологии РАН. Рис. 1–2. То же относится и к реальной, но более древней повозке, помещенной в курган 5 Пазырыка в российском Алтае, IV–III вв. до н. э. См.: *Горячев А.А., Яценко С.А., Егорова Т.А.* Костяная пластина с гравированной композицией из поселения раннего железного века Кызылбулак-4 в верховьях ущелья Турген // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы: Ин-т археологии им А.Х. Маргулана, 2016. С. 638. Рис. 4.

- ¹⁶ *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч. 1 // Уч. Записки МГУ. Отдел историко-филологический. 1881. Вып. 1. М. С. 132–133.
- ¹⁷ *Yatsenko S.A.* Archaeological Complex with Extremely Early Banners Found in the Territory of the Former USSR (End of the I and Beginning of II Centuries AD) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2001. Vol. 7 (1). P. 45–54.
- ¹⁸ См., например: *Яценко С.А.* Некоторые проблемы археологического изучения погребальной обрядности // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 41.
- ¹⁹ См. сюжеты «волшебной охоты» Ахсартага или Сослана на копытное, которое оказывается богиней, увлекающей героя в иной мир: *Яценко С.А.* О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов // Проблемы этнографии осетин. 1992. Вып. 2. С. 77.
- ²⁰ См.: *Карутиц Р.* Среди киргизов и турменов на Мангышлаке. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриен, 1911.
- ²¹ См.: *Уарзиаты В.С.* Праздничный мир осетин. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 45–46. Замечу, что в наиболее архаичных пластах осетинского нартского эпоса многие главные герои живут или путешествуют на дне моря; они сами отчасти – потомки подводного царя; у осетин, веками замкнутых в высоких горах, парадоксально сохранились особые термины для таких морских животных, как дельфин и т. п. См.: *Дзицойты Ю.А.* Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартском эпосе. Владикавказ: Алания, 1992. С. 134–137.
- ²² *Королькова Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.) СПб., 2006. С. 37. Табл. 1.
- ²³ Интересно, что эта рыба-монстр сплошь заштрихована («убита»?) поперечными вертикальными полосами, подобно знамени на участке 1 стен дворика (перед тем, как поверх него стали наносить более поздние тамги люди иной культуры) (рис. 2, 2, 4).
- ²⁴ *Самашев З.С.* Петроглифы Казахстана. Алматы: Өнер, 2006. Рис. на с. 117.
- ²⁵ См., например: *Аржанцева И.А., Албегова З.Х.* Культовые камни Кяфарского городища // Древности Северного Кавказа. М.: Наука, 1999. С. 183–200; *Тменов В.Х.* Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: СОИГИ, 2005. Рис. 76, 3.

Функциональные особенности современного кинотеатрального трейлера

В статье рассматривается изменение функций современного кинотеатрального трейлера и раскрываются их причины. Данные изменения демонстрируются на примере типовых кинотеатральных трейлеров к фильмам различных жанров, выпущенных в три временных периода – «классический», «переходный» и «современный». Доказывается, что трейлер и способы его воздействия на зрителя подверглись существенным изменениям в контексте современной экранной культуры. Как следствие ключевая функция трейлера на протяжении этих периодов также претерпела существенные изменения.

Ключевые слова: трейлер, кино, фильм, функция, зритель, экранная культура.

В настоящее время трейлеры к кинофильмам являются главным информационным источником, ознакомившись с которым зритель принимает решение о походе в кино и просмотре того или иного фильма. На данный момент не существует ни одного другого, более универсального элемента экранной культуры, который мог бы в столь доступной, сжатой и увлекательной форме донести до массовой зрительской аудитории информацию о выходе и содержании кинокартины и повлиять на принятие решения о просмотре потенциальным зрителем¹. Являясь частью рекламной кампании по продвижению фильма на кинорынке, трейлер остается вполне самостоятельной художественной единицей с характерным набором функций. Базовой функцией трейлера является доведение до зрителя информации о выходящей на экран картине и пробуждение у него интереса и желания посмотреть анонсируемый кинофильм².

Значительная часть основательных исследований, посвященных трейлерам как зарубежных, так и отечественных авторов, были опубликованы в начале 2000-х гг. По очевидным причинам в этих научных работах не могли рассматриваться изменения, произошедшие с кинотеатральным трейлером за последние пятнадцать лет. В данной статье мы постараемся восполнить этот пробел и на примере современных кинотеатральных трейлеров покажем преемственность изменений, продолжающих происходить в осуществляемых функциях.

Объектом нашего исследования выступает кинотеатральный трейлер в контексте современной экранной культуры. Предметом исследования являются функциональные особенности современного кинотеатрального трейлера. Цель работы состоит в том, чтобы показать, какие изменения произошли в функциях современного кинотеатрального трейлера.

Для достижения указанной цели нами поставлены следующие задачи:

- определить причины, которые привели к переменам в функциональных особенностях трейлеров;
- показать, какие именно изменения произошли в выполняемых кинотеатральным трейлером функциях.

Исследование основано на изучении кинотеатральных трейлеров различных жанров производства США, выпущенных в 1920–2000 гг. Для выделения типов трейлеров, характерных для каждой эпохи, мы будем пользоваться хронологической конструкцией, предложенной американской исследовательницей Лизой Кернан.

В своей диссертационной работе Лиза Кернан условно разделила все трейлеры на три группы³ по временным периодам:

1) «Классические» трейлеры 1927–1950 гг. – период с момента появления звука в кино до момента распада голливудской студийной системы.

2) «Переходные» трейлеры 1950–1975 гг. – период, предшествовавший возникновению эры Нового Голливуда.

3) «Современные», выпущенные в 1975–2000 гг., – период, условно начавшийся с выхода на экраны кинофильма «Челюсти» (Jaws, 1975), запустив эру «летних блокбастеров».

Одной из первостепенных задач трейлера является привлечение зрителя в кинотеатр на просмотр фильма. Это та базовая функция, что объединяет между собой все трейлеры. В рамках данной хронологии мы сможем проследить вариативность данной функции при переходе от одного периода к другому. Для этого нам потребуется рассмотреть структурные особенности трейлеров,

выпущенных к кинокартинам того времени. Также мы отметим их характерные черты и определим методы и приемы, которые трейлеры разных эпох использовали для привлечения зрителя в кинотеатр.

Для трейлеров классической эры (1927–1950) характерной чертой является подача зрителю ключевых особенностей фильма с упором на их размах, качество, увлекательность и исключительность. Преувеличенные особенности анонсируемой кинокартины, жанровая принадлежность и задействованные в фильме звезды – вот ключевые элементы, на которых акцентируется внимание зрителя. При этом сюжет картины подается не в структурированном виде, а «грубыми мазками». Внимание зрителя фокусируется на определенных эпизодах, содержание которых (вместе с проигрыванием видеоряда из этой сцены) озвучивается закадровым голосом рассказчика. Из набора таких коротких сцен можно усвоить лишь общую суть происходящего, но нельзя составить цепь демонстрируемых сюжетных событий в хронологическом порядке. Примечательно, что сам по себе сюжет фильма в качестве нарратива не является ключевым пунктом анонса. Это можно наглядно проследить на примере следующих трейлеров к трем широко известным картинам того времени: «Унесенные ветром» (*Gone With the Wind*, 1939), «Гражданин Кейн» (*Citizen Kane*, 1941) и «Касабланка» (*Casablanca*, 1942).

Все эти трейлеры построены по классической структуре, которая имеет следующий вид:

- 1) Вводные текстовые титры и/или название фильма.
- 2) Экспозиция – нарезка разрозненных сцен из картины с демонстрацией актеров, позволяющая определить жанровую принадлежность фильма и общую суть происходящего, сопровождается закадровым голосом.

3) Закрывающие текстовые титры и название фильма.

Трейлеры этой эпохи никоим образом не напоминают «мини-фильм» или небольшую цельную историю, в которой пересказывается сюжет полнометражной картины (к чему мы привыкли в наши дни). Трейлер того времени – это анонс, в котором зрителю обозначают жанр картины, выделяют имена ведущих актеров и режиссера, а также в голословной манере подают положительные качества кинокартины («самый лучший в мире фильм», «самая потрясающая на свете история», «самый захватывающий сюжет», «вы никогда такого не видели и будете в восторге»). Пользуясь такими приемами, трейлеры апеллировали к как можно более широкой и разнообразной (как в плане возрастного, так и полового состава)

зрительской аудитории. Трейлер пытался убедить зрителя, что в анонсируемом фильме любой человек сможет найти для себя что-то интересное и что никто не останется разочарованным.

Перейдем к трейлерам второго периода (1950–1975). Помимо акцентов, которые присутствовали в трейлерах из прошлой эры, характерной особенностью этих трейлеров является фокусирование внимания зрителя на новых технологиях, использовавшихся при производстве фильма. В частности, среди подобных технических новшеств можно выделить: использование в кинотеатрах стереозвука, внедрение формата объемных стереофильмов (так называемое «3D»), установка широкоэкранных систем «VistaVision» и «CinemaScope», массовое применение цветной технологии «Technicolor» и т. д. Отчасти такое активное использование разного рода технических нововведений было связано с тем, что по сравнению с прошлыми десятилетиями интерес зрителей к кинематографу начал стремительно угасать. Телевидение стало более доступным для рядового потребителя и предложило гражданам не только новый, более комфортный вид досуга, но вместе с тем и новый формат развлечения – телевизионные сериалы. Поэтому для поддержания конкурентоспособности киноиндустрии приходилось придумывать и внедрять аудиовизуальные технические новшества, которые зритель смог бы ощутить и испытать только в кинотеатре. Такие исключительные особенности кинокартин должны были заставить зрителя выключить телевизор, выйти из дома и приехать на сеанс в кинотеатр.

В этот период на американские экраны выходит целый ряд эпических картин, среди которых можно отметить «Мост через реку Квай» (*The Bridge On The River Kwai*, 1957), «Бен-Гур» (*Ben-Hur*, 1959), «Спартак» (*Spartacus*, 1960), «Лоуренс Аравийский» (*Lawrence Of Arabia*, 1962) и другие. Для всех трейлеров к этим фильмам характерен схожий с классическим периодом подход к компоновке киноматериала и его монтажу, все заявленные преимущества и особенности картины выражаются с помощью текстовых вставок, а также дублируются закадровым голосом. Несмотря на разную жанровую принадлежность этих картин, трейлеры по-прежнему в основном акцентируют внимание зрителя на тех элементах, которые перекочевали из предыдущей эпохи: актерский состав, жанровая принадлежность картины, а также демонстрация исключительности фильма, без заострения внимания на сюжете. Кроме этого, теперь для привлечения внимания зрителя активно рекламируются использовавшиеся при производстве картины технические новшества. Это можно проследить на примере трейлеров к таким фильмам, как «Африканская

королева» (The African Queen, 1951), «Дом восковых фигур» (House Of Wax, 1953) и «20 000 лье под водой» (20,000 Leagues Under The Sea, 1954). Трейлеры «переходной» эры не только анонсировали выход кинокартины, но и преподносили сам процесс похода в кино как некое масштабное событие, исключительно важное для всех и каждого, которое ни в коем случае нельзя пропускать. Таким образом, подобные трейлеры продолжали следовать стратегии, нацеленной на привлечение как можно более широкой аудитории в залы кинотеатров, независимо от ее состава.

Но подобный подход к созданию трейлеров и продвижению кинокартин уже не отвечал требованиям времени и начинал утрачивать свою эффективность. В ответ на сокращение кинотеатральной зрительской аудитории, которую активно перехватывало телевидение, киностудии стали более широко проводить маркетинговые исследования и использовать их результаты в своей работе. Как следствие рекламные кампании со временем стали чаще ориентироваться под четко определенную прослойку зрителей, подстраивая продвижение фильма конкретно под них. Несмотря на такую тенденцию, кинотеатральный трейлер в целом сохранял в себе признаки «универсального трейлера» и сохранял функцию привлекать в кинотеатр как можно более диверсифицированную аудиторию⁴.

Одновременно с этим начали проводиться смелые эксперименты с форматом трейлера. К примеру – трейлер фильма «Психо» (Psycho, 1960), в котором режиссер картины Альфред Хичкок на протяжении семи минут лично проводит зрителю экскурсию по тем местам, где разворачивается основное действие картины, попутно поясняя и частично раскрывая завязку и сюжет фильма. В схожей манере выполнен и специальный трейлер к фильму «Десять заповедей» (The Ten Commandments, 1956), в котором режиссер Сесил Демилль на протяжении десяти минут просвещает аудиторию о событиях, отображенных в этом религиозном эпике.

В качестве противоположного примера можно привести трейлер к фильму Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав» (Dr. Strangelove or: How I Learned to Stop Worrying and Love the Bomb, 1964). Он сломал все устоявшиеся на тот момент шаблоны по производству трейлеров и послужил предшественником современных трейлеров с их быстрым, клиповым монтажом. «Скорость» монтажа этого трейлера составляет 136 монтажных склеек в минуту⁵. Для сравнения, у трейлера к фильму «Мост через реку Квай» она составляет 13, а у «Лоуренса Аравийского» – 14 склеек в минуту. Создателем этого трейлера, ответственным за революцию в жанре был графический дизайнер Пабло Ферро. Впоследствии он в схожей манере

сделал трейлер к еще одному фильму Кубрика «Заводной апельсин» (*A Clockwork Orange*, 1975).

В трейлерах 1975–2000 гг. заметен отход от принципов, устоявшихся за два предшествующих временных периода. Ранее сюжет в трейлерах формировался в виде сцен, не связанных между собой хронологически, а монтаж материала был представлен таким образом, чтобы акцентировать внимание на актерах, именитом режиссере или литературном источнике, послужившим основой для сценария. Теперь основной упор делался на сюжетную составляющую, и зрителю показывали больше сцен, связанных между собой хронологически. Немецкий исследователь Винценз Хедигер для обозначения подобных трейлеров предлагает специальный термин, который можно перевести с немецкого как «трейлер на две трети» («*zweidritteltrailer*»). Винценз Хедигер использует его в своей работе, посвященной ранним трейлерам, и под этим термином он подразумевает те трейлеры, которые раскрывают зрителю примерно две трети от сюжета кинокартины, оставляя «за кадром» лишь финальный акт⁶. В качестве трейлера, идеально подпадающего под такое определение, Винценз Хедигер приводит трейлер к фильму «Храброе сердце» (*Braveheart*, 1995)⁷. В нем демонстрируется вся сюжетная линия фильма в хронологическом порядке, за исключением финального, третьего акта. Детально раскрывающие сюжет фильма трейлеры встречались и ранее. Например, в трейлере фильма «Кэрри» (*Carrie*, 1976) зрителю в общих чертах рассказывается не только о завязке и главных действующих лицах, но и практически обо всех основных сюжетных поворотах кинокартины. Поскольку закадровый текст сопровождается визуальными образами, то у зрителя складывается впечатление, что ему не только показали, но и кратко пересказали весь сюжет фильма.

В трейлерах производства США на протяжении десятилетий закадровая речь активно использовалась для пояснения сюжета и, преимущественно, выделения различных достоинств анонсируемой картины. Однако в середине 2000-х гг. с закадровой озвучкой, а вместе с ней и с самим форматом трейлера произошла качественная перемена. После смерти двух самых знаменитых американских актеров озвучивания трейлеров – Дона Лафонтейна в 2008 г. и Хэла Дугласа в 2014 г., которые выполняли эту работу на протяжении нескольких десятков лет, создатели трейлеров практически полностью отказались от классической закадровой озвучки. По словам Марка Вуллена – руководителя компании «*Mark Woollen & Associates*» (далее – MWA), являющейся одной из самых успешных американских фирм, производящей трейлеры к «оскароносным» голливудским кинокартинам, это было связано не только напрямую

со смертью актеров, но и с общим изменением зрительского восприятия трейлеров к тому моменту. Монтаж трейлеров становился «быстрее», зрительская аудитория была готова к изменениям, и все это позволяло создателям трейлеров экспериментировать с форматом и совершенствовать его*. На замену закадрового голоса пришел звуковой монтаж фраз и реплик, произносимых персонажами в картине (ранее такой подход тоже периодически использовался, но, как правило, он был совмещен с закадровым голосом рассказчика). Результатом использования данного подхода стала необходимость делать повествование внутри трейлера более структурированным, похожим на цельную историю. Персонажи фильма посредством монтажа и компоновки их реплик общаются между собой на протяжении всего трейлера и через это вербально доносят до зрителя сюжет и раскрывают мотивацию и характеры.

В современных трейлерах (2000–2016) к кинокартинам принцип, при котором раскрывается две трети сюжета фильма, укоренился и развился. Особенно хорошо это прослеживается на примере крупнобюджетных голливудских кинокартин, так называемых фильмов-блокбастеров. Бюджеты этих картин могут превышать 300 миллионов долларов и при продвижении таких крупнобюджетных фильмов студии стараются устранить как можно больше рисков. В результате такого тщательно продуманного и осторожного подхода к продвижению фильма на кинорынке в настоящее время выкристаллизовался и занял прочную позицию прием с подробным раскрытием сюжета кинофильма.

Руководитель MWA Марк Вуллен в ряде интервью озвучивал причины, побудившие киностудии использовать такой подход. Он сообщал, что проводимые крупными киностудиями специальные социологические исследования и тестовые показы уверенно демонстрируют, что многие зрители (особенно старшее поколение) предпочитают иметь как можно более полное представление о том, какую именно историю им будут показывать. И чем больше они знают о сюжете предлагаемой им к просмотру кинокартины, тем больше шансов, что они примут решение о просмотре и пойдут на нее в кино⁹. Также в документальном фильме о трейлерах «Предстоящие развлечения: история кинотеатрального трейлера» исследователем Винчензом Хедигером приводятся слова Эндрю Дж. Кьюна – одного из самых известных создателей трейлеров в американской киноиндустрии, сказанные им по тому же поводу: «В классический период перед трейлером стояла задача завлечь в

* Из личной беседы с Марком Вулленом, состоявшейся 03.05.2016 г.

кинотеатр любого зрителя. Теперь у трейлера появилась дополнительная цель: он должен завлечь аудиторию на сеанс, но он также должен суметь удержать от просмотра тех, на кого данный фильм не рассчитан. Трейлеры, по сути, должны отпугнуть ту часть аудитории, который этот фильм может не понравиться»¹⁰.

Одним из наиболее простых и эффективных способов осуществления такой политики является раскрытие сюжета фильма. Это делается для того, чтобы минимизировать вероятность распространения негативного «сарафанного радио» в первые дни после выхода картины в прокат. Если в премьерные даты картину посмотрят преимущественно те, кому она интересна, то негативных отзывов будет гораздо меньше. И наоборот, если на показы придут в основном те, кто данным жанром не интересуются или их мало привлекает данный сюжет, то поток негативных зрительских отзывов после премьеры может отрицательно сказаться на успехе фильма. Именно поэтому более полное раскрытие сюжета помогает зрителю окончательно определиться – хочет он смотреть эту картину или нет. Если ему понравился трейлер и в нем достоверно отображено содержание фильма, то шансы, что зритель будет разочарован полнометражной лентой гораздо меньше, чем если бы он был мало осведомлен о содержании картины и был в курсе только ключевых особенностей картины, как это было в старых трейлерах.

Подводя итог, можно сказать, что за свою столетнюю историю существования трейлеры прошли через ряд перемен под воздействием как внешних, так и внутренних обстоятельств. И хотя трейлер не утратил свою ключевую функцию, принципы его функционирования и вариативность воздействия его конструкции на зрителя в контексте современной экранной культуры подверглись существенным изменениям. Мы показали, что в трейлерах классического периода достоинства фильма оформлялись и обозначались в грандиозных, гипертрофированных тонах. Фильм объявлялся наилучшим, самым увлекательным и обязательно заслуживающим всеобщего внимания. В функциональные задачи трейлеров того времени, исходя из того как репрезентировалось происходящее в картине, не входило тщательное пояснение сюжетной линии. Акценты расставлялись «крупными мазками», и трейлер старался привлечь в кинотеатр как можно больше зрителей, вне зависимости от их полового и возрастного состава. Кинокартины анонсировались таким образом, чтобы выявить в них что-то интересное для любого сегмента зрительской аудитории.

В современных трейлерах раскрывается значительная часть сюжета анонсируемой кинокартины, поясняются мотивы действий

персонажей, их характеры, обозначаются проблемы и конфликты, которые предстоит разрешить героям фильма. Современный трейлер не ставит своей целью завлечь на просмотр слишком разнообразную, разнородную аудиторию. Постановка задачи изменилась, скорректировалась: необходимо привлечь на сеанс как можно более широкую аудиторию, но состоящую из тех, кому подобное кино будет гарантированно интересно. Именно поэтому в трейлере детально раскрывают сюжет картины. Зритель не хочет быть разочарован, и если он заинтересовался фильмом, то пойдет его смотреть, даже будучи в курсе значительной части сюжета. Так как в фильме он увидит тот же материал, который ему демонстрировался в трейлере, то он не должен будет иметь неоправданных ожиданий после просмотра.

Зрители, которых такой сюжет не заинтересовал, просто игнорируют фильм и не пойдут на просмотр. Таким образом киностудия сможет избежать или минимизировать эффект негативного «сарафанного радио» в первые дни после премьеры картины. Таким образом, к функциям современного кинотеатрального трейлера добавилась дополнительная – «отгалкивать» тех зрителей, которым данное кино может не понравиться. В этом и заключается одно из ключевых функциональных изменений трейлера в наши дни.

Примечания

- ¹ *Hediger V.* Verführung zum Film. Der amerikanische Kinotrailer seit 1912. Schüren, 2001. S. 13.
- ² *Плотникова К.А.* Языковые средства выражения коммуникативно-прагматической направленности в трейлерах // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ» 2015. Том 6. № 4. С. 572–581.
- ³ *Kernan L.D.* Coming attraction: reading American movie trailers. Texas: University of Texas Press, 2004. P. 33.
- ⁴ *Kernan L.D.* A Cinema of Coming Attractions. The Rhetoric of American Movie Trailers. Ph.D. Dissertation, UCLA, Los Angeles, 2000. P. 10.
- ⁵ *Palmer К.М.* Movie Trailers Are Getting Insanely Fast. Trust Us, We Counted the Cuts. [Электронный ресурс] // Wired. URL: <http://www.wired.com/2013/06/online-trailers-cuts/> (дата обращения: 28.06.2016).
- ⁶ *Hediger V.* Op. cit. P. 41.
- ⁷ *Hediger V.* Ibid. P. 216.
- ⁸ *Davies D., Gross T., Woollen M.* How The Man Behind The Trailers Sparks An Urge To See A Movie [Электронный ресурс] // National Public Radio. URL: <http://www.npr.org/2015/02/23/388481464/how-the-man-behind-the-trailers-sparks-an-urge-to-see-a-movie> (дата обращения: 28.06.2016).
- ⁹ *Netburn S., Greene F.L., Shapiro M.J., Osborne R., Workman Ch.* Coming Attractions: The History of the Movie Trailer (DVD). Laguna Beach, CA: Andrew J. Kuehn Jr. Foundation, 2005.

Сторителлинг о «реальных преступлениях» в аудио-подкастах: способы взаимодействия авторов и аудитории

Статья рассматривает воплощение жанра «реальное преступление» (англ. true crime) в цифровых медиа на материале развлекательного аудио-подкаста «Мое любимое убийство» (США, 2016 – наст. вр.). В тексте представлен анализ подхода авторов подкаста к повествованию о реальных преступлениях, проведенный с целью ответить на вопрос: какие возможности предоставляют аудио-подкасты для взаимодействия авторов нарративов в жанре «реальное преступление» и их аудитории? Исследование опирается на теорию Генри Дженкинса об партиципаторной культуре (или «культуре соучастия»). Независимый статус ведущих подкаста и их саморепрезентация как фанатов жанра «реальное преступление» позволяют им участвовать в циркуляции и производстве популярной культуры, строить виртуальное сообщество единомышленников.

Ключевые слова: цифровой сторителлинг, аудио-подкаст, «реальное преступление», партиципаторная культура, фанатские практики, виртуальные сообщества.

В современной медиакультуре устоявшиеся жанры могут обрести новые формы, адаптируясь к развитию технологий и возникающим потребностям аудитории. На протяжении истории тема преступления обыгрывалась в криминальном романе, детективе, романе о тайне, а также в жанре «реальное преступление» (англ. true crime). Эта формулировка для обозначения историй, повествующих о реально произошедших преступлениях, появилась в XX в. Американские писатели Эдмунд Пирсон и, позднее, Труман Капоте поспособствовали «фиксации» жанра в литературном искусстве. В XX в. тема преступления закрепились в кино,

а по мере дальнейшего развития средств массовой информации распространилось на радио и на телевидение. Помимо основанных на вымысле вестернов, фильмов «нуар» и детективов, популярностью пользовались и истории о реально произошедших преступлениях. Сегодня существуют даже кабельные каналы, целиком посвященные фильмам и телепрограммам в жанре «реальное преступление», например “Investigation Discovery”.

С XX в. продукцию жанра «реальное преступление» принято разделять по критерию качества на две группы: сенсационные нарративы, «смакующие безвкусные и неприятные аспекты реальной жизни»¹, характеризующиеся как «низкая» форма развлечения, и высококлассные (англ. up-market) «тексты» (биографии преступников, «качественные» документальные фильмы и сериалы), исследующие психологию преступника и (или) проблемы общества². Нарративы второго типа часто подвергают критическому анализу проведенное расследование преступления, функционируя как «форумы для исследования... публичной озабоченности по поводу... эффективности системы правосудия»³. Повествование о реальном преступлении в целом отграничивает себя от других нарративов о криминале и насилии на основании отсылок к реальным событиям. Однако «реальное» в этих историях предстает перед реципиентом в многократно опосредованном виде. Книжки, фильмы, телепрограммы в жанре «реальное преступление» оформляют информацию о произошедших событиях, следуя конвенциям художественных нарративов о преступлениях⁴, превращая данные (data) в захватывающие истории.

В современной культуре преобладающим способом оформления и распространения информации является цифровой сторителлинг – «рассказывание историй при помощи цифровых технологий»⁵. Они включают компьютерные программы, позволяющие создавать изображения, видео, аудио, тексты и файлы, совмещающие в себе несколько типов контента. Технологии производства и распространения медиа могут отличаться различными уровнями сложности, но большая их часть доступна для освоения любому пользователю. Цифровой сторителлинг применяется в целях продвижения товаров, образования и информирования, самовыражения, а также развлечения аудитории.

К 2010-м гг. одной из популярных платформ для цифрового сторителлинга на различные темы: религия, музыка, комедия, кино и телевидение, литература, спорт, политика, развитие технологий и др. – стали подкасты. «Подкаст»⁶ обозначает как отдельный «цифровой аудио-файл, доступный для загрузки из Интернета на

компьютер или мобильное устройство», так и серийно выпускаемую аудио-программу, подписавшись на которую, пользователь может автоматически получать новые файлы на свои электронные устройства⁷. Подкасты наделяют потребителя более активной позицией: он(а) может самостоятельно определять время, место, порядок прослушивания аудио-файлов, вписать его в свой повседневный опыт. Подкасты распространяются при помощи автоматически обновляемых новостных лент (RSS (англ. Really Simple Syndication – «очень простое распространение»)). Поэтому этот медиум привлек крупные радиовещательные корпорации, желавшие «по-новому достигать слушателей»⁸. В то же время производство подкастов доступно для всех, не требует специального образования. Это позволяет включить их, наряду с социальными сетями, в число новых цифровых инструментов, предоставляющих обычным людям средства для участия в создании их культуры⁹.

Поскольку технология создания и распространения подкастов никому не принадлежит, их создатели могут «исследовать темы, форматы, длительности и подходы, которые не могли бы реализоваться на традиционном радио»¹⁰. С этим связано широкое разнообразие форм, которое могут принимать подкасты. Оно позволяет слушателю совершать специализированные, точечные запросы, обращаясь к развлекательным подкастам как ресурсам устного повествования. В 2010-х гг. появилось много развлекательных аудио-подкастов, посвященных историям о реальных преступлениях. Хотя многие исследования рассматривают сторителлинг о произошедших преступлениях в литературе, кино, телевидении, особенности его воплощения в цифровых медиа, особенно аудиальных, пока недостаточно изучены. Поэтому представляется актуальным анализ функционирования жанра «реальное преступление» на платформе аудио-подкаста.

В данной статье я исследую вопрос: какие возможности для взаимодействия авторов нарративов в жанре «реальное преступление» и их аудитории предоставляют аудио-подкасты? Чтобы ответить на него, я анализирую подход к повествованию о реальных преступлениях, реализуемый в независимом подкасте «Мое любимое убийство» (США, 2016 – наст. вр.). Выпуск подкаста строится как диалог: две ведущие по очереди рассказывают друг другу и аудитории истории о реально произошедших преступлениях. Выпуски «Моего любимого убийства» (далее – «МЛУ») выходят еженедельно и доступны на крупных платформах распространения подкастов, например «АйТьюнс Стор» или «Подбей». Авторы подкаста – Карен Килгарифф, выступающая в формате стенд-ап

комедии¹¹ и работающая сценаристом для телевизионных комедийных шоу, и Джорджия Хардстарк, в прошлом ведущая телевизионного кулинарного шоу.

Подкаст «МЛУ» пользуется большой популярностью. Через пять месяцев после своего появления он попал на первое место в рейтинге комедийных подкастов, скачиваемых с платформы «Ай-Тьюнс Стор»¹². С того момента он стабильно удерживается в первой десятке рейтинга¹³, который формируется в соответствии с общими показателями по скачиванию выпусков подкастов. Однако для данного исследования важна не только популярность «МЛУ», но и его статус независимого подкаста. Исследователь аудиальных медиа Ричард Берри выделяет две тенденции в современном производстве подкастов: создание контента силами профессионалов радио-вещания и (или) связанных с брендами и запись подкастов простыми пользователями в отрыве от медиа-индустрии¹⁴. Во втором случае создаются возможности для экспериментирования и развития новых типов аудио-контента. В отличие от медиа-брендов, независимые подкастеры не ориентируются на массовый спрос. Они производят контент на конкретные, часто достаточно узкие темы, стараясь «обслуживать нишевую аудиторию»¹⁵. Как медиум эпохи «Веб 2.0», в которой границы между производителями и потребителями контента стираются, подкасты, не связанные с институциями, характеризуются «горизонтальными», анти-иерархичными отношениями между создателями и слушателями. Они основываются на понимании относительной легкости перехода от прослушивания к записи подкаста¹⁶. В качестве «горизонтального» медиума подкаст упрощает интеракцию между ведущими и слушателями, способствует построению виртуального сообщества по интересам.

Неле Хайзе, опираясь на работы Берри, анализирует способности независимых, «самодельных» (англ. “DIY” (“Do it Yourself”)) подкастов «трансформировать нарративные структуры, элементы и логики»¹⁷ жанров, характерных для радио и других типов медиа: ток-шоу, сериалов, блогов. Хайзе относит независимые подкасты к «персональным медиа»¹⁸, отсылая к исследованиям Марики Людерс. Людерс связывает их с распространением Интернета и мобильных устройств¹⁹. В отличие от массовых, персональные медиа противятся установлению иерархии между производителями и потребителями контента и направлены в первую очередь на «межличностную коммуникацию и персонифицированное самовыражение»²⁰.

В своем анализе я опираюсь на теорию Генри Дженкинса об партиципаторной культуре (или «культуре соучастия»), «в кото-

рой... потребители приглашены активно участвовать в создании и распространении нового контента»²¹. Я рассматриваю «МЛУ» как результат творчества простых пользователей. В современном обществе его делают возможным «новые технологии»²², в число которых входят и аудио-подкасты. Интернет позволяет потребителям занимать более активную позицию: «апроприировать медиа-контент»²³ и бросать вызов доминированию «производителей текстов и институционализированных интерпретаторов»²⁴. Хотя ведущие подкаста «МЛУ» рассказывают истории о реально произошедших преступлениях, в большинстве случаев эти нарративы являются результатами ре-медиации контента других потребленных ими «текстов» массовой культуры: книг, статей, телешоу. Таким образом, создатели подкаста участвуют в циркуляции популярной культуры и создают на основе ее примеров собственные материалы.

Данное исследование проведено по результатам прослушивания 17-ти выпусков подкаста «Мое любимое убийство». Поскольку между выпусками подкаста нет линейной связи: они не представляют собой части одной истории, – такое ограничение объема материалов для анализа представляется мне допустимым. Я исследую, как ведущие «МЛУ» обозначают свой подход к повествованию о реальных преступлениях, применяя к их речевым практикам дискурс-анализ, а также при помощи семиотического анализа рассматриваю, как они используют голос и другие источники звука.

Воплощение жанра «реальное преступление» в подкастах исследовано пока только на примере подкаста «Сериал» (США, NPR, 2014 – наст. вр.). Первый сезон «Сериала» включал 12 выпусков, на протяжении которых нарратор, профессиональный журналист Сара Кениг, расследовала обстоятельства убийства девушки в 1999 г. в штате Балтимор и судебного процесса над бывшим парнем жертвы. Создатели подкаста «Сериал» – профессиональные радио-журналисты, ранее работавшие над популярной радио-программой «Эта американская жизнь» (WBEZ, 1995 – наст. вр.). Из нее ведущая Сара Кениг заимствует технику сторителлинга: подкрепляет свою речь отсылками к проведенному ею подробному расследованию, зачитывает заранее подготовленные тексты, активно ориентирует слушателя в нарративе, делится собственными сомнениями и переживаниями. В случае «Сериала» платформа подкаста по сравнению с радио значительно облегчила условия прослушивания выпусков. Аудио-файлы можно было потреблять на сайте проекта, через онлайн-собрания подкастов или мобильные приложения в любое удобное для слушателей время и в любом объеме: все подряд или по одному по мере их публикации.

С распространением осведомленности о «Сериале» и ростом его аудитории возросло желание слушателей участвовать в достраивании истории, восполнении ее лакун. Несмотря на заинтересованность слушателей в партиципации, создатели «Сериала» сохранили вертикальный подход к коммуникации, настаивая на авторитетности своей речи как дискурса профессиональных журналистов. Авторы этого популярного профессионально произведенного подкаста не использовали возможности подкаста как партиципаторного медиума: не предложили слушателям условия участия в создании контента и игнорировали фанатскую активность на других интернет-платформах.

В течение полутора лет с момента создания «Мое любимое убийство» входил в сеть подкастов «Ферал Аудио»²⁵. На ее официальном сайте подчеркивается, что «каждое шоу [(подкаст)] в сети на 100% принадлежит его создателям, не проходит через редакции и фильтры»²⁶. В этих условиях авторы каждого подкаста самостоятельно принимают решение о его стилистических особенностях. «МЛУ» – это пример независимого подкаста, намеренно не звучащего как радио. Звуковой ряд выпуска «МЛУ» не отличается большим разнообразием: он включает короткую музыкальную заставку и беседу ведущих Карен Килгарифф и Джорджии Хардстарк. Создатели не сопровождают свою речь музыкой или звуковыми эффектами, что отличает их, например, от «Сериала» и других подкастов, производимых профессионалами радио. Карен и Джорджия подчеркивают свой DIY-подход в отношении производства подкаста, например, рассказывая о том, как была создана музыкальная заставка. Ее низкое качество объясняют тем, что одна из ведущих (Карен) записала ее как черновую версию, но затем она была утверждена как итоговая (вып. № 68). Образу «самодельного» подкаста соответствует и тот факт, что большинство выпусков были записаны в доме Джорджии. Ведущие часто акцентируют внимание на этом факте, комментируя оформление комнаты и поведение кошек Джорджии, которые мяукают или ходят по ее вещам. Ведущие отвлекаются на звуки, которые доносятся с улицы. В выпуске № 26 они вспоминают о салюте, который совпал с их предыдущей записью и напугал их и слушателей. Некоторые выпуски «МЛУ» проходят не в домашней обстановке, а на различных публичных площадках. По содержанию живые выступления идентичны обычным выпускам, и впоследствии создатели помещают их аудио-записи в свободный доступ наряду с остальным контентом. Во время публичных выступлений ведущие часто обращают внимание на различия, как бы напоминая аудитории, что обычно они «вещают» из

домашней обстановки. Например, во время первого выступления в рамках фестиваля подкастов в Лос-Анджелесе Джорджия пошутила: «Мы попросили... воссоздать мою квартиру на сцене» (вып. № 36). По мнению Ричарда Берри, то, что «многие [независимые] подкасты записываются в домах ведущих»²⁷, делает потребление этих «самодельных» подкастов более интимным опытом, чем прослушивание радио. В этом случае процесс производства контента предстает не менее персонализированным, чем его потребление, что сближает ведущего со слушателями.

Для профессионального аудио-репортажа характерны «ровное, неразличимое на слух сведение нескольких звуковых отрезков и кажущаяся не стоящей усилий, высоко информативная речь»²⁸. Однако особенности структурирования речи и произношения слов в выпусках «МЛУ» также дополняют образ ведущих как «вещателей»-любителей. В начале выпуска до того, как поприветствовать слушателей, представиться и пояснить тему подкаста, Карен и Джорджия часто тратят некоторое время, беседуя на личные темы, а потом как будто бы вспоминают о формальных требованиях. Во время рассказов о преступлениях ведущие часто отвлекаются от основной темы повествования и переходят на обсуждение событий из их жизни, перебивают друг друга, чтобы поделиться мыслями или вопросами, которые вызывает та или иная история. В речь Карен и Джорджии часто попадают элементы ненормативной лексики, а также слова-паразиты. Ведущим свойственны оговорки, запинки, проблемы с воспоминанием и произнесением сложных слов. Некоторые фрагменты выпусков демонстрируют не только несовершенство дикции и лексики ведущих, но и их недостаточную эрудицию. В выпуске № 22 во время рассказа об убийстве, произошедшем в Англии XVI в., Карен постоянно сомневается, правильно ли она считывает римские цифры, и с большим трудом произносит названия английских городов. Карен в шутку жалуется аудитории, что подкаст постоянно изобличает ее невежество, тогда как «раньше она считала себя супер-умной» (вып. № 36). Эта готовность ведущих демонстрировать слушателям свои недостатки способствует восприятию их как «обычных людей», производящих медиаконтент, а также служит построению доверительных связей со слушателями.

Помимо опытных «вещателей», ведущие подкаста «МЛУ» отдают себя и от профессионалов, говорящих о преступлениях. Как замечает Карен, они «не пытаются быть экспертами какого-либо рода» (вып. № 41), поэтому не осуществляют исчерпывающе подробный анализ событий. Ведущие не видят в качестве своей

главной цели информирование слушателей. Карен говорит в одном из выпусков: «Если кто-то приходит сюда [(в смысле: слушает их подкаст)], чтобы учиться, они допускают ужасную ошибку» (вып. № 22). В то же время они охотно отсылают слушателей, желающих узнать больше деталей о рассказываемых ими преступлениях, к другим «текстам» о преступлениях. Они включают документальные фильмы, выпуски телевизионных шоу, книги в жанре «реальное преступление», статьи в блогах и в «Википедии», которые обычно служат основой для рассказов Карен и Джорджии, о чем ведущие говорят открыто (например, в вып. № 3). Создатели «МЛУ» также осознают разрыв между собственным подходом к сторителлингу и другими популярными образцами жанра «реальное преступление». Во втором выпуске Карен размышляет о том, что их контент вряд ли понравится завсегдатаям интернет-платформы «Реддит». Таким образом, она как бы противопоставляет «МЛУ» подкасту «Сериал» и телевизионному документальному сериалу «Создавая убийцу», оживленные дискуссии о которых на платформе «Реддит» привлекли не меньшее внимание СМИ, чем сами проекты²⁹. Во-первых, в отличие от современных документальных фильмов и подкастов типа «Сериала», Карен и Джорджия не стремятся расследовать преступления и, как правило, рассказывают о уже «разгаданных» кейсах.

Намеренно отграничивая себя от профессионалов радио и знатоков криминологии, ведущие подкаста «МЛУ» четко идентифицируют себя как фанатов жанра «реальное преступление». Карен и Джорджия часто напоминают слушателям о насмотренности и начитанности (например, в вып. № 17) в области развлекательных нарративов о реальных преступлениях. Ведущим нравятся истории, в которых события не поддаются рациональному объяснению и вызывают у них сильные эмоции. В интервью «Вашингтон Пост» Карен объясняет, что их любовь к жанру основывается не на том, то им «нравится, что [убийства] происходят», но на столкновениях с необъяснимым, невозможностью «поверить, что это произошло»³⁰. Прослушав рассказ Карен о преступлении в выпуске № 4, Джорджия хвалит ее выбор, отмечая, что это «самая страшная история, которую она слышала в своей жизни». Можно заключить, что привлекательность жанра «реальное преступление» для ведущих «МЛУ» связана с его способностью подтверждать «таящееся подозрение, что мир более сложный, менее знакомый и контролируемый, чем позволяет доминантный дискурс»³¹. Кроме того, Карен часто обосновывает свое решение пересказать события определенного преступления тем, что видит в этом возможность, в первую

очередь, рассказать интересную историю (вып. № 51). Она считает, что такой способ восприятия может быть сформирован ее опытом написания сценариев (вып. № 3).

Подкаст «Мое любимое убийство» можно включить в контекст фанатской культуры³² не только в связи с тем, что его создатели причисляют себя к фанатам жанра «реальное преступление», но и потому, что они часто обсуждают не только истории, освещенные в продуктах коммерческой культуры, но и сами эти продукты: фильмы, книги, телевизионные шоу. Можно заметить, что Карен и Джорджию интересуют не только сюжеты, но и подходы к их репрезентации. Так, они критикуют вставку в документальные фильмы и телешоу сцен, в которых реконструируются детали совершения преступления, так как они лишают изображаемое эффекта правдоподобия (в вып. № 6, № 51). Карен признается, что любит документальные телепрограммы о реальных преступлениях, в которых повествование ведется от первого лица (вып. № 51). Ведущие часто рекомендуют своим слушателям продукты в жанре «реальное преступление», которые нравятся им самим. Как и многие фанаты жанра «реальное преступление», ведущие периодически присоединяются к «сконцентрированному в Интернете кустарному правосудию»³³: предлагают свои гипотезы, способные объяснить загадки и пробелы в расследованиях журналистов и полиции. Обсуждение других примеров развлекательного сторителлинга представляется создателями «МЛУ» важной частью их контента, так как даже упоминается в анонсах к выпускам³⁴.

Подобно другим фанатам, которые долго остаются под сильным впечатлением от культурных текстов³⁵, ведущие подкаста «Мое любимое убийство» «ищут способы использовать их для собственных интересов»³⁶. Так, Карен и Джорджия связывают решение создать развлекательный подкаст «Мое любимое убийство» со стремлением публичной реализации своей идентичности как фанатов жанра «реальное преступление». С одной стороны, ведущие описывают свой интерес к историям о реальных преступлениях как маргинальный. Карен рассказывает, что в детстве ее все время ругала школьная библиотекаря, когда она смотрела книгу о преступлениях (мини-вып. № 1), а во взрослой жизни ее желание поговорить с малознакомыми людьми о знаменитых убийствах, произошедших в их городах, также часто встречало непонимание и осуждение (вып. № 1). Ведущие отмечают, что им часто было сложно рассказывать о своем увлечении, так как они боялись, что их примут за сумасшедших или любителей насилия. В то же время создатели «МЛУ» настаивают на легитимном статусе фаната

жанра «реальное преступление». В их повседневной жизни есть социальные фреймы, в которых обсуждение его продуктов признается нормальной практикой: в кругу других стенд-ап комиков, в случае Карен, и ближайших друзей ведущих.

Признав себя фанатами жанра «реальное преступление», ведущие подкаста изначально выступили «с позиции коллективной идентичности»³⁷, отсылая к существующему рассеянному сообществу. В одном из первых выпусков они признаются «[Мы] обе помешаны на жанре “реальное преступление”. Как и много других людей» (вып. № 4). В то же время с первых выпусков они стремились выстроить сообщество из слушателей их подкаста. Подобно производителям других независимых подкастов, Карен и Джорджия широко используют ресурсы онлайн-коммуникации для выстраивания связей с аудиторией: ведут аккаунты в «Инстаграм», «Твиттер» и открытую страницу в «Фейсбук», на которых анонсируют новые выпуски или делятся фотографиями с живых выступлений. После первого выпуска они создали закрытую группу в «Фейсбук», в которой предложили аудитории делиться историями о преступлениях, произошедших в их городах, и общаться с авторами подкаста и друг с другом (вып. № 2). Спустя полтора года эта группа насчитывает около 150-ти тысяч участников³⁸ и, помимо изначально предложенных практик, используется ее участниками для обмена рекомендациями медиа-продуктов в жанре «реальное преступление», организации встреч фанатов подкаста друг с другом, публикации объявлений о товарах (вышивках, брелоках, косметике, настольных играх, значках, бижутерии, посуде), вдохновленного подкастом, которые производят и продают некоторые слушатели, ссылок на приобретение билетов на живые выступления Карен и Джорджии³⁹. Укреплению чувства сообщества, объединяющего ведущих и их аудиторию, также служит их призыв помогать благотворительным организациям, выступающим против домашнего насилия и халатности в расследовании сексуальных преступлений. Ведущие переводят им часть своих заработков от продажи товаров с символической подкаста «МЛУ»⁴⁰, фанаты также сообщают им о своих пожертвованиях.

Карен и Джорджия активно поощряют фанатские практики в выпусках подкаста. Так, прозвище «мердерино» (от англ. murder – «убийство»), которое выбрали для себя их слушатели⁴¹, было принято ведущими и упомянуто ими уже в анонсе к выпуску № 22. Периодически Карен и Джорджия делятся своими впечатлениями от того, как функционирует и растет закрытая группа, благодарят тех ее членов, которые добровольно в качестве модера-

торов следят за тем, чтобы в общении участников царило взаимное уважение. Части некоторых выпусков посвящены рассказам о подарках, которые ведущие получают от фанатов: самодельных открытках, зинах, пазлах, косметических продуктах. «Мое любимое убийство» – пример того, как в современной медиасреде как месте для «экспериментов и инноваций» фанаты массовой культуры «создают материалы, которые и сами могут привлечь культовое следование»⁴².

Отношение создателей и потребителей подкаста «МЛУ» можно охарактеризовать как анти-иерархичные не только в связи с тем, что ведущие способствовали формированию и развитию фанатского сообщества. Еще в первом выпуске Карен и Джорджия предложили слушателям способы участия в создании аудио-контента. Один из них – присылать им на электронную почту истории о преступлениях, давно или недавно произошедших в городах слушателей. Выпуски с четвертого по девятый включали завершающий сегмент, в котором ведущие зачитывали по два или три письма от слушателей. С конца марта 2016 г. Карен и Джорджия дополнили свои регулярные выпуски «минизодами» (мини-эпизодами), целиком посвященными обсуждению преступлений, о которых им пишут члены аудитории. Во время живых выступлений слушателям иногда предоставляется возможность присоединить свой голос к аудиоряду подкаста. Например, в конце записи выпуска № 41 Карен и Джорджия выбрали и пригласили на сцену одного из зрителей, желавших рассказать истории о преступлениях, случившихся в их городах. Ведущие признают слушателей «частью подкаста» и часто благодарят их за готовность делиться историями (например в вып. № 6).

Другой доступный слушателям способ влияния на контент – поправлять Карен и Джорджию в случае допущения ими ошибок и неточностей. В первом выпуске Карен обращается к аудитории с просьбой: «Если мы спутаем информацию, пожалуйста, скажите нам». «Поправки» составляют небольшой сегмент в структуре многих выпусков «МЛУ». Ведущие охотно признаются в допущенных ошибках и благодарят слушателей за то, что те обращают внимание на неточности в использовании ими полицейской и медицинской терминологии, их заблуждения по поводу работы правоохранительных органов, невнимательность к именам.

Карен и Джорджия находят свою непрофессиональную манеру речи простительной, так как сторителлинг в их подкасте в первую очередь нацелен не на информирование, а на развлечение, поэтому рамкой для него служит повседневная неформальная беседа.

Создатели «МЛУ» позиционируют подкаст как ресурс, способный удовлетворять потребность других фанатов развлекательного сторителлинга о реальном преступлении в участии, хотя и виртуальном, в неформальном обсуждении его различных примеров. В начале одного из выпусков они обращаются к слушателю, возможно впервые включившему их подкаст: «Ты можешь с кем-либо обсудить [истории об убийствах]? Поэтому ты здесь: из-за того, что больше никто [кроме тебя] не заинтересован?.. Потому что мы здесь по этой причине» (вып. № 17). С развитием Интернета и мобильных устройств «звук становится более материально опосредуемым при помощи массы новомодных способов» и «все более подобным вещи – продукту, который можно купить и продать на “АйТьюнс”»⁴³. Голоса, неформально обсуждающие определенную тему, после «упаковки» их в форму подкаста также становятся предметом потребления. Горизонтальные отношения с аудиторией влияют и на коммерческий аспект функционирования подкаста «Мое любимое убийство». Как и в случае большинства независимых подкастов, все его выпуски доступны для бесплатного прослушивания. Однако наряду с рекламой и продажей товаров (одежды и различных аксессуаров) и билетов на живые выступления, одним из основных ресурсов заработка создателей подкаста является краудфандинг – добровольные разовые или ежемесячные пожертвования от слушателей. После первого успеха в рейтингах создатели «МЛУ» дают слушателям ссылку на страницу на платформе «Патреон», через которую просят перечислять им денежные средства⁴⁴, сравнивая прослушивание их подкаста с потреблением других продуктов массовой культуры: фильмов и сериалов, платить за которые считается в порядке вещей (вып. № 17).

Помимо подчеркнутого дилетантизма в речи, подход ведущих подкаста «МЛУ» к жанру «реальное преступление» заключается в оформлении историй, поступающим им в готовом виде из различных медиа или от их слушателей, через устный пересказ. Его особенности связаны с их личным культурным и социальным опытом. Так, помимо нарративов о реально произошедших преступлениях, ведущие «МЛУ» часто делают отсылки к художественным фильмам и сериалам на криминальную тематику, а также фильмам ужасов, научно-фантастическому кино, костюмным драмам, комедиям. Опыт ведущих как потребителей художественных экранных нарративов часто проявляется и в том, как они воспринимают события реально произошедших преступлений. В этом аспекте сторителлинга также есть место для коммуникации с аудиторией, так как в некоторых случаях ведущие предлагают слушателям представить

образы из популярных фильмов и сериалов для лучшего погружения в историю. Как и любой «медиум, который полностью полагается на звук», аудио-подкаст «пробуждает богатый ряд изображений в сознании слушателей»⁴⁵. Делясь личными визуальными ассоциациями, возникающими при чтении и прослушивании историй, ведущие «МЛУ» как бы приглашают аудиторию разделить с ними опыт воображения.

В своих рассказах авторы подкаста воспроизводят многие клише и речевые условности, свойственные развлекательному сторителлингу о реальном преступлении: предлагают аудитории представить себя на месте жертв или преступников и сами совершают подобные попытки, используют термины судебной экспертизы и психологии, при помощи которых преступления обычно объясняются в различных медиа-текстах. Но в тоже время им также удается выстраивать дистанцию по отношению к его конвенциям либо в результате ознакомления с текстами, опровергающими «общие места», либо благодаря коммуникации со слушателями, которые указывают им на ошибки в использовании или интерпретации терминов.

На повествование Карен и Джорджии о реальных преступлениях влияет не только опыт потребления массовой культуры, но и их социальный бэкграунд. Одним из факторов отбора историй для выпусков иногда выступают их связи с биографиями ведущих или их друзей. Например, в выпуске № 17 Карен рассказывает об убийстве, которое произошло в ее городе, когда она была ребенком. Личная значимость является обязательным требованием ведущих к «внешним» историям – от их слушателей. В первом выпуске, обращаясь к аудитории, они подчеркивают, что они хотят получить не гиперссылки на готовые статьи, а прочитать истории, в которых будет звучать «собственный голос» человека, в той или иной степени столкнувшегося с преступлением: подвергнувшегося риску для жизни, знакомому с участниками событий, или жившему в конкретном городе в период, когда там произошло преступление. Карен и Джорджия считают, что у всех есть подобные истории, но не всегда есть возможность рассказать их. Ведущие побуждают слушателей к сторителлингу о реальных преступлениях, особая аутентичность которого основывается на связях событий с личным опытом рассказчиков.

Гораздо чаще Карен и Джорджия рассказывают истории, не затронувшие их напрямую, но при этом им часто удается «персонализировать» их при помощи проведения параллелей с собственными биографиями. Детство (в случае Джорджии) и подростковый

возраст (в случае Карен) ведущих пришлось на 1980-е гг., о чем они обычно напоминают слушателям при повествовании о преступлениях, произошедших в этот период (например, в вып. № 17, 3, мини-вып. № 4). Описывая опасные ситуации, в которые попадали дети в рассказываемых историях, Карен и Джорджия сравнивают их с условиями, в которых воспитывались они сами: их часто оставляли дома одних, не пристегивали ремнями безопасности в машинах, им разрешали оставаться на ночевки у ровесников, с семьями которых их родители не были знакомы. Обсуждение некоторых деталей историй также часто сопровождается отвлечениями на личный опыт Карен и Джорджии. Так, например, Карен прерывает рассказ Джорджии о преступнике, на поведение которого повлияли многочисленные травмы головы, и вспоминает об аварии, в которую она попала в подростковом возрасте и чудом избежала сотрясения мозга. Джорджия также говорит о рисках травмы головы, которым она подвергалась (вып. № 17). Таким образом, ведущие пытаются как бы глубже вовлечься в истории, вписывая их в знакомую им повседневность. Они часто актуализируют тему незащищенности женщин в прошлом и настоящем (например, в вып. № 1, 7, 3, 17). Большую часть аудитории подкаста «МЛУ» (80–85 %) на настоящий момент составляют женщины⁴⁶, и в обращениях ведущих к слушателям также присутствует акцент на женском опыте. Карен и Джорджия часто подчеркивают важность заботы женщин о собственной безопасности. Кроме того, ведущие призывают аудиторию быть ответственными гражданами: обращать внимание на риски, которым подвергаются другие люди.

* * *

Итак, избрав позицию не экспертов, а фанатов, создатели независимого подкаста «Мое любимое убийство» развили индивидуальную манеру разговора о реальных преступлениях. Им удается совмещать воспроизведение конвенций жанра «реальное преступление» с выстраиванием критической дистанции к устоявшимся клише. В этом им помогает де-иерархизированный подход к коммуникации с аудиторией, поощряющий отклик в том числе и в виде критических замечаний. Кроме того, подкаст предлагает аудитории новые типы удовольствия от потребления жанра «реальное преступление». Во-первых, он освобождает его фанатов от маргинального статуса. Они помещены на позиции рассказчиков, введены как новые персонажи медиа-текста о преступлении. Это помогает «МЛУ» репрезентировать неформальный разговор о произошедших преступлениях как легитимный. Во-вторых, «МЛУ» распро-

страняет позитивное высказывание о способностях их слушателей защитить себя, связывая безопасность с самостоятельным мышлением членов общества, проявлением ими гражданской сознательности и взаимопомощи.

В качестве персональных медиа независимые подкасты способствуют возникновению новых «личных медиа-жанров»⁴⁷. Так, в случае подкаста «МЛУ» становится возможной новая, более связанная с личным опытом рассказчика форма разговора о реальных преступлениях. Выбор разговорного подхода к сторителлингу позволяет Карен Килгарифф и Джорджии Хардстарк, а также их слушателям всячески «персонализировать» повествование: вписывать разговоры о преступлениях в свою повседневность и проводить многочисленные параллели между пересказываемыми событиями и собственным опытом жизни в обществе, включающим столкновения с опасностями и потребление массовой культуры.

Примечания

- ¹ *Biessi A.* Crime, Fear and the Law in True Crime Stories. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2001. P. 21.
- ² *Ibid.* P. 91.
- ³ *Ibid.* P. 40.
- ⁴ *Seltzer M.* True Crime: Observations on Violence and Modernity. L; N. Y.: Routledge, 2006. P. 16.
- ⁵ *Alexander B.* The New Digital Storytelling. Santa Barbara, CA: Praeger, 2011. P. 3.
- ⁶ Термин «подкаст» в 2004 г. ввел журналист Би-Би-Си Джон Хаммерсли, сложив слова iPod (плеер компании «Эппл» как инструмент для прослушивания) и broadcast («транслировать»).
- ⁷ Podcast [Электронный ресурс] // OxfordDictionaries.com URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/podcast> (дата обращения: 04.09.2017).
- ⁸ *Berry R.* Will the iPod Kill the Radio Star?: Profiling Podcasting as Radio // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies.* 2006. Vol. 12 (2). P. 151.
- ⁹ *Jenkins H.* Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. L; N. Y.: New York University Press, 2006. P. 157–158.
- ¹⁰ *Berry R.* A Golden Age of Podcasting? Evaluating Serial in the Context of Podcast Histories // *Journal of Radio & Audio Media.* 2015. Vol. 22 (2). P. 172.
- ¹¹ Stand-up comedy – жанр публичного выступления, в котором выступающий в режиме «здесь и сейчас» представляет аудитории материал (историю или отдельные замечания) на любые злободневные темы, провоцирующий смеховую реакцию зрителя. Подробнее см.: *Limon J.* Stand-up Comedy in Theory, Or, Abjection in America. L.: Duke University Press, 2000. P. 1–10.

- ¹² *Wilkinson A.* My Favorite Murder: Behind the caution tape with podcast hosts Karen Kilgariff and Georgia Hardstark [Электронный ресурс] // Entertainment Weekly. 10 March 2017. URL: <http://ew.com/news/2017/03/10/my-favorite-murder-podcast-karen-kilgariff-georgia-hardstark/> (дата обращения: 04.09.2017).
- ¹³ *Stewart A.* “My Favorite Murder” and the growing acceptance of true-crime entertainment [Электронный ресурс] // The Washington Post. 7 May 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/my-favorite-murder-and-the-growing-acceptance-of-true-crime-entertainment/2017/05/07/7c9b53d8-2f71-11e7-9dec-764dc781686f_story.html?utm_term=.c05df1f0078d (дата обращения: 04.09.2017).
- ¹⁴ *Berry R.* Serial and Ten Years of Podcasting: has the medium grown up? // Radio, Sound and Internet Proceedings of Net Station International Conference / Ed. by M. Oliveira, F. Ribeiro. Braga: CECS (Centro de Estudos de Comunicação e Sociedade), 2015. P. 304.
- ¹⁵ *Markman K.M.* Doing Radio, Making Friends, and Having Fun: Exploring the Motivations of Independent Audio Podcasters // New Media & Society. 2012. Vol. 14 (4). P. 560.
- ¹⁶ *Heise N.* On the Shoulders of Giants?: How audio podcasters adopt, transform and re-invent radio storytelling [Электронный ресурс] // Transnational Radio Stories [MOOC course] 2014. URL: https://hamburgergarnele.files.wordpress.com/2014/09/podcasts_heise_public.pdf (дата обращения: 04.09.2017). P. 2.
- ¹⁷ Ibid. P. 5.
- ¹⁸ Ibid. P. 2.
- ¹⁹ *Lüders M., Proitz, L., Rasmussen, T.* Emerging Personal Media Genres // New Media & Society. 2010. Vol.10 (5). P. 950.
- ²⁰ *Lüders M.* Conceptualizing Personal Media // New Media & Society. 2008. Vol. 10 (5). P. 684.
- ²¹ *Jenkins H.* Op. cit. P. 290.
- ²² Ibid. P. 136.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ *Jenkins H.* Textual Proachers: Television Fans and Participatory Culture. N. Y.; L.: Routledge, 1992. P. 25.
- ²⁵ В августе 2017 г. подкаст вышел из сети «Ферал Аудио» и заключил контракт с сетью подкастов «Мидролл», специализирующейся на привлечении к подкастам рекламы.
- ²⁶ Официальный сайт сети подкастов “Feral Audio” [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feralaudio.com/> (дата обращения: 04.09.2017).
- ²⁷ *Berry R.* Podcasting: Considering the Evolution of the Medium and its Association with the Word ‘Radio’ // The Radio Journal – International Studies in Broadcast & Audio Media. 2016. Vol.14 (1). P. 14.
- ²⁸ *Nyire L.* Sound Media: From Live Journalism to Music Recording. L.; N. Y.: Routledge, 2008. P. 42.

- ²⁹ *Marsch L.* Murder, They Wrote [Электронный ресурс] // Dissent Spring 2016. URL: <https://www.dissentmagazine.org/article/true-crime-serial-making-murderer-staircase-jinx> (дата обращения: 04.09.2017); *Mittell J.* Downloading Serial (part 4) [Электронный ресурс] // Antenna: Responses to Media and Culture 18 December 2014. URL: <http://blog.commartis.wisc.edu/2014/12/18/downloading-serial-part-4/> (дата обращения: 04.09.2017).
- ³⁰ *Stewart A.* Op. cit.
- ³¹ *Biressi A.* Op. cit. P. 38.
- ³² «Фанатская культура – культура, которая производится фанатами и другими любителями для распространения посредством неофициальной экономики и которая заимствует большую часть своего контента из коммерческой культуры». *Jenkins H.* Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. P. 285.
- ³³ *Seltzer M.* Op. cit. P. 36.
- ³⁴ Например, в описании к вып. № 6: «Ведущие также обсуждают телевизионные шоу “Народ против О. Джея” и “Вскрытие” и читают истории об убийствах, произошедших в родных городах слушателей».
- ³⁵ *Jenkins H.* Textual Proachers: Television Fans and Participatory Culture. P. 24.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ibid. P. 23.
- ³⁸ *Stewart A.* Op. cit.
- ³⁹ Источник информации: закрытая группа для слушателей подкаста «Мое любимое убийство» в социальной сети «Фейсбук» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/groups/322329631270671/?fref=ts> (дата обращения: 04.09.2017).
- ⁴⁰ *Wilkinson A.* Op. cit.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² *Jenkins H.* Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. P. 148.
- ⁴³ *Pinch T., Bijsterveld K.* New Keys to the World of Sound // The Oxford Handbook of Sound Studies / Ed. by T. Pinch, K. Bijsterveld. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 5.
- ⁴⁴ Акаунт подкаста «Мое любимое убийство» на сайте “Patreon” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.patreon.com/myfavoritemurder> (дата обращения: 04.09.2017).
- ⁴⁵ *Lindgren M.* Personal Narrative Journalism and Podcasting // The Radio Journal – International Studies in Broadcast & Audio Media. 2016. Vol.14 (1). P. 27.
- ⁴⁶ *Stewart A.* Op. cit.
- ⁴⁷ *Heise N.* Op. cit. P. 5.

Abstracts

D. Antonov

“Praise the Lord from the Heavens” or Some Observations on the Visual Bestiary of Russian Iconography

The article focuses on the traditions of depicting exotic animals in Russian iconography, mostly on the icons known as “Praise the Lord from the Heavens”. The author traces the evolution of these complicated images from the 16th century to the present-day icons produced for different churches of Moscow and Saint-Petersburg. This study traces the evolution and explores the new ways of constructing an iconographic theme.

Keywords: iconography, bestiary, icons “Praise the Lord from the Heavens”.

L. Belovinsky

The History of Everyday Life in Details: the Problems of Commenting on Texts of Russian Literature

The article deals with the problems of understanding and commenting on the works of N. Gogol, L. Tolstoy and other classics of Russian fiction, as well as the re-edition of prerevolutionary essays, journalism texts, and memoirs. In this article, the approaches to commenting are associated with the study of the history of Russian everyday life. The examples demonstrate the importance of small historical and everyday details used by the authors in the creation of their characters. This study puts a question about the commenting technique: which fragments of a text need commenting, since it allows penetrating the author’s intent and understanding the text, and which incomprehensible details can be left without attention.

Keywords: Russian literature, reissue, memoirs, classics, text, commenting, history, everyday life, historical and everyday details.

I. Chirskova

Education and the Press in the Cultural Policy of the Second Quarter of the XVIII Century: Legislative Regulation

This article focuses on the legislative regulation of education and publishing in the 1720-early 1740s. Education expanded the group of literate people, and stimulated their involvement into the production and consumption of culture products. Publishing of educational and scientific literature supported the development of education. It was at this time that the issues of culture were raised to the state level. The understanding of its importance by the government and the awareness of the need for the cultural support for the country's advance incorporated culture into the legislation of the Russian Empire.

Keywords: education, publishing, cultural policy, legislative regulation of the Russian Empire.

A. Ippolitova

“Prayers regarding the Collection of Herbs and Instructions on how to Pick them” in Russian Manuscript from the 1890s ascribed to M.Velyakov

This paper analyzes a Russian manuscript from the 1890s ascribed to M. Velyakov. It contains a heterogeneous mix of botanical, medical, and household information (several copies of herbals, extracts from medical books, recipes, a catalogue of books on botany, household notes, and so forth). A section of this manuscript concerns details of herb-gathering: “*Prayers regarding the collection of herbs and instructions on how to pick them*”. It contains a list of canonical prayers, non-canonical prayers and charms as well as a description of the herb-picking rite on St. John's Day and “*Detailed instructions on how to gather herbs*”. Such sections were not typical of the Russian herbal tradition of the 17th–18th centuries. The manuscript data is analyzed here in the context of oral and written traditions.

Keywords: Prayers, charms, ethnobotany, manuscript tradition, herbals, rite.

N. Safonova

Genesis of Zoomorphic Images and Specifics of its Developments in Ancient Egyptian Culture

Zoomorphic images played a crucial role in the archaic tradition. With a time as a human worldview changed, the animals' perception, their significance and cultural place was constantly evolving. Today many theories about origins and subsequent development of animal images exist. Different speculations on how people perceive and approach animals in different historical periods circulate among culturologists. The author's main interest lies in the ancient and late periods of Egyptian history, where zoomorphic characters were firmly entwined with a cultural context and remained important until the end of this civilization. The main purpose of the article is to demonstrate how primitive ideas about animal world affected its further evolution and preserved in the late history of Egypt.

Keywords: zoomorphic images, primitive culture, Ancient Egypt, Greco-Roman Egypt, early Christianity.

B. Lyapustin

The evolution of Economic Life of Roman Familia during the Epoch of Late Republic

During the epoch of Late Republic of *familia* elites penetrated in all the corners of Mediterranean area. New elements of the economics in remote regions of the goings of the elite of Rome on affairs of state did not allow *pater familias* to control the economic life of *familia* the same way effectively. Appearing problems were possible to solve with the help of *amicitia* institute. Those changes were the economic crisis of the growth of Roman *familia* during the epoch of political crisis of Roman Republic.

Keywords: Late Republic, economics, *familia*, *pater familias*, *amicitia*.

A. Pozhidaeva

Searching for the Lost Sample: Revisiting the Origin of the Personifications of the Creation Days in West-European Cycles of XII Century

In the miniature of so-called “Verdun Miscellanea” (Verdun, City library Ms1, f.Jr, 1110–1114 or the second quarter of XII century) the Creation Days are portrayed as personifications – the characters with their attributes. If the majority of personifications is similar to the allegorical images of Months in Late-Antique and Early Medieval calendar cycles, then the picture of the Third Day is unlike the others because of the pose, gestures, presence of the green branches aside but not in the hands. The author supposes that, being aware of all the peculiarities of the XII century miniaturist’s work, one can say that the iconography of the Third Day is aligned with the other, mythological sample – the composition “Apollo and Daphne”. Therefore, the miniaturist could have been guided by several samples from different origins or by a Model book containing fragmented calendar and mythological motives.

Keywords: Christian iconography, Model books, Medieval book illumination.

M. Polyakova

Cultural Heritage and Tourism: Interaction and Confrontation

The article examines the problem of “cultural heritage and tourism” in two aspects. On the one hand, it studies various objects of cultural heritage as a basis for the development of tourism and explores the prospect of increasing their diversity. On the other hand, the article considers the preservation of the authentic objects of cultural heritage presented in the tourism market and examines its dependence on current tasks of the tourist business.

Keywords: museum, cultural heritage, tourism, intangible cultural heritage, authenticity, restoration, modern replica.

I. Semenenko-Basin

“The National Hagiographic Project”
in the Russian Cultural Process
in the 19th century

The article discusses various attempts to interpret Russian saints as exponents of the national spirit. Representation of saints in the Russian culture is considered in the context of the “Masonic Enlightenment” in the late 18th century, the emergence of critical hagiography, and the codification of practices of piety in Russian Orthodoxy. For the first time, data on newly discovered manuscripts from the Archive of the Moscow Religious Censorship Authority are published. The author argues that secularization influenced the socio-cultural processes in the religious sphere.

Keywords: hagiography, cultural consciousness, the sainthood phenomenon, secularization.

Z. Salamova

Storytelling about “True Crimes”
in Audio Podcasts: Ways
of Interaction between
the Authors and the Audience

The article explores the realization of “true crime” genre in digital media. The object of this research is the podcast “My Favorite Murder” (USA, 2016–present day). The author aims to answer the question: what possibilities for interaction between the creators of “true crime” narratives and their audience do audio-podcasts offer? Henry Jenkins’s theory about “participatory culture” is crucial for this study. The independent status of the hosts of the podcast and their self-identification as fans of “true crime” genre allows them to participate in circulation and production of popular culture and to create a virtual community.

Keywords: digital storytelling, audio-podcast, “true crime”, participatory culture, fan practices, virtual community.

G. Sukovatykh

Functional Features of the Contemporary Theatrical Movie Trailer

The article examines the changing functions of a modern theatrical trailer and reveals the causes of such alterations. These changes are demonstrated on the example of typical theatrical trailers for films of different genres that were released in three time periods – the “classical”, “transitional” and “modern”. The author argues that the trailer and the way it affects the viewer has undergone a substantial change in the context of the contemporary screen culture. As a result, during these three time periods the key function of the movie trailer has also undergone significant changes.

Keywords: trailer, film, function, audience, screen culture.

S. Yatsenko

Art at the Threshold of the Other World

The article studies a small and very peculiar complex of images (presumably Sarmatian / Alan, produced at the turn of the new era) at the entrance to the half-abandoned Bayte III stone temple, built three centuries earlier at the edge of the desert plateau of Ustyurt. This temple was associated with veneration of ancestors. The compositions engraved by the late visitors can be well explained from the archaic pagan Alano-Ossetian tradition (the dedication of a horse to the deceased, a memorial banner, two carts prepared for a long journey and two dead nearby, a serpent with the animating “bead of happiness”, a rider going to enter the labyrinth, and a likely scene of the “magic hunting” of an archer).

Keywords: art of the early Iranian-speaking nomads, memorial temple of ancestors, Baite III, ritual graffiti, plots, Sarmatians, Alano-Ossetin religion, the boundary of the AD, Ustyurt plateau, Western Kazakhstan.

Сведения об авторах

Антонов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ; старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, antonov-dmitriy@list.ru

Беловинский Леонид Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры музейного дела и охраны культурного наследия Московского государственного института культуры, martapolyak@yandex.ru

Ипполитова Александра Борисовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУК «Центр культурных стратегий и проектного управления», alhip@ya.ru

Ляпустин Борис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, bsl51@mail.ru

Пожидаева Анна Владимировна – кандидат искусствоведения, доцент Школы исторических наук НИУ ВШЭ, arojidaeva69@mail.ru

Полякова Марта Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии факультета истории искусства РГГУ, martapolyak@yandex.ru

Саламова Земфира Каурбековна – аспирант РГГУ; приглашенный преподаватель Школы культурологии НИУ ВШЭ, zemfrasalamova@gmail.com

Сафонова Наталия Вячеславовна – аспирант ФГБУН «Институт востоковедения Российской академии наук», safonovanat@gmail.com

Семенов-Басин Илья Викторович – доктор исторических наук, профессор Учебно-научного центра изучения религии РГГУ, vivere.est@gmail.com

Суковатых Глеб Алексеевич – аспирант кафедры кино и современного искусства факультета истории искусства РГГУ, flooptron@gmail.com

Чирскова Ирина Михайловна – старший преподаватель кафедры теории и истории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, irina.chirskov@yandex.ru

Яценко Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, sergey_yatsenko@mail.ru

General data about the authors

Antonov Dmitriy I. – Ph.D. in History, associate professor, Department of History and Theory of Culture, Chair of Cultural Studies and Social Communication, Russian State University for the Humanities; senior researcher, Laboratory of Theoretical Folklore Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, RANEPa, antonov-dmitriy@list.ru

Belovinsky Leonid V. – Dr. in History, professor, Department of Museum Affairs and Protection of Cultural Heritage, Moscow State Institute of Culture, martapolyak@yandex.ru

Ippolitova Aleksandra B. – Ph.D. in History, senior researcher, Center for Cultural Strategies and Project Management; alhip@ya.ru

Lyapustin Boris S. – Ph.D. in History, associate professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia (MGIMO), bsl51@mail.ru

Pozhidaeva Anna V. – Ph.D. in art History, associate professor, School of Historical Sciences, National Research University – High School of Economics, pojidaeva69@mail.ru

Polyakova Marta A. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Museology, Faculty of Art History, Russian State University for the Humanities, martapolyak@yandex.ru

Safonova Natalia V. – postgraduate student, the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, safonovanat@gmail.com

Salamova Zemfira K. – postgraduate student, Russian State University for the Humanities; invited lecturer, School of Cultural Studies, National Research University – Higher School of Economics, zemfirasalamova@gmail.com

Semenenko-Basin Ilya V. – Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Center for the Study of Religion, vivere.est@gmail.com

Sukovatykh Gleb A. – postgraduate student, Department of Film and Contemporary Art, Faculty of Art History, Russian State University for the Humanities, flooptron@gmail.com

Chirskova Irina M. – senior lecturer, Department of History and Theory of Culture, Chair of Cultural Studies and Social Communication, Russian State University for the Humanities, irina.chirskov@yandex.ru

Yatsenko Sergey A. – Dr. in History, professor, Department of History and Theory of Culture, Chair of Cultural Studies and Social Communication, Russian State University for the Humanities, sergey_yatsenko@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *Ж.П. Григорьева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 25.10.2017.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,4. Уч.-изд. л. 10,9.
Тираж 1050 экз. Заказ № 200

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru
www.knigirggi.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969.
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!
